АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ и БОРИС БУРСОВ

мы видели Корею

ЛЕНИЗДАТ 1948

Александр Гитович и Борис Бурсов

МЫ ВИДЕЛИ КОРЕЮ

Путевые заметки о Северной Корее

2-е издание

Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство
1948

Книга А. Гитовича и Б. Бурсова знакомит с жизнью и борьбой корейского народа. Авторы в своих путевых заметках рассказывают о больших демократических преобразованиях, проведенных в Северной Корее после ее освобождения. Книга содержит много фактов, которые представляют несомненный интерес для советского читателя.

Издательство просит присылать отзывы о книге по адресу:
Ленинград, Торговый пер., 3.

СЕЙСИН — КАНКО — ПХЕНЬЯН

Первый кадр

Совсем маленький мальчик стоял на белой, пыльной дороге. Он был совершенно гол и абсолютно спокоен. Мы остановили машину, — мальчик нисколько не смутился и не тронулся с места. Затем мы увидели девочку лет десяти. За спиной у нее был привязан мальчишка, ростом немного меньше, чем она. Девочка внимательно посмотрела на нас, улыбнулась и помахала нам рукой. В стороне от дороги три буйвола шествовали по берегу ручья. На буйволах сидели мужчины в огромных соломенных шляпах. За ручьем было поле, там работали люди. Они работали сидя. Это была Корея.

Мы только что переехали границу.

Что мы знали о Корее?

В самом деле, что мы знали об этой стране?

Европейцы стали знакомиться с Кореей в конце девятнадцатого века. Тем не менее даже заглавия книг, написанных недавно о Корее, свидетельствуют о том, что она еще сравнительно мало изучена европейцами и американцами. Книги называются: «Государство-отшельник», «Забытая нация», «Страна-затворница».

В 1910 году японцы оккупировали Корею. Она была освобождена советскими войсками ровно через 35 лет, в августе 1945 года.

В книге «Корея — забытая страна», вышедшей в 1944 году в Нью-Йорке, Роберт Оливер писал о периоде японского владычества:

«Они (корейцы) живут в страхе и нужде. Они страдают безмолвно и безнадежно. Миллионы корейцев нынешнего поколения никогда не знали другой жизни. Но они все еще протестуют. Они попрежнему борются за самоуправление. У них попрежнему живут любовь к своей стране, чувство собственного достоинства, решимость сбросить японское ярмо. Государственность для корейского народа — это нечто большее, чем государственный флаг или традиции. Это жизненный путь, который они должны завоевать, ибо они сознают, что кроме этого у них ничего нет. Они не гарантированы за свои жилища, за свою жизнь. Они не могут самостоятельно решать, как им жить, как думать, как действовать. Они знают, что как бы усердно ни работали, как бы мудро ни планировали, тем не менее все накопления сверх того, что нужно для поддержания своего существования, будут у них отобраны.

Газеты помещают только те новости, на которых имеется японский штамп.

В школах преподают историю, философию, географию и социальные вопросы только с японской точки зрения.

Храмы подвергаются преследованию даже за то, что они обращаются к «небесному царству», так как для корейцев есть единственное царство, которому они должны подчиняться — японское.

Названия городов, улиц, храмов и памятников переименованы по-японски.

Народ принуждается соблюдать японские обычаи, говорить по-японски и мыслить только как японцы».

После разгрома Японии на территории Кореи оказались советские и американские войска. Демаркационной линией между ними была установлена 38-я параллель, идущая от Японского моря к Желтому. Она разделила страну на две почти равных части. К югу от параллели расположились американские войска. На севере дислоцируются части Советской Армии.

Несколько месяцев спустя, в декабре 1945 года, на Московском совещании министров иностранных дел было решено, что Советский Союз и США принимают на

себя опеку над Кореей сроком до пяти лет. Было признано необходимым создать Временное корейское демократическое правительство.

Сейсин

Машина шла вдоль реки Туманган. Река становилась все шире и шире, и вот уже в лицо нам подул морской ветер. Затем мы увидели Японское море. День был пасмурный, море казалось совсем темным, и такими же темными были прибрежные утесы. Когда машина подымалась вверх по горной дороге, море было видно до самого горизонта. Когда машина спускалась вниз, мы видели только небольшое пространство темной воды и снежно-белую пену прибоя.

Мы остановились в Расине, портовом городке, где в августе 1945 года высадились первые десанты советских моряков. В бухте еще стояли разбитые японские корабли, портовые постройки были тоже разбиты или сожжены. В самом городе следы войны не заметны. Мы проехали по японскому кварталу мимо чистых, серых и скучных домиков. Они всегда одинаковы, эти японские кварталы. Такими мы видели их в Маньчжурии, такими они оказались и здесь, в Корее.

Мы пообедали в крошечном ресторане. Прямо на дверях по-русски было написано: «Лидия Алексеевна Петрова». Лидия Алексеевна оказалась старой кореянкой, много лет тому назад жившей в России, в Перми. Там ее называли Лидией Алексеевной, там и фамилия у нее была русская. Лидия Алексеевна почти забыла русский язык, она помнит только несколько десятков слов, но как готовить русский обед — этого не забыла. Шофер и привел нас обедать к ней, потому что шоферы всегда всё знают.

В Сейсин мы приехали вечером. Город лежит в широкой долине, над ним высоко поднимаются мощные заводские трубы. Мы переночевали в гостинице. Она стоит на крутом холме, близко от моря. Перед ней, на небольшой площади, воздвигнут памятник в честь советских моряков, погибших в бою за Сейсин.

Утром мы заехали к морякам. Нас познакомили

с Героем Советского Союза старшим лейтенантом Иваном Яроцким. Он первый, командуя разведывательной ротой морской пехоты, высадился в Сейсине и больше суток удерживал здесь позиции, захваченные им на территории рыбного порта. Мы долго бродили в порту, слушая рассказы Яроцкого.

Шел дождь, ветер гнал темные волны, и вода, разбиваясь о каменный мол, белой стеной пены обрушивалась на скользкие камни. На берегу под навесами лежали груды рыбы. Корейцы и кореянки, перебирая рыбу, пели протяжную, длинную песню. Облака опускались все ниже и ниже и, наконец, закрыли вершины невысоких сопок. Над городом висела темная пелена дождя. Мы спрятались от дождя под навес, и здесь кореец-переводчик, которого мы на всякий случай взяли с собою, прибавил к рассказам Яроцкого о войне два своих рассказа.

Недалеко от Сейсина в горном районе наступала советская танковая часть. Дороги были трудно проходимы, мосты неисправны. Местные жители, как могли, помогали танкистам. Жители указывали дороги, выделяли проводников, дежурили в тех местах, где считали необходимым о чем-либо предупредить танкистов. Один старик кореец сутки простоял у моста, который, по мнению крестьян, не смог бы выдержать тяжести танка. Когда, наконец, появились танки, старик, стоявший на мосту, поднял неистовый крик, показывая знаками, что проехать нельзя. Головной танк свернул в сторону, но водитель не остановил машину. Танк подошел к берегу, и тут старику показалось, что машина свалилась в воду. В отчаянье он побежал в деревню, чтобы собрать народ и общими силами вытащить танк из воды. Однако, оглянувшись, старик увидел, что танки уже выходят из воды на другом берегу реки.

Другая история, рассказанная переводчиком, гласит, что давным-давно в глухой горной деревушке тяжело заболел старый крестьянин. Почувствовав приближение смерти, он вызвал двадцатилетнего сына и сказал: «Ты пойдешь в горы и найдешь для меня жень-шень, корень жизни. Иди и не смей возвращаться с пустыми руками».

Сын ушел в горы, но он никогда не видел, как вы-

глядит жень-шень, и не знал, где его искать. Сын ушел и не вернулся. Он не мог прийти с пустыми руками. Все про него забыли. И только через пятьдесят лет он в далеких горах Маньчжурии нашел то, что искал — корень жизни, и семидесятилетним стариком вернулся на родину. Он увидел своих земляков, угнетенных и подавленных японцами. Он хотел было принять жень-шень, чтобы снова стать молодым и сильным, но потом спросил себя: «Зачем мне молодость, если сейчас даже самые сильные и молодые не радуются ей?»

Внезапно в деревню пришла великая весть: русская армия идет на помощь корейцам. Эта весть пришла в деревню утром, днем крестьяне услышали далекий гром канонады, а к вечеру женщины, ходившие на сопки за ягодами, принесли тяжело раненого русского офицера. Офицера уложили в лучшей фанзе деревни. Две женщины, умевшие ходить за больными, всю ночь дежурили у постели раненого офицера. Эту ночь в деревне никто не спал. Не спал и одинокий старик, вернувшийся из Маньчжурии.

На утро женщины сказали, что всякая надежда потеряна — русский офицер умирает. Никто не знал, как помочь горю. Тогда из толпы, окружавшей фанзу, вышел старик и сказал, что он спасет русского. И старику поверили, потому что никто бы не осмелился сказать неправду в такие минуты. Старик вошел в фанзу и пробыл там весь день и всю ночь. На утро следующего дня русский офицер встал с постели. Он был совершенно здоров, потому что старик отдал ему корень жизни, на поиски которого потратил ровно пятьдесят лет.

Вот что услышали мы от нашего переводчика в Рыбном порту, на берегу Японского моря. Пусть эта легенда и наивна, зато в ней отлично передано отношение корейского народа к Советской Армии и советским людям. Впоследствии у нас были сотни возможностей убедиться в этом.

Канко

Нам сказали, что дорога Сейсин — Канко — Пхеньян размыта дождями и перевалы закрыты. Мы выехали поездом в Канко. Ночью поезд прошел сквозь несколько

десятков туннелей, и паровозная гарь толстым слоем покрывала нас с головы до ног.

Зато, поглядев в окно, мы забыли обо всех неудобствах. За окном вагона было море, на его высоких и крутых берегах росли маленькие курчавые сосны, точно такие же, как на японских рисунках. Раскинув ветки, сосны стояли, как зонтики, которые воткнули в морской песок.

Весь этот пейзаж проходил перед нами, как лента старого кинофильма, которая рвется время от времени. Поезд входил в туннель — и наш кинотеатр погружался в абсолютную темноту. Поезд выходил из туннеля — и снова, как на сияющем экране, возникало солнечное море, паруса рыбачьих лодок, скалы, песок и прелестные зонтики сосен.

Мы приехали в Канко ночью и пробыли здесь два дня. Мы решили ехать в Пхеньян машиной, если погода будет хорошая и мосты приведут в порядок.

Днем мы пошли в советскую комендатуру и по телефону связались с Обществом культурной связи Кореи и Советского Союза. К телефону подошел заместитель председателя Общества Ким Е-ен. Он хорошо говорил по-русски. Через полчаса мы уже были у него в гостях. Там нас познакомили с председателем Общества Тен Юром, который говорил по-русски еще лучше, чем Ким Е-ен. Тен Юр совмещает свою работу в Обществе с должностью помощника директора департамента народного просвещения провинции Канко. Эти два культурных и образованных человека стали нашими первыми корейскими друзьями. Разговаривая с ними, мы впервые поняли всю силу благоговения корейцев перед культурой Советского Союза. Оба они хорошо знакомы с русской классической и советской литературой. Сейчас Ким Е-ен переводит прозу Пушкина на корейский язык.

Мы не торопились осматривать достопримечательности Канко, ибо знали, что еще приедем сюда на более продолжительный срок. Мы погуляли по городу. Он выглядел так, как будто был праздничный день. Очень много национальных корейских флагов, портретов Ленина и Сталина, и рядом с ними обязательно был

портрет одного молодого корейца. Нам было уже известно, что это глава Временного народного комитета Северной Кореи — Ким Ир-сен, национальный герой и самый популярный человек страны.

Мы обедали с местными литераторами. Среди них наиболее известен Хан Сик, автор книги стихов «Корейская деревня». Он поэт и критик, пропагандист творчества советских писателей. За несколько дней до нашего приезда он выступил с лекцией о творчестве Горького. Лекция произвела большое впечатление на интеллигенцию города, и о ней много говорили.

За обедом мы познакомились с искусством импровизации, столь любимым на Востоке. Поэты, поднимая крошечные чашечки с корейской водкой «сури», произносили как тост только что сочиненные стихи. Стихи переводил Тен Юр. Вот три стихотворения.

Молодой поэт Ю Кын-сун сказал:

Цепь насилия и гнета
Разорвана ветром истории,
И мы сегодня, грудь с грудью,
Встречаемся со своими друзьями
И заглядываем в будущее,
Где цветы, вино и счастье.

Поэт Ван Дин-хван сказал:

Москва — сердце всего мира,
Москва — сердце мирового искусства,
Мы — дети молодой корейской литературы —
Встречаемся сегодня с вами, людьми Москвы.
И пусть наша дружба будет крепкой,
Как поросль вечно зеленого бамбука.

Затем свою чашечку поднял Хан Бин-чен:

У нас цвет кожи различен,
Но мысль одна.
Наши сердца и души
Приветствуют друг друга,
Это — рукопожатие без слов.

Вечером друзья повели нас в театр. Мы услышали национальную оперу «Сказание о девушке Чун Ян». Опера написана по мотивам старинной народной сказки. В свое время ее перевел на русский язык Гарин-Михайловский. При японцах оперу изуродовала цензура, и все, что говорилось об угнетении народа, о жестокости и несправедливости феодальных князьков, было беспощадно выброшено.

Нам сказали, что в составе театральной труппы имеется только один профессиональный актер. После освобождения Кореи в Канко был создан национальный театр. Его организатором и вдохновителем стал знаменитый писатель Хан Сель-я, время от времени приезжавший из Пхеньяна в Канко, на свою родину. Он собрал молодых любителей музыки и сцены, и прошло меньше года, а театр уже приобрел известность и признание зрителей. Актриса, исполняющая главную роль в спектакле, при японцах работала на почте.

Огромный зал театра был набит до отказа. Преобладали женщины, одетые в национальные костюмы. Нам объяснили, что сегодняшний спектакль дается для жителей Канко, которые по призыву Народного комитета выезжали в деревню на полевые работы помогать крестьянам. Спектакль был бесплатным.

Тен Юр быстро и безупречно переводил текст арий и диалогов. Что касается остальной аудитории — она была несомненно в восторге.

„В царстве звезд"

Погода была плохая, но мы все-таки решили ехать машиной. С нами по делам службы должен был поехать Ким Е-ен. Он пришел к нам в гостиницу в макинтоше, с маленьким чемоданом в руке.

— Пожалуй, сегодня мы не уедем, — сказал Ким Е-ен, — сегодня седьмое июля, и весь день будет лить дождь.

— Почему? — удивились мы.

— Есть в Корее такая легенда, — сказал Ким Е-ен, — она называется «В царстве звезд».

— Пока идет дождь, будем слушать вашу легенду,— и Ким Е-ен начал рассказывать.

«На северном конце Серебряной реки (так в Корее называется Млечный путь) жил могущественный царь. У него была красавица дочь. На южном конце жила обедневшая царица-вдова, и у нее был красавец сын. Молодые люди встретились в небесном пространстве, и сердца их воспылали взаимной любовью. Родители не препятствовали браку, и вскоре была сыграна свадьба. Красавица так полюбила своего мужа, что даже на один день не могла с ним расстаться. Отец не видел ее целый год. Все приглашения она оставляла без внимания. Тогда разгневанный царь приказал своим воинам похитить дочь, когда ее муж будет спать. Приказ царя был выполнен.

Красавица, попав пленницей в отчий дом, плакала и тосковала по любимому мужу. Разлука продолжалась ровно год. Потом молодым супругам явился во сне их ангел-покровитель и назначил встречу на середине Серебряной реки. Они прибыли к назначенному месту, но не могли обменяться даже рукопожатием, так как стояли на разных берегах реки. Оказалось, что, задумав разлучить молодых супругов, отец красавицы с помощью тайных сил перенес свой дворец с восточного на западный берег Серебряной реки. Дворец царицы и ее сына остался на восточном берегу. Между разлученными супругами лежала Серебряная река. Они стояли на ее берегах и горько плакали. И слезы их проливным дождем падали на землю.

Влюбленные встретились 7-го июля и каждый год встречаются в этот день, а потому он считается корейцами самым дождливым днем в году...»

„Голова дракона“

Ким Е-ен рассказал легенду, а дождь не утихал. Все же мы решили поехать. Было пять часов вечера.

Мы проехали мимо предместий Канко, за ними потянулись огромные фруктовые сады. Их, впрочем, трудно даже назвать садами — это была сплошная фруктовая

плантация. Потом плантация кончилась, и темная зелень рисовых полей обступила дорогу. Зеленый цвет полностью владел пространством. Поля, сады, сопки — все было зелено вокруг. Иногда на склонах сопок, среди редких деревьев, белели, словно ульи, вертикально поставленные кладбищенские камни. Корейские кладбища всегда расположены на высоких местах, чтобы во время наводнения вода не заливала могилы. У дороги, обсаженной высокими акациями, стоят кое-где маленькие, очень красивые пагоды. Здесь «отдыхают» покойники на пути к своему вечному покою, когда их несут на кладбище.

Между тем наступили сумерки, и быстро стемнело. Встретив группу крестьян, мы остановили машину, и Ким Е-ен поговорил с ними. Крестьяне сказали, что ближайший мост через горную реку снесен наводнением, но у самой реки есть деревня и там мы сможем переночевать.

Минут через пятнадцать мы уже были в этой деревне. Наше счастье, что с нами ехал Ким Е-ен. Конечно, в каждой корейской деревне рады помочь русскому. Но не так-то легко объяснить, что вам нужно. Потом, когда мы узнали несколько десятков корейских слов, мы уже могли договориться о более или менее простых вещах без помощи переводчика. А пока что словами «кумапсонида», что означает «спасибо», и «тамбе», что означает «сигареты», — исчерпывалось наше знание корейского языка.

В деревне уже спали. Только в одной большой и высокой фанзе горел свет. Ким Е-ен пошел к фанзе. Где-то впереди шумела река. Мы были в узком горном ущелье. При свете фар можно было различить еще несколько фанз, лепившихся на крутом склоне горы. Дождь стучал по брезентовому верху нашей машины.

Вернулся Ким Е-ен и сказал, что эта деревня называется «Головой дракона». Потом он повел нас к фанзе. Там помещался крестьянский Народный комитет. В комнате стояли два стола и стулья, потому что даже в самом бедном корейском учреждении не полагается

сидеть на полу (на цыновках), как в частном доме. Кореец, дежуривший у телефона, улыбнулся нам очень приветливо. Через несколько минут на столе уже были яйца и сушеная рыба. Потом явился шофер с припасами, и на столе стало совсем тесно.

Мы ужинали с двумя корейцами. Один из них был дежурным Народного комитета, второй — крестьянин из соседней фанзы. Он-то и принес нам рыбу и яйца. Сначала корейцы отказывались от ужина, но все же подсели к столу и скоро совсем развеселились.

Мы спросили, как им живется после изгнания японцев. Еще до того, как Ким Е-ен начал переводить, мы ясно различили три слова: Сталин, Москва, Ким Ир-сен. Вообще ни до этого, ни впоследствии не было такого разговора с корейцами, где они не произносили бы этих слов.

Крестьяне сказали, что благодаря новым порядкам на жизнь они не жалуются. Земли у них совсем немного, но все-таки она теперь своя. Раньше всей землей владел помещик. Ему принадлежала и та фанза, в которой мы сейчас ужинали. Фанза обычно пустовала, потому что помещик жил в городе или в других деревнях, где у него тоже была земля.

После ужина корейцы принесли нам груду ватных одеял, и мы отлично провели ночь. Мы встали, когда едва начало светать. Густой туман лежал в ущелье. Кругом поднимались скалистые сопки, поросшие лесом. Только жалкие клочки земли у самых фанз были засеяны картофелем и кукурузой. Большие, мокрые от дождя камни лежали среди посевов. Кое-где желтели подсолнечники. Тыквы росли на крышах фанз.

Деревня просыпалась. Гремели деревянные переплеты бумажных окон и дверей, раздвигаемых в стороны. Голые дети выползали на порог. Старухи растапливали печи. Мужчины, заткнув топоры за пояс, подымались по узкой тропинке в лес. Вскоре они вернулись с вязанками сухих дров. Жители «Головы дракона» продают дрова в соседнем городе.

Мы позавтракали и расплатились с хозяевами. Тут снова понадобилась помощь Ким Е-ена. Эти люди долго не хотели брать у нас денег.

Из-за снесенного наводнением моста нам пришлось выбираться на другую дорогу. Туман постепенно рассеялся, и выглянуло солнце. Вскоре мы были в широкой зеленой долине.

Ким Е-ен сказал:

— Видите, на полях нет ни одной сороки.

Сорóк, действительно, не было.

— Так вот, — засмеялся Ким Е-ен, — я не досказал вам вчера про Царство звезд. Покровитель разлученных супругов, узнав об их страданиях на берегах Серебряной реки, послал на другой день в небо всех сорок, чтобы они построили мост и соединили влюбленных. Поэтому восьмого июля на полях Кореи не осталось ни одной сороки.

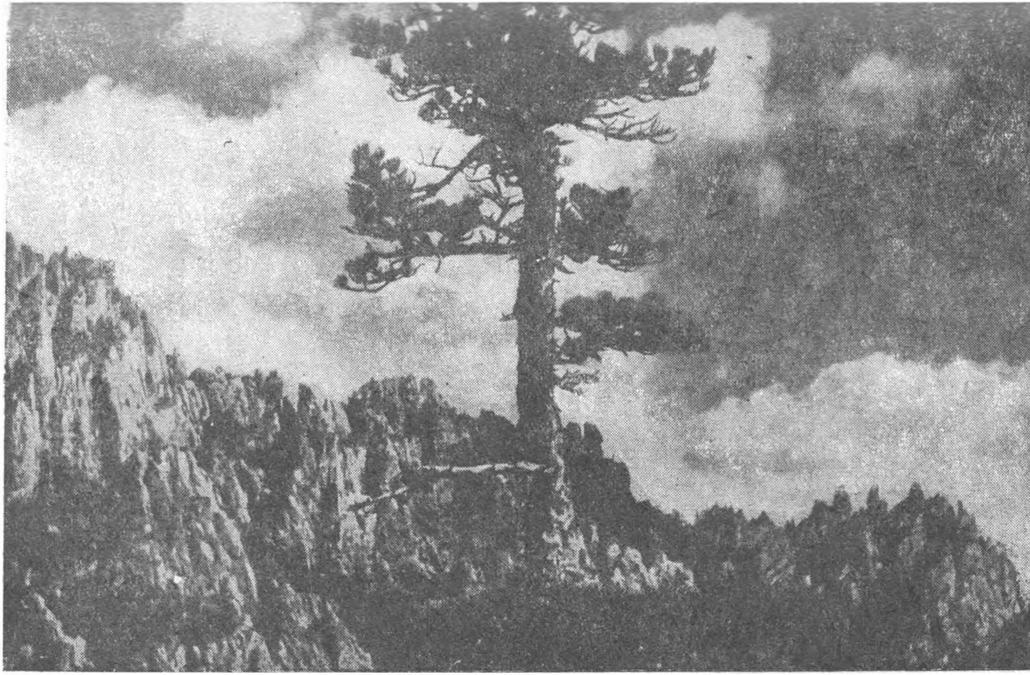
Шофер, обернувшись, сказал:

— Если сороки умеют строить мосты, пусть они делают это на земле, а не на небе.

Действительно, на земле с мостами дело обстояло неважно. Там, где реки мелководны, проще было переезжать их вброд, чем довериться полусгнившим бревнам корейских мостов. И все-таки мы не жалели о том, что не поехали поездом.

Когда солнце осветило землю, весь ураган зелени заблестел и засиял перед нами. Но теперь ослепительно белый цвет соперничал с блистающей зеленью: белые цапли на рисовых полях, белые одежды корейцев, белые камни на отмелях рек. И над всем зелено-белым миром сиял еще третий — голубой цвет безоблачного неба.

Но все это продолжалось недолго. Снова откуда-то появились тучи, потом они совсем закрыли небо, и начался не ливень, а скучный, безнадежный дождь. Туман и дождь окружили машину плотной стеной, и так, пробиваясь сквозь эту сырую стену, мы добрались до подножья Гензанского перевала. Дорога через перевал тянется двадцать девять километров. Ким Е-ен говорил,

Один из видов Гензанского перевала.

что она очень красива. Но мы ее не увидели. Мы видели только стену дождя и тумана. Где-то рядом была не то деревня, не то одинокая фанза. Лаяли собаки, кричал петух, разговаривали люди. Мы ничего не видели. Больше всего это не нравилось шоферу.

— Одно хорошо, — сказал он мрачно, — если слетим в пропасть, — не надо будет закрывать глаза. В такую погоду все равно ничего не увидишь...

Начался подъем. Машина шла так, будто она раскручивала массивный канат, в который кто-то ее опутал. Мотор звенел и стонал от натуги. Чувствовалось, что колеса глубоко уходят в размытый дождями грунт. Длинные сигналы чередовались с короткими и не давали возможности разговаривать.

Обрыв был справа. Мы чувствовали его по наклону машины, по тому, что шофер старается вести ее как можно левее. Один только раз туман на мгновение поредел, и мы увидели клочок серого неба и чуть пониже вершину сосны, обрамленную белым туманом.

Так, не увидев перевала, мы в полночь добрались до Пхеньяна, отыскали гостиницу и мертвым сном проспали до утра.

Пхеньян

Утром Пхеньян оглушил нас пронзительными криками мальчишек, продававших сигареты. Тротуаров на улице не было, густая толпа корейцев шла прямо по мостовой. Тут же буйволы тащили тяжело груженные повозки, тут же ехали велосипедисты, тут же, не быстрее буйволов, передвигались допотопные трехколесные автомобили. Нельзя было понять — люди ли пробираются между буйволами и автомобилями или автомобилям и буйволам приходится кое-как объезжать людей.

Продавцы орали, зазывая людей в магазины. Тут же, прямо на земле, сидели старики с реденькими бородками на желтых морщинистых лицах. Некоторые из них были одеты в белые национальные костюмы и маленькие шапочки из черного конского волоса. Ким Е-ен сказал, что такую шапочку имеет право носить только человек, которому исполнилось шестьдесят лет,

Одна из древних построек на горе Моранбон в Пхеньяне.

или по-корейски шестьдесят один, потому что в Корее, как и в Японии, считается, что новорожденному ребенку уже исполнился год. Старики курили длинные трубки и равнодушно глядели на шумную, торопящуюся толпу.

Мы свернули в узкий переулок. Переулок сплошь состоял из ресторанов. Здесь, если стать посередине мостовой, можно, не сходя с места, постучаться в двери двух ресторанов, расположенных друг против друга. Было еще рано, рестораны были закрыты.

Встречались дома европейского или полуевропейского типа, большие магазины и рестораны. Все же в основном дома представляли собой типично корейские постройки с черной черепичной крышей. И стены тоже давно почернели от времени, грязи и пыли.

Пхеньян по-корейски значит «равнина». Японцы назвали его Хейдзио, что по-японски означает то же самое. Это не совсем точное название, потому что город расположен и на равнине и на холмах, среди которых выше всех поднимается священная гора Моранбон.

Мы были на Моранбоне вечером. По узкой асфальтированной дороге машина быстро поднялась на вершину горы. Здесь стоит старинная пáгода — четыре столба и крыша с загнутыми вверх острыми краями. Столбы пробиты пулями; корейцы утверждают, что в 1905 году тут была стычка между японцами и русским отрядом.

Недалеко от пáгоды белеет здание Корейского национального музея. Рядом с музеем — могилы правителей Кореи, царствовавших, по преданиям, в первом тысячелетии до нашей эры.

С вершины горы открывается вид почти на весь Пхеньян. Западная, старая часть города сияет в лучах заката. Черепичные крыши домов, такие же как на пáгодах, с загнутыми вверх острыми краями, так похожи на древнюю флотилию галер, что, кажется, вот-вот город тронется с места и поплывет прямо в вечернее небо.

На востоке, на широком холме, возвышается громад-

ное черное здание, в котором еще год назад размещалась японская жандармерия. Мрачность здания вполне соответствует тому, для чего оно было предназначено.

А когда вы проедете немного вниз, по ту сторону вершины Моранбона, тихие воды Тедангана блеснут под вечерним солнцем, за рекой вы увидите желтое поле аэродрома и длинные ряды транспортных самолетов, а за аэродромом опять горы, покрытые голубой дымкой, потому что во всей Корее нет такого места, откуда бы не было видно гор...

В день приезда мы позвонили командующему советскими войсками в Корее генерал-полковнику Чистякову. У нас было письмо к нему от Союза советских писателей. Генерал попросил нас заехать на следующий день в десять часов.

Иван Михайлович Чистяков — депутат Верховного Совета СССР. Мы застали его в домашнем кабинете — генерал разбирался в письмах своих избирателей. Было еще утро, но корейская жара уже проникала в полутемный кабинет. Иван Михайлович был в пижаме, на шее у него висело махровое полотенце, которым он то и дело вытирал лицо, как будто только что вышел из бани.

Имя генерала Чистякова, прославленное еще в боях под Москвой и Сталинградом, нам было хорошо известно. Здесь, на Востоке, его армия отличилась, прорвав труднейший участок японской обороны.

Иван Михайлович был очень прост и гостеприимен. Он прочел письмо и сказал:

— Хорошо, что вы приехали. Корею совсем плохо знают у нас в России. Да и наши здешние офицеры плохо еще ее знают. А это страна интересная, и народ здесь замечательный. Конечно, за неделю или десять дней вы вряд ли успеете что-нибудь узнать по-настоящему...

Мы сказали, что рассчитываем пробыть в Корее месяца три.

— Тогда дело другое, — сказал Иван Михайлович, — тогда вы сумеете поработать всерьез. И мы вам поможем. А когда вы изложите в книге свои наблюде-

ния о новой демократической Корее, то, в свою очередь, поможете и нам и корейцам.

Среди других наших просьб к генералу была просьба устроить нам встречу с Ким Ир-сеном.

Первая встреча с Ким Ир-сеном

Через несколько дней нам позвонил секретарь и переводчик Ким Ир-сена — Мун Ир. Он сказал, что, если мы будем свободны, Ким Ир-сен к шести часам вечера просит нас приехать к нему в Народный комитет.

Нас не только радовала, но, не скроем, волновала предстоящая встреча. Мы знали, что этот человек, окруженный легендами и славой, действительно пользуется неограниченным доверием и любовью народа. Теперь, наконец, мы получили возможность увидеть его и разговаривать с ним с глазу на глаз.

Ровно в шесть часов мы входили в кабинет Ким Ир-сена.

Из-за письменного стола, стоявшего в глубине длинной комнаты, поднялся человек и пошел нам навстречу.

Мун Ир, указав рукой в сторону идущего человека, сказал:

— Господин Ким Ир-сен.

Мы видели десятки портретов Ким Ир-сена. Все они похожи друг на друга, и ни один из них не похож на живого Ким Ир-сена.

Перед нами был молодой, широкоплечий человек с удивительно открытым лицом. Он был одет в белый, просторный европейский костюм. Ворот белой рубашки был расстегнут.

Ким Ир-сен повел нас к небольшому круглому столу, стоявшему в углу кабинета.

— Прошу садиться, — сказал он по-русски и улыбнулся. Видно было, что он улыбается и гостям и своему, не совсем правильному, произношению русских слов. Он только недавно стал учиться говорить по-русски.

— В Корее очень жарко, здесь надо ходить в белом, — сказал он, поглядев на наши костюмы, — вот так, как я. — Ким Ир-сен показал на свой костюм и за-

смеялся. — Или как он. — Ким Ир-сен указал на Мун Ира.

Потом он перешел на корейский язык.

Мы обратились с просьбой рассказать нам хотя бы вкратце о том, что сделано в Северной Корее после ее освобождения.

Ким Ир-сен сказал:

— Я хотел бы, чтобы вы сами увидели это. Крестьяне в деревнях и рабочие на заводах расскажут вам откровенно обо всем. Нам нечего скрывать. Важно только, чтобы и плохое и хорошее увидеть глазами друзей. А люди из Советского Союза — это, разумеется, наши друзья.

Мы попросили Ким Ир-сена рассказать о его партизанской армии.

Ким Ир-сен ответил:

— Здесь, в Пхеньяне, вы встретите многих бойцов и командиров нашей армии. Они охотно и подробно расскажут вам о борьбе с японцами. Мун Ир познакомит вас с моим бывшим начальником штаба Ан Гиром. А когда вы поездите по Корее и поговорите со многими, давайте еще раз встретимся, и тогда, может быть, я что-нибудь прибавлю к их рассказам.

Ким Ир-сен советует нам как можно больше ездить. Дважды он упоминал о знаменитых Алмазных горах, красивейшем месте Восточной Азии.

Речь зашла об истории и судьбе корейского народа.

Ким Ир-сен встал и прошелся по комнате. Лицо его стало суровым. Затем он медленно заговорил сильным, сдержанным, глуховатым голосом:

— История обидела Корею. Мир ничего не знал о ней. Ее редко вспоминали. Понимали ее плохо и неправильно. Есть всего несколько доброжелательных книг о Корее. Народ называли слабым, несамостоятельным, нежизнеспособным. Кто в мире знает о Ли Сюн-сине, великом корейце, разгромившем японский флот? Кто знает о десятках тысяч героев партизанских отрядов?

Рука Ким Ир-сена, лежавшая на столе, сжалась в кулак.

— Сейчас к нашему маленькому полуострову, — ска-

зал Ким Ир-сен, — прикованы взоры народов Востока. Реакция и демократия стоят здесь лицом к лицу. Мы знаем, на чьей стороне сердца и симпатии народов. Если бы не внешние силы, реакция на Юге еще год назад была бы сметена. Но, так или иначе, благодаря великому Советскому Союзу и гению Сталина Корея первая в мире из колониальных стран освобождена, хотя бы в северной своей половине, от чужеземного гнета и получила возможность идти к просвещению и демократии. Я говорил вам о том, что у корейцев имеются свои недостатки. Но вам, приехавшим из страны, которая освободила Корею, я хочу сказать, что среди наших недостатков нет и никогда не было такого, как отсутствие чувства благодарности.

Ким Ир-сен простился с нами, и мы вышли из кабинета с ощущением, что побывали у большого и светлого человека.

Вечером того же дня Мун Ир приехал к нам в гостиницу вместе с Ан Гиром, и мы около трех часов записывали рассказы Ан Гира о Ким Ир-сене и его армии.

„Корабль-черепаха"

Тен Юр рассказал нам однажды

«Первая попытка японцев захватить Корею относится к XVI веку. То были бурные и мрачные времена. Японские войска высадились в Фузане, на южной оконечности полуострова. Корейская армия была плохо обучена и еще хуже вооружена. Через 18 суток японцы достигли Сеула, столицы государства. Тогда корейский король Ри обратился за помощью к своему союзнику — Китаю. Китайцы прислали двухсоттысячную армию. Битва за Корею достигла наивысшего напряжения. Япония, чтобы решить судьбу войны, бросила в бой последние резервы. В море вышел весь японский флот. Он должен был доставить 120 тысяч солдат к месту решающих сражений.

Но ни один японец не знал, что в это время командующий корейским флотом Ли Сюн-син заканчивал строительство кораблей, призванных на долгие годы подорвать морскую мощь Японии. То были корабли, каких еще не знали ни на Западе, ни на Востоке — первый в мире бронированный флот. Правда, броня была из дерева, но это дерево по твердости не уступало металлу, и японские ядра ничего не могли с ним поделать. Бронированный нос корабля, напоминающий голову черепахи, должен был, по замыслу Ли Сюн-сина, таранить вражеские суда. Корабль так и назывался «Гебуксен», что означает «корабль-черепаха».

В крупнейшем морском сражении японский флот был полностью разгромлен, а 120 тысяч солдат нашли себе могилу в водах Тихого океана. С тех пор имя Ли Сюн-сина, великого корейского патриота, украшает одну из самых славных страниц истории Кореи».

Через 350 лет

Понадобилось несколько столетий для того, чтобы в Корее появился человек, слава которого превзошла славу Ли Сюн-сина. Так же как и Ли Сюн-син, он обрел свою славу в боях с японцами. Свыше десяти лет он был вождем корейских партизан. Его отряд, состоявший вначале из 30 бойцов, вырос за несколько лет в стотысячную партизанскую армию. Зовут этого человека Ким Ир-сен. Имя его, окруженное легендами и любовью народа, известно каждому корейцу.

История его жизни и борьбы необыкновенна. За время нашего пятимесячного путешествия по Северной Корее мы слышали сотни рассказов о Ким Ир-сене. Мы записали свидетельства бойцов и командиров его партизанской армии. Мы записали легенды, рассказанные крестьянами. Нам посчастливилось, наконец, несколько раз подолгу беседовать с самим Ким Ир-сеном. Что касается тех демократических преобразований, которые проведены под его руководством в Северной Корее, — мы видели их сами.

Семья революционеров

Ким Ир-сен родился в деревне Мангиндю в 1912 году, через два года после оккупации Кореи японцами. Его отец был сельским учителем и революционером. В 1916 году он уехал в Шанхай, чтобы установить связь с организацией Кук Мин-хве (Национальная лига). Вернувшись, он создал подпольную организацию в Пхеньяне. Через некоторое время полиция арестовала его. Он был брошен в тюрьму в одиночную камеру, где просидел до зимы 1918 года, затем эмигрировал в Маньчжурию, вернулся, участвовал в знаменитом первомартовском восстании 1919 года против японцев и снова был брошен в тюрьму. Освободившись, приехал в Маньчжурию к семье, изнуренный тюрьмой, сломленный тяжелой болезнью. Он вскоре умер. Ким Ир-сен рассказывает, что за всю свою жизнь он видел отца не более, чем несколько месяцев. Но одну фразу, которую отец

чаще других повторял в эмиграции, Ким Ир-сен запомнил на всю жизнь. «Человек без родины, — говорил отец, — подобен бездомной собаке».

Мать Ким Ир-сена ненадолго пережила отца. Перед смертью она откопала два пистолета системы «кольт», зарытые отцом в землю, и передала их четырнадцатилетнему Ким Ир-сену. Последнее оружие отца стало первым оружием сына.

Встреча в лесу

Когда японцы захватили Маньчжурию, корейские эмигранты снова оказались в кольце облав, обысков и арестов. Система насилия и террора, система шпионажа и подкупов охватила маньчжурские города и села. Полиция следила за каждым корейским домом. Самые испытанные бойцы впали в уныние.

В это время Ким Ир-сен был секретарем комсомола Восточной Маньчжурии.

С тремя десятками друзей он организовал первый корейский партизанский отряд. Об организации отряда нам рассказал Ан Гир, один из ближайших боевых друзей Ким Ир-сена.

Люди собрались в глухом лесу, зимой, у костра. Ким Ир-сен сказал: «Уходить от японцев — это не метод борьбы. Тот, кто ушел в Маньчжурию, знает — японцы пришли вслед за ним. Надо заставить их уйти. Вот единственный способ бороться. Для борьбы необходимо оружие, мы в силах его раздобыть. Мы разделимся на мелкие группы в 2—3 человека. Это вполне достаточно для того, чтобы напасть на вооруженного солдата или полицейского. У помещиков имеются кремневые ружья. Мы отберем их. Будет оружие — будет и сила».

Так говорил Ким Ир-сен. Ему не было тогда еще и двадцати лет.

— Итак, оружие у нас будет, — продолжал он, — но это еще далеко не все. Оружие надо держать в твердых и умелых руках. Требуется дисциплина и беспрекословное повиновение начальникам. Нас мало, но

если нас будет в сто или даже в тысячу раз больше, мы все равно не победим врага. Мы добьемся победы только тогда, когда весь народ будет вместе с нами. У нас должны быть не только дружественные отношения с населением, у нас должна быть кровная, неразрывная связь с ним. Как добиться такой связи? Доброе и безупречное отношение к народу, конечно, обязательно, но это еще далеко не все. Надо, чтобы народ поверил в наши идеи, в наши силы и в нашу конечную победу.

Так говорил Ким Ир-сен первым бойцам первого партизанского отряда. Ночной ветер шумел в лесу, пламя костра слабо освещало командира. Все стало ясно после его слов. Больше никому не нужно было говорить — теперь всем вместе предстояло действовать.

„*Отряды, дающие оружие*"

Ким Ир-сен разбил свой отряд на несколько маленьких групп. Были назначены командиры и определены районы для боевых действий каждой группы. Началось выполнение первой задачи. Бойцы, одетые в крестьянское платье и вооруженные китайскими серпами на длинной рукоятке, бродили по маньчжурским дорогам, от деревни к деревне. Они нападали на японских полицейских или солдат, убивали их, отбирали оружие. Скрываться было нетрудно — население ненавидело японцев так же, как и партизаны.

Когда через два месяца Ким Ир-сен в лесу под Ванцином собрал совещание командиров, ему доложили: у каждой группы имеется два-три пистолета, кремневые ружья и даже кое у кого винтовки современного образца. Ким Ир-сен увидел, что настало время для более серьезных действий. Так или иначе, его люди вооружились. Было решено устроить несколько засад на японские карательные отряды. Обычно такие отряды насчитывали 10—15 хорошо вооруженных солдат во главе с офицером.

Эти операции увенчались блестящим успехом. Отличное знание местности позволило добиться абсолют-

ной внезапности нападения. Несколько японских отрядов были полностью уничтожены. Партизаны захватили оружие, боеприпасы, обмундирование. Население восторженно встречало людей Ким Ир-сена. Как ни бедны были крестьяне в Маньчжурии, они с радостью снабжали бойцов продовольствием. В каждой деревне партизаны могли найти приют и отдых. Каждый крестьянин — кореец или китаец — в любую минуту готов был стать проводником, помощником, агентом Ким Ир-сена.

Когда партизаны готовили одну из очередных операций, стало известно, что в японском отряде имеется станковый пулемет. У Ким Ир-сена не было тогда еще ни одного пулемета. Перед боем Ким Ир-сен сказал партизанам: «Тот, кто захватит пулемет, получит его в полную собственность. Он будет первым почетным пулеметчиком нашего отряда».

Японцы были окружены. Последовала жестокая рукопашная схватка. И в разгаре этой схватки все увидели: пулемет захватил сам Ким Ир-сен.

Что касается японских карательных отрядов, то партизаны стали называть их: «отряды, дающие оружие».

Партизанская дивизия

В 1934 году группы корейских партизан были преобразованы в первую партизанскую дивизию под командованием Ким Ир-сена. И партизаны и население увидели в нем не только талантливого командира, но и подлинного революционера и вождя. Он указал людям путь борьбы в самое тяжелое время. Он организовал силы сопротивления, выросшие в дисциплинированную, хорошо вооруженную дивизию. Он установил связь с китайской народной революционной армией; несколько операций были уже произведены соединенными силами.

Теперь японцы жестоко расплачивались за презрительное отношение к «мелким бандитским шайкам», как они называли в своих газетах отряды Ким Ир-сена.

50 спичек

Японцы поняли, что перед ними грозная военная сила, окруженная любовью и поддержкой народа. Тогда войскам и полиции был дан приказ принять самые решительные и беспощадные меры. Деревни, заподозренные в связях с партизанами, сжигались. Крестьяне, уличенные в малейшем проявлении симпатии к Ким Ир-сену, расстреливались. Каждую деревню в партизанских районах Маньчжурии обнесли стеной, выход из деревни контролировался японскими полицейскими. Японцы знали, что зимой самой необходимой вещью для партизан были спички.

Скрываясь в горных лесах, не имея жилья и крова, постоянно меняя места расположения, партизаны согревались у костров. У костров они спали, на кострах варили пищу. Для того, чтобы разжечь костер, нужны были спички. Спичками, так же как и продовольствием, партизан снабжали крестьяне. Крестьянская семья в месяц получала коробку спичек. Японцы приказали: для того, чтобы крестьянин мог купить новую коробку, он должен был сдать пятьдесят обгорелых спичек. Ни одна спичка не должна была попасть к партизанам. Если у крестьянина нехватало хоть одной обгорелой спички — пусть пеняет на себя. У полиции есть дубинки для избиения и винтовки для расстрела.

Мелкие карательные отряды были заменены полками и батальонами регулярных японских войск. Но и партизаны были уже совсем не похожи на тех плохо вооруженных и плохо обученных людей, которыми были когда-то. Теперь они могли принять бой с японцами в тех условиях и на той местности, где это считал удобным Ким Ир-сен.

Он сказал: «Японцы назвали нас в своем приказе серьезной военной силой. Мы оправдаем это определение».

Новая тактика

Отряды Ким Ир-сена, составленные из самых храбрых и выносливых людей, стали врываться в расположение крупных японских гарнизонов и, после короткого

боя, уходили в горы. Партизаны брали с собой запасы патронов и продовольствия, достаточные на несколько суток. Преследуемые значительными силами японцев (теперь уже не менее батальона), они, отстреливаясь, демонстрировали поспешное отступление. В конце концов, японцы, увлекшиеся преследованием, попадали под удар главных сил Ким Ир-сена. В районе горных лесов вокруг японцев неумолимо сжималось беспощадное кольцо партизанской дивизии.

Но этим далеко не ограничились замыслы и действия Ким Ир-сена. Последовал внезапный и грозный удар там, где его меньше всего ожидали японцы: теперь он впервые был нанесен непосредственно на территории Кореи.

Корейское знамя и корейская песня

Дерзость нападения равнялась его неожиданности. Отборный отряд партизан, возглавляемый самим Ким Ир-сеном, за несколько суток по скрытым тропам прошел к маньчжурско-корейской границе в районе корейского города Хесандин. На рассвете партизаны ворвались в город. В ожесточенном бою японский гарнизон был полностью уничтожен. Партизаны стали хозяевами города. Они захватили пулеметы, винтовки, минометы и боеприпасы. Они уничтожили военное имущество, которое не смогли унести с собой. Но не в этом и не в убитых японцах заключался основной успех боевой операции. Ее политическое значение было поистине грандиозно, и лучше всех понимал это сам Ким Ир-сен.

После боя он построил свой отряд и провел его по главной улице Хесандина. Бойцы пели корейскую партизанскую песню, сложенную у них в дивизии. Ким Ир-сен шел во главе отряда с развернутым знаменем. Нашему читателю, вероятно, трудно вообразить размеры ликования и торжества жителей Хесандина. К этому времени преподавание даже в начальных школах (корей-

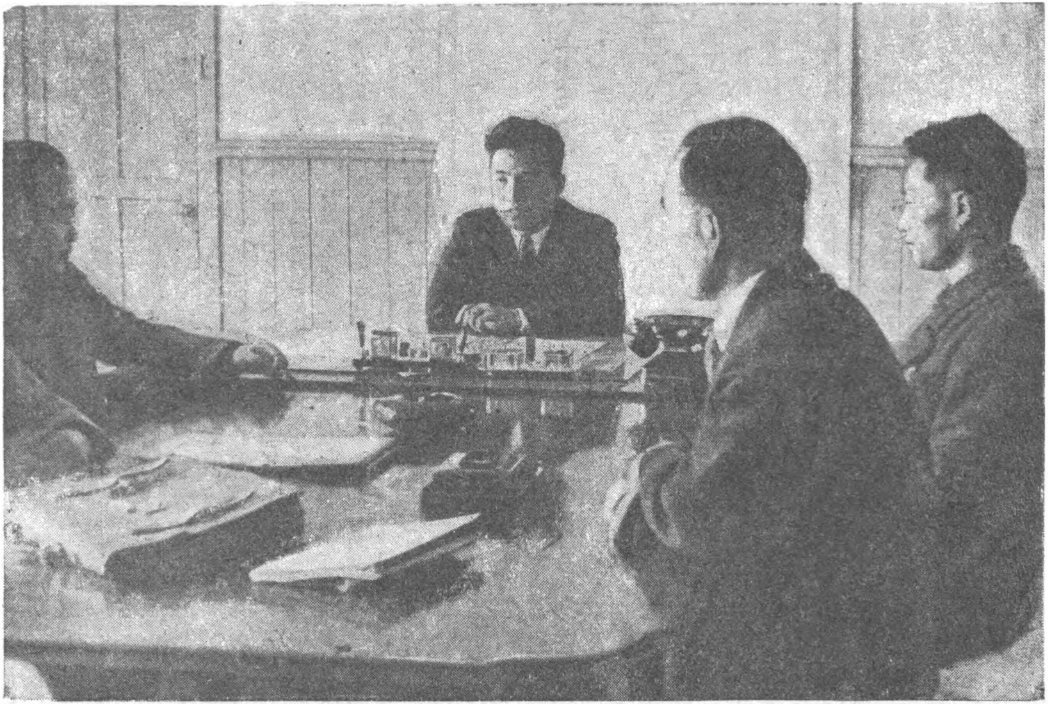
ских школах!) велось только на японском языке. Если, хотя бы на перемене, кто-либо из учеников говорил по-корейски, — его немедленно изгоняли из школы. Корейцам приказано было изменить свои фамилии, — фамилии должны были быть японскими. В лавках (корейских лавках!) не отпускался товар тем, кто спрашивал его на корейском языке. И вот, наконец, нашелся кореец, который среди белого дня, во главе отряда, на глазах населения разгромил ненавистных японцев. Все видели корейское знамя в руках этого человека, все слышали боевую корейскую песню.

Японские войска, срочно переброшенные в район Хесандина, ничего не смогли поделать с Ким Ир-сеном. Он ушел через границу в Маньчжурию по горным тропам, которых японцы не знали. Перед уходом он распорядился открыть сейфы городского банка и раздать деньги населению.

В это время Ким Ир-сену было 25 лет. Народ называл его «генералом Ким Ир-сеном».

Шестьдесят тысяч трупов

Японское командование совершило еще одну оплошность: жителям Хесандина было приказано собрать трупы убитых японцев. Эту работу корейцы выполнили не только с полной добросовестностью, но и с несомненным удовлетворением, ибо труп убитого японского солдата (а в Хесандине были и убитые офицеры) — зрелище столь же редкое, сколько и приятное корейскому сердцу. Короче говоря, ни один из хесандинцев, отыскавший японский труп, не отказал себе в удовольствии рассказать друзьям, что он обнаружил по крайней мере три трупа. Таким образом, к вечеру двести убитых партизанами японцев превратились в шестьсот. На следующий день в Канко рассказывали уже о шести тысячах трупов. В Сеуле они умножились еще в десять раз. Так сложилась и быстро распространилась по всей Корее новая легенда о Ким Ир-сене, гласившая, что он в один день убил шестьдесят тысяч японцев.

Ким Ир-сен в Народном комитете Северной Кореи.

Еще одна легенда

В свое время голова Ким Ир-сена была оценена полицией в 200 000 иен. Затем газеты опубликовали сообщение о том, что Ким Ир-сен захвачен в плен и казнен по приговору военного суда. Газеты поместили фальшивые фотографии, изображавшие мертвого Ким Ир-сена. После Хесандина японцы повысили цену за голову Ким Ир-сена до полумиллиона иен. Извещения с обозначением суммы были расклеены на стенах домов в городах и селах Кореи и Маньчжурии. В общей сложности японцы несколько раз хоронили Ким Ир-сена и столько же раз им приходилось воскрешать его. При этом цена за голову Ким Ир-сена каждый раз повышалась. Неудивительно, что среди населения и в особенности среди крестьян появилась легенда о том, что Ким Ир-сен бессмертен.

Японский полковник и бабушка Ким Ир-сена

Отчаявшись в многочисленных попытках разбить в бою партизанскую дивизию, японцы решили взять ее командира хитростью, которая в верхах японской разведки, очевидно, считалась необыкновенно остроумной.

В Корее знали, что Ким Ир-сен с детских лет нежно любил бабушку. Она, так же как родители Ким Ир-сена, была в молодости сельской учительницей и преподавала в начальной школе в деревне Чильгор. Когда-то и внук учился у нее в этой самой школе.

И вот однажды японская легковая машина подкатила к домику старой учительницы. Ей сказали, что она поедет на свидание с внуком. Машина приехала на вокзал в Пхеньян. В отдельном салон-вагоне сопровождаемую жандармским полковником бабушку отправили в путешествие по Маньчжурии. По дороге полковник объяснил учительнице, каким образом она должна поступить, чтобы встретиться с внуком. Ей надлежало написать Ким Ир-сену письмо с просьбой о свидании. Ким Ир-сен теперь в хороших отношениях с японцами. Он понял свои ошибки, и Япония простила их. Полиция желает добра

Ким Ир-сену и его родственникам. Пусть бабушка увидит внука — это будет желанная для обоих встреча.

Разговор шел через переводчика-корейца. Бабушка с самого начала объявила, что ни слова не знает по-японски.

— Если полковник в хороших отношениях с Ким Ир-сеном, — сказала старуха, — пусть он сам напишет ему письмо. Ким Ир-сен не откажет такому большому начальнику. А ей, старухе, не пристало писать внуку первой. Это противоречит корейским обычаям. Да она, на старости лет, и писать-то разучилась.

Уговоры не помогли.

Поезд некоторое время колесил по Маньчжурии возле тех мест, где, по расчетам японцев, могли скрываться партизаны Ким Ир-сена. Может быть, внук сам решит повидаться с бабушкой. Он дерзкий человек, от него все можно ожидать.

Но Ким Ир-сен не приходил, а время уходило. Поезд пошел обратно в Пхеньян. Тогда бабушка сказала полковнику:

— То, что вы, японцы, слабее моего внука, это знаю не только я, это знает вся Корея и вся Маньчжурия. Но вы, японцы, слабее даже меня, старой женщины, потому что, если бы я захотела побеседовать с Ким Ир-сеном, я нашла бы способ, как это сделать. А вы, японцы, никак не сможете...

Эти слова известны всей Корее. Учительница, вероятно, рассказала о них крестьянам в деревне Чильгор, крестьяне — на рынке в Пхеньяне. А может быть, и кореец, переводчик полковника, не сохранил своей профессиональной тайны.

Ким Ир-сен смеется

Японцы увидели, что люди, согласные за деньги убить Ким Ир-сена, не могут к нему пробраться. Тех, кто окружает Ким Ир-сена, — подкупить нельзя. Надо «договориться» с самим Ким Ир-сеном, решили они.

Даже японцам не пришло в голову предложить деньги партизанскому вождю. Они предложили ему то, что составило бы гордость и счастье для любого япон-

ского генерала. Они предложили Ким Ир-сену один из высших постов в самурайской армии — пост командующего войсками в Корее.

Ан Гир рассказывает, что Ким Ир-сен, услышав об этом предложении, не проявил никаких признаков гнева. Он просто рассмеялся от всего сердца. Он всегда был очень веселым человеком, и он искренне счел японцев дураками. Кроме того, он понимал, что не от хорошей жизни делаются такие предложения.

Освобождение

Разгром японцев у озера Хасан и на Халхин-Голе вселил новые надежды в сердца народов Востока. Люди не десятками, как раньше, а сотнями и тысячами стекались в партизанские отряды. Дивизия Ким Ир-сена была преобразована в корпус, затем в армию. Но борьба становилась все более тяжелой и жестокой. Огромная Квантунская армия — лучшие боевые части японской империи — хозяйничала в Маньчжурии. Затем грянула мировая война, и когда радио оповестило мир о великой победе Советского Союза под Сталинградом, корейцы поняли — ждать осталось недолго. Могущественные силы Страны Советов сломят империалистов на Востоке, так же как сломили на Западе. Близится время освобождения Кореи.

Этот день наступил 15 августа 1945 года. Генерал-полковник Чистяков принял капитуляцию 34-й японской армии. Северная Корея стала свободной.

В сентябре, в честь освобождения, состоялся грандиозный митинг в Пхеньяне. Корейцы пришли на площадь с портретами Ленина и Сталина. Огромная толпа, узнав машину Ким Ир-сена, на руках донесла ее до трибуны. Ким Ир-сен произнес свою первую речь перед свободными гражданами Северной Кореи. Он начал ее словами приветствия и благодарности Советскому Союзу и Генералиссимусу Сталину, и эти слова были покрыты троекратным «мансе» («ура») двухсот тысяч корейцев.

Вскоре Ким Ир-сен был избран председателем Временного народного комитета. Под его руководством про-

ведён ряд преобразований, коренным образом изменивших жизнь корейского народа. Земельная реформа отдала землю крестьянам, и теперь они стали, наконец, жить по-человечески, зная, что сеют рис для себя, а не для помещиков и японцев. Закон о труде обеспечил корейским рабочим право на восьмичасовой рабочий день, право на бесплатную медицинскую помощь, право пользоваться отпусками. Закон о национализации промышленности отдал крупнейшие предприятия страны в руки народа. Наконец, 3 ноября 1946 года корейцы впервые за свою историю смогли на основе всеобщего, равного и тайного голосования избрать своих депутатов в Народные комитеты.

У ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЖЕНСКОГО СОЮЗА

Председатель Женского демократического союза Пак Ден-ай предложила нам поехать вместе с ней в деревню в уезд Кото. Она работала в подполье в Корее и Маньчжурии больше пятнадцати лет. Из них около десяти лет она провела в тюрьмах. За все долгие годы партийной подпольной работы не было ни одного 1-го Мая, которое Пак Ден-ай не провела бы в тюрьме. Ее пытали и били так, как могут делать это на Востоке только японцы. Страшно представить, глядя на ее маленькие руки, как ей в свое время вгоняли под ногти иголки, требуя выдать товарищей по работе. Пак Ден-ай ни разу ничего не сказала, это хорошо известно подпольщикам. Подпольщикам такие вещи всегда известны.

Мы никогда не забудем, как эта женщина, прошедшая сквозь ад изуверских пыток, глядя на нас спокойными добрыми глазами, сказала: «Вам, быть может, это не совсем понятно, но работа в тюрьме — самая интересная работа. У нас в тюрьмах она была очень хорошо организована. Первого Мая в каждой камере у нас была демонстрация, и тюремщики ничего не могли с нами поделать. . .»

Пак Ден-ай не забыла, конечно, о физических пытках, но она всем своим существом презирает те средства, которыми на допросах пытались задушить ее свободный человеческий разум и сердце, полное любви к народу и справедливости. Это чувство так у нее органично, что, вспоминая про годы заключения, Пак Ден-ай рассказывает о великом искусстве тюремной конспирации, о первомайских демонстрациях, когда в одну и ту же минуту все политические заключенные, да-

же в одиночных камерах, начинали петь корейскую революционную песню, вспоминает все, но не физические муки пыток. О них она коротко сказала только тогда, когда мы спросили, каков был тюремный режим у японцев.

Пак Ден-ай хорошо говорит по-русски. Она родилась на самой границе Кореи и России, несколько раз была с отцом во Владивостоке. (Корейцы в пограничных с нами районах особенно сильно испытывали русское влияние. Оно отразилось даже на самом корейском языке. Спички по-корейски называются «соньян». В северных уездах Кореи крестьяне говорят «пички». Таких примеров много.)

Пак Ден-ай рассказала нам о Женском демократическом союзе. В нем насчитывается сейчас около 750 тысяч женщин. Пак Ден-ай называет две основные задачи, стоящие сейчас перед Союзом. Это, во-первых, ликвидация неграмотности, во-вторых — помощь государству в его демократических преобразованиях.

— Если вы ночью будете проезжать по корейской деревне, — сказала Пак Ден-ай, — и увидите, что в одной из фанз еще горит свет, — можете не сомневаться: это работает кружок по ликвидации неграмотности и это дело рук местного Женского союза. Союз привлекает в качестве преподавательниц свой актив: учительниц, фельдшериц и просто грамотных женщин. Женский союз организует субботники на предприятиях, на транспорте, на строительстве каналов, предохраняющих поля от наводнений. Женщины — члены Союза — помогают беженцам из Маньчжурии и Китая, собирая для них одежду и продовольствие. Женщины организуют ясли и детские сады, чего в Корее вообще никогда не было.

Когда Временный народный комитет принимал закон о равноправии женщин, по всей Северной Корее прошла волна женских митингов и собраний. Закон был встречен таким единодушным ликованием корейских женщин, что в нем потонули, как в море, осторожные голоса критиков, говоривших о преждевременности этого закона.

Итак, мы договорились с Пак Ден-ай о том, что завтра вместе поедем в деревню в уезд Кото. Перед

тем как проститься, Пак Ден-ай провела нас в соседнюю комнату и показала портрет Сталина, вышитый на шелку. Это была совершенно изумительная работа. Портрет вышивали пять лучших мастериц Пхеньяна — членов Женского демократического союза. Портрет предназначался в подарок товарищу Сталину. Перед тем как приступить к работе, женщины надели лучшие свои платья. Руководительница, которая вышивала глаза, два дня и две ночи изучала портрет Сталина. Это надо понимать буквально, — она не спала двое суток, глядя на глаза, которые, по ее выражению, «видят весь мир». Женщины работали восемнадцать суток, пока этот замечательный портрет не был закончен. Через несколько дней делегация, уезжающая в Москву, должна была отвезти его, чтобы подарить товарищу Сталину.

В КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Статья господина Сноу

В статье «Мы встречаемся с Россией в Корее»[1] известный американский журналист Эдгар Сноу пишет:

«Сравнительно нетрудно будет удовлетворить требования корейского крестьянина при более справедливом распределении земли. Корее нужна земельная реформа еще больше, чем Японии. До войны 38 процентов корейских крестьян владело менее, чем одним акром земли. Три процента населения, включая японцев, владело 64 процентами земли, 51 процент были арендаторами, которые вообще не владели земельной площадью. Помещик получал от 50 до 80 процентов урожая, и арендная плата за землю часто составляла 90 процентов собранного урожая.

Земельная реформа оказала бы серьезное влияние на 80 тысяч корейских помещиков. Но, как говорят ее приверженцы, она дала бы возможность миллионам крестьянских хозяйств скромно существовать и положила бы основу демократии в Корее».

Когда Эдгар Сноу, который, очевидно, относится к «приверженцам реформы», сочинял свою статью, эта самая земельная реформа в Северной Корее была уже полностью осуществлена. 682 760 крестьянских хозяйств получили землю. Об этом почтенный журналист умалчивает.

После проведения реформы Ким Ир-сен получил от крестьян больше тридцати тысяч благодарственных писем. Несколько десятков из них были написаны

---

[1] «Сатардей Ивнинг Пост» от 30 марта 1946 года.

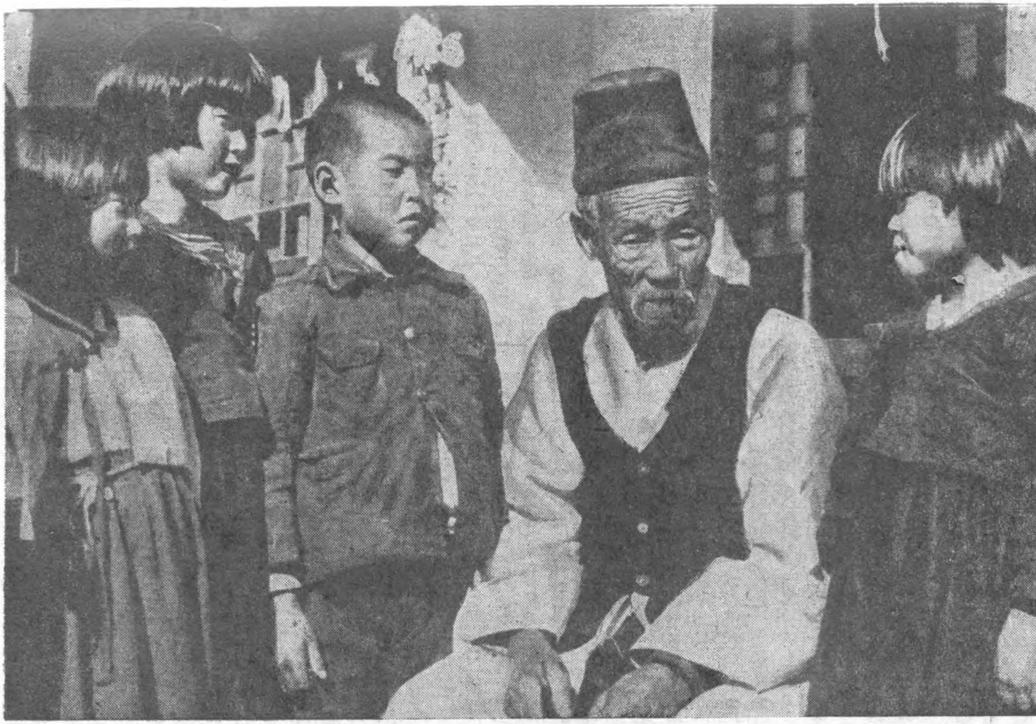
кровью. Два таких написанных кровью письма мы видели впоследствии на огромной выставке, организованной в Пхеньяне к годовщине освобождения Кореи.

Кото

Мы приехали с Пак Ден-ай в Кото и решили, не заходя в местный Народный комитет, пройти по деревне. Собственно говоря, Кото трудно назвать деревней, хотя почти все жители занимаются земледелием. Кото — это скорее большое село, являющееся вместе с тем уездным центром. Так же, как и в городах Северной Кореи, здесь нас все время не покидало ощущение праздника. Правда, было воскресенье, нерабочий день, но дело заключалось совсем не в этом. Было много портретов и флагов, разноцветные лозунги были расклеены на стенах домов, но теперь мы понимали, что дело не только в них. Праздничным было лицо каждого встречного корейца — крестьянина, крестьянки или ребенка. Об этом очень трудно написать, но это действительно так. Мы проехали от Пхеньяна семьдесят километров, и не было ни одного встречного корейца, который, узнав русскую машину, не приветствовал бы нас и не улыбался самой широкой улыбкой. Дети — те просто подымали обе руки вверх и, сжав их над головой, кричали «мансе» («ура») во всю силу своих легких. Конечно, дети есть дети, но Пак Ден-ай очень хорошо сказала:

— Как вы думаете, если бы родители плохо относились к русским, дети приветствовали бы вас таким образом?

Мы вышли на окраину Кото и решили зайти в первую попавшуюся хижину. Дверь была открыта, и мы увидели старика, лежавшего на грязной цыновке. Он был болен, у него распухла правая нога, поврежденная во время полевых работ. В убогой глинобитной фанзе, лишенной окон, было темно, лицо старика казалось совсем безжизненным. Но оно ожило и осветилось улыбкой, когда старик услышал голос Пак Ден-ай, объяснявшей, что мы хотим поговорить с ним.

Старик кореец с внуками.

Старику Ким Ен-бону — шестьдесят четыре года. Детей у него никогда не было. Двадцать пять лет тому назад умерла его первая жена. Ким Ен-бон женился второй раз на двадцатичетырехлетней девушке, такой же нищей, как он сам. Всю свою жизнь, с первой и второй женой, Ким Ен-бон батрачил у помещиков. У него не было даже своей фанзы. Только пятнадцать лет назад ему удалось, наконец, построить эту хижину, которая больше походит на самую жалкую деревенскую баню, чем на жилье человека. А из таких лачуг, грязных и закопченных, состоит вся окраина Кото. Тому, кто не видел этого собственными глазами, почти невозможно представить, до какой степени нищеты довели корейского крестьянина помещики и японцы.

Ким Ен-бон вспоминает о временах дикого бесправия и произвола. У него был мешок риса — все запасы на зиму. Полиция узнала об этом. Ким Ен-бону приказали отнести рис в полицейский участок. Делать было нечего — старик отнес свой единственный мешок риса. Ким Ен-бон и жена легли спать голодными, но с надеждой, что теперь их больше не будут тревожить. На утро старика снова вызвали в полицию. Ему сказали, чтобы он принес еще мешок риса. Ким Ен-бон сказал, что больше у него риса нет. Тогда старика поставили на колени во дворе полицейского участка, дали в руки тяжелый камень и велели держать его перед собой на вытянутых руках. Старик держал камень пять часов — с восьми утра до часу дня. Потом он упал без сознания. Когда Ким Ен-бон очнулся, японцы избили его, лежащего на земле. Старик обещал принести еще риса. Он вернулся домой и бежал со своей женой в горы. Они питались кореньями, ягодами, древесной корой и почти потеряли человеческий облик. А через несколько месяцев Корея была освобождена, и Ким Ен-бон с женой вернулись в свою фанзу.

У старика лицо землистого цвета, красные глаза, тяжелые, узловатые руки. И все-таки в этих красных глазах, когда Ким Ен-бон заговорил о теперешней своей жизни, загорается тот самый праздничный блеск, которым освещены все лица сегодняшней корейской деревни.

Сейчас, на склоне лет, Ким Ен-бон получил надел земли в $1\frac{1}{2}$ тё (тё = 0,95 гектара). Он надеется собрать урожай, которого ему с избытком хватит на год. Вместе со своим соседом он купил корову. Сосед одолжил ему денег, чего бы раньше никогда не сделал. Теперь сосед знает, что, когда будет урожай, Ким Ен-бон вернет ему долг. Старик впервые в жизни чувствует, что о нем заботятся. Все кругом стали добрее, когда получили землю и возможность жить по-человечески. Председатель местного Народного комитета навещает больного старика, посылает к нему на дом врача. Соседи помогают его жене обрабатывать поле. Теперь все крестьяне помогают друг другу больше, чем это было раньше.

Крестьяне и помещики

Как мы уже сказали, было воскресенье, но почти никого из жителей Кото не было дома. Все добровольно работали, углубляя русло ручья, протекающего через деревню. В дождливое время, когда в горах собирается много воды, она выходит из берегов, ручей разливается и затопляет поля и жилища.

Теперь крестьяне решили углубить русло ручья, чтобы избавиться от наводнений. Работали все — мужчины, женщины, школьники. Работали дружно и весело, несмотря на чудовищную жару, достигавшую пятидесяти градусов.

Чтобы укрыться от беспощадного солнца, мы присели с Пак Ден-ай в тени деревьев у подножья сопки. Сопка вся покрыта лесом. Недалеко от нас стоял буйвол, привязанный к дереву. Кажется, и он погибал от жары. Но зелень листвы была свежа и прохладна.

Скоро вокруг нас собрались дети, потом подошли старики. Мальчик принес воды в темном глиняном кувшине. Мы не просили его об этом, он сам подумал, что нам, наверное, хочется пить.

Пак Ден-ай заговорила со стариками. Дети внимательно слушали, о чем идет речь. Один из стариков — его имя Юн Хо-сон — несколько раз повторил слово «саратив». Пак Ден-ай перевела нам то, о чем говорил

Юн Хо-сон. Слово «саратив» значит «жизнь». Старик сказал, что смерть тридцать пять лет царила в Корее, но корейский народ жив, и к нему пришла настоящая жизнь.

У Юн Хо-сона семья из десяти человек: жена, дети, внуки. Он получил четыре тё земли. Он уже собрал 8 мешков пшеницы. Помещику он сдал бы не меньше шести мешков, остальное взяли бы японцы. Теперь он сдал государству два мешка, столько, сколько полагается по новому закону. Раньше, в самые лучшие годы, у него оставалось не больше двух мешков риса. Семье этого хватало, если есть один раз в день, на полтора-два месяца. Сейчас у Юн Хо-сона будет десять мешков риса и уже есть шесть мешков пшеницы. Саратив!

При японцах только один сын Юн Хо-сона мог учиться в школе, да и то учили его всему японскому и на японском языке. Сейчас все его три внука учатся в корейской школе, и учит их свой корейский учитель, на корейском языке. Времена изменились. Саратив!

Рядом с Юн Хо-соном курит трубку старик в черной шапочке из конского волоса. Значит, ему не меньше шестидесяти лет. Старик молчит, но видно, что он одобряет все, сказанное Юн Хо-соном.

Мы рассказываем про то, что услышали от Ким Ен-бона. Неужели так пытали стариков?

Старик в черной шапочке посмотрел на нас удивленными глазами. Потом он сказал:

— Меня зовут Ким Пек-чан. С тех пор, как я узнал свое имя, меня всегда били. Сначала помещики, потом японцы и помещики вместе. Особой разницы не было. Я знаю Ким Ен-бона. Когда он стоял на коленях и держал в руках камень, я стоял рядом с ним. Только мне дали держать не камень, а большой стол. Я свалился раньше Ким Ен-бона, он у нас в деревне считался очень сильным человеком.

— Когда японцев прогнала Красная Армия, — продолжал Ким Пек-чан, — помещики вдруг заговорили так, будто они наши лучшие друзья. Ну, вот моя спина лучше моей головы знает, друзья мне они или нет. Был тут у нас такой помещик Хван Гин-дин. У него

было сто пятьдесят тё земли и пятнадцать домов. Гостей он принимал так: кто победней — в доме, который поменьше. Кто побогаче — тому и дом побольше. А уж японцев в самом большом доме принимал. Там у него, говорят, чуть не сорок комнат было. Так вот, этот Хван Гин-дин тоже захотел стать нашим другом, приезжал, говорил речи. Тут мы смекнули, что его дела плохи, а наши, выходит, хороши. Мы ему и сказали: если ты нам друг, давай делить землю между друзьями. Нет, говорит, земли я вам дать не могу, земля мне от покойного отца досталась, он меня проклянет на том свете, если узнает. А мы сказали: может, твой отец на том свете поумнел и тоже нам в друзья набивается. Все-таки не дал нам Хван Гин-дин земли, да мы и знали, что он добром не отдаст. А вот когда вышел закон о земле — тут пришлось отдать. Пришли к нему наши женщины чуть не со всей деревни, загнали в пруд и купали до тех пор, пока не сказал: «отдам!» Тут он и отца не побоялся, подумал, наверно, как бы им не встретиться раньше времени...

Пока Ким Пек-чан говорил, вокруг нас собралось уже несколько десятков крестьян. Все смеялись, когда речь зашла о том, как помещик отдал женщинам землю. Смеялась и Пак Ден-ай, но переводила очень старательно.

— Кто друг, а кто враг — крестьянину разобрать нетрудно, — сказал Ким Пек-чан, — тут нечего ломать голову. Раз Народные комитеты дали нам землю, значит, это и есть наши друзья. Мы вот только сначала не верили, что налог будут брать не больше, чем четверть урожая. А когда увидели, что так оно и есть — тут нас хоть бей головой об стенку, — мы за Народные комитеты...

— При японцах рис у нас отбирали весь, а картофеля, хоть немного,—оставляли. В этом году в Народном комитете спрашивали крестьян, кто что посеял. Один сказал: так и так, я посеял почти одну картошку. Он хотел скрыть, сколько у него посеяно риса и пшеницы. А потом убедился, что все равно берут с крестьян четверть урожая, пришел сам в Народный комитет и говорит: «Виноват, я обманул свою власть. Думал, что она

меня хочет обмануть. Раз власть у нас честная, буду и я честным человеком.

Теперь и нашему читателю должно стать ясным, почему ощущение праздника не покидает человека, путешествующего по Северной Корее. Трудовой народ Кореи многие десятилетия был лишен праздников, люди думали только о том, как бы не умереть с голода. Конечно, теперь, когда настали лучшие времена, крестьяне, рабочие, интеллигенты — все хотят праздновать. Здесь же, в Кото, нам рассказали, как в соседней деревне председатель Народного комитета устроил обед в честь окончания весеннего сева. Председателю было за шестьдесят лет, на обед он пригласил крестьян столь же почтенного возраста. Старики выпили, закусили и опять выпили. Неожиданно в дом председателя, где происходил пир, явилась делегация от старух деревни. Делегация потребовала устроить обед для старых женщин, которые работали нисколько не хуже стариков. Растерявшийся председатель попробовал было пригласить старух к себе, но женщины требовали отдельного пира. Пришлось согласиться с делегацией и устраивать второй обед.

Мы простились с крестьянами, которые очень хотели нас чем-нибудь угостить.

— Если приедете в будущем году, мы зарежем для вас быка, — сказали они. — Сейчас мы еще не можем этого сделать, но все равно голодными от нас не уйдете.

Могила Тан Гуна

Председателю уездного Народного комитета господину Мун Чун-у 56 лет. За участие в первомартовском движении 1919 года он семь лет просидел в тюрьме. Он кровный уроженец Кото. Его предки жили здесь с незапамятных времен. А Кото — особое место в Корее. Недалеко от деревни, у подножья сопки, находится могила Тан Гуна, — ей, по преданию, 4279 лет. От Тан Гуна, который, согласно легенде, опустился с небес на землю, происходит корейский народ. Десять лет назад местное отделение патриотической организации

«Общество образованных людей» начало тайком от японцев раскопки этой могилы. Было обнаружено нечто вроде каменного гроба, но продолжать раскопки или попытаться открыть гроб корейцы не посмели. Во-первых, они боялись, что их обнаружат японцы, во-вторых, понимали, что необходимо присутствие опытных и знающих археологов. Члены Общества снова закрыли могилу, ожидая лучших времен для своих изысканий. Они все же позаботились о том, чтобы привести могилу в порядок и украсить ее. Мы были с господином Мун Чун-у на могиле Тан Гуна. Могила представляет из себя не очень высокий холм, у подножья которого лежит четырехугольная гранитная плита с высеченными на ней иероглифами. Это краткий текст легенды о Тан Гуне. Плита изготовлена в Пхеньяне по заказу «Общества образованных людей». Могила обнесена низкой каменной изгородью с маленькой пагодой у входа. Мун Чун-у просит передать кому-либо из Временного народного комитета Северной Кореи его просьбу о том, чтобы в Кото командировали археологов-специалистов. По всему видно, что Мун Чун-у — большой патриот своего уезда.

— Приятно отметить, — сказал председатель, — что самый древний уезд страны первым в новой Корее закончил проведение земельной реформы. Она у нас была проведена еще до 20 марта этого года. Результаты, сами видите, налицо. Пак Ден-ай говорила, что крестьяне сами почти все вам рассказали. Я могу добавить к их рассказам цифры. У нас в уезде имеется 15 222 тё земли, пригодной для посевов. Из них 11 930 тё принадлежали крупным помещикам. Эту площадь мы конфисковали и передали безземельным крестьянам. 6548 хозяйств получили землю. Как вы смогли убедиться, настроение у крестьян, конечно, самое хорошее и, я сказал бы, боевое.

Перед отъездом Пак Ден-ай повела нас в местное отделение Женского демократического союза.

Несколько женщин, сидевших в комнате, вышивали платки красным шелком. Они готовили к годовщине освобождения Кореи подарки для солдат Советской

Армии. Нам подарили по такому платку. На нем было вышито: 19—15/VIII — 45 — дата освобождения.

Нам рассказали, что полчаса тому назад сюда приходила старая крестьянка и принесла двенадцать вышитых ею платков. Она просила передать их советским бойцам. Старушка извинилась за скромность своего подарка. Она сказала: «Если бы не русские люди — мои внуки до сих пор были бы рабами японцев».

38-я ПАРАЛЛЕЛЬ

Дорога в Кайсю

Вот уже полчаса мы едем равниной по шоссе, ведущему из Пхеньяна в Кайсю. Бурые рисовые поля; белоснежные цапли, взлетающие у самой дороги; деревни, утопающие в яблоневых садах; буйволы, нехотя уступающие дорогу машине. Все это не ново для нас — обычный знакомый пейзаж Кореи.

Потом равнина обрывается — начинаются горы. Справа, с громадной голой скалы, падает серебряная нитка ручья. Машина поворачивает влево, в ущелье. Сопки, покрытые мелким кустарником, придвинулись вплотную к белой дороге. Медленный, долгий подъем, сопки раздвигаются, ущелье становится шире и шире. Теперь далеко внизу видна застывшая под вечерним солнцем бухта. Над ее синей поверхностью чернеют гребешки утесов, за ними лежат великие просторы Желтого моря.

Снова на нашем пути сопка, мы огибаем ее, и тогда показывается Кайсю. Расположенный в центре Кореи, он стал пограничным городом. На той стороне бухты начинается Южная Корея — почти другое государство. Оттуда приходят люди, как из другого мира, — так неожиданны их рассказы. Люди идут по суше, по горным тропинкам, а иногда, в часы отлива, когда вода уходит из бухты, корейцы идут по дну морскому, как в древние библейские времена.

В гостинице „Белое облако"

Мы шли в гостиницу поздно вечером. Черные силуэты сопок, обступивших город с трех сторон, где-то вверху сливались с небом, огни уличных фонарей мешались

со звездами. Над дверями ресторанов синими, красными и фиолетовыми огнями горели длинные неоновые трубки.

Иногда двери открывались, и тогда в прямоугольнике яркого электрического света на фоне сплошной темноты возникали белые фигуры корейцев.

Над входом в гостиницу висела вывеска. На ней было написано по-русски: «Белое облако», гостиница городского Народного комитета».

В вестибюле мы сняли сапоги, соблюдая корейский национальный обычай, и пристроили их к двум рядам парусиновых туфель корейцев. По холодным ступенькам деревянной лестницы мы поднялись во второй этаж. В коридорах было светло и шумно. Свет горел только внутри комнат, но он легко пробивался сквозь бумажные двери и стены.

Для нас был уже приготовлен номер. Обычный номер средней восточной гостиницы. На толстых соломенных цыновках были раскинуты матрацы и одеяла. Круглые, похожие на обрубки деревьев, подушки лежали поверх одеял. Посредине комнаты стоял черный, отделанный перламутром, низенький стол; вокруг него были разбросаны шелковые подушки для сиденья.

Вслед за нами вошел молодой кореец с жестким чубом, торчащим, как козырек, у него на лбу. Это был официант из ресторана, он предложил нам ужин. Мы отказались, но он не уходил. Ему просто хотелось поговорить с нами, так как он изучал русский язык. Запас русских слов у него был невелик, но все же мы неплохо понимали друг друга. Он говорил о любознательности корейцев и по-своему объяснял ее. Вчера еще кореец был угнетен и бесправен. Сегодня перед ним открыты широкие возможности. Он хочет многое понять и обдумать. Наш собеседник Кан Бон-ек просит прощенья за то, что отнимает у нас время.

Семья из Шанхая

Кан Бон-еку мы обязаны первым в Кайсю знакомством с людьми, пришедшими с юга Кореи.

Утром он принес нам на завтрак «куксу» — любимое

национальное блюдо корейцев. Куксу — это густой суп из лапши. С бесконечно длинными ее лентами не так-то просто расправиться при помощи двух деревянных палочек.

Кан Бон-ек похвалил нас — мы правильно держали палочки. Не так, как большинство других европейцев.

— Впрочем, — сказал он, — здесь в гостинице есть еще одна русская, которая правильно ест палочками. Я спрашивал у нее о России, но она никогда там не бывала. Два дня назад она вместе с мужем перешла границу.

Кан Бон-ек так и сказал: «границу».

Он познакомил нас с этой женщиной во дворе, вернее, в садике, столь стандартном и столь обязательном для каждой японской гостиницы. Карликовые деревья, прелестные и уродливые одновременно; серые шершавые камни, как бы случайно разбросанные среди темной густой зелени.

Мы увидели тихую, тоненькую женщину с очень бледным лицом. На ней было черное, плохо сшитое платье, — такие платья шьют в семьях, где нет денег на портниху. Говорила она робким, осторожным голосом. Белый отложной воротничок был чист, но неглажен.

Нина Георгиевна родилась в Шанхае в семье разорившегося эмигранта. Она училась во французской гимназии, посещала балетную студию, по вечерам ради заработка выступала в кафе. Семнадцати лет, не кончив гимназии, она вышла замуж за корейца — владельца небольшого магазина в европейском квартале Шанхая. Муж намного старше ее. В гимназии с подругами она говорила по-французски; дома с родителями — по-русски; в кафе с иностранными офицерами — по-английски. С мужем она объясняется на китайском языке, чужом для них обоих, — она не умеет говорить по-корейски, а муж не знает ни одного русского слова.

Подошел муж, не умеющий говорить по-русски, и оказался гораздо разговорчивее Нины Георгиевны. Наш переводчик еле успевал переводить.

Да, он на двенадцать лет старше жены, и он многое видел в жизни. Подростком он покинул родительский дом, уехал в Китай, наконец, после упорного труда, выбился в люди. Он не лишен патриотических чувств. Когда японцев изгнали из Кореи, он не задумываясь простился с чужбиной и со своим относительным благополучием. Он продал магазин и вернулся на родину, где рассчитывал найти применение своим способностям и — он говорит откровенно — своим деньгам. Он был ошеломлен тем, что увидел в Сеуле. Бедняк голоден, средний человек бесправен, интеллигент подавлен. В «высших слоях общества» не скрывают раболепия перед иностранцами, а эти иностранцы не нравились ему еще в Шанхае. Люди, которые при японцах томились в тюрьмах, вновь арестованы или перешли на нелегальное положение. Те, которые после долгих и мучительных скитаний по белому свету вернулись на землю отцов, — не нашли себе ни земли, ни работы.

Глядя на все это, он решил перебраться через 38-ю параллель и попытать счастья на Севере. На Юге не на что надеяться. Половину денег, вырученных от продажи магазина, он уже прожил в Сеуле. Там возмутительная дороговизна. Сеульские газеты пишут, что на Севере запрещена частная торговля, что магазины закрыты и все владельцы арестованы. Но он не дурак, он еще раньше знал, что газеты врут. Родственники из Сингисю (к ним он и едет) дали ему знать об истинном положении вещей. В конце концов ему не обязательно нужен магазин. Есть на свете много хороших профессий. Он квалифицированный бухгалтер, здесь ему найдется работа. Он не силен в политике, но знает, что Ким Ир-сен настоящий герой и патриот. Каждый честный кореец так думает. .

— Подходящий парень, — сказал нам переводчик, — по-моему, он не пропадет. Впрочем, посмотрим, что с ним будет дальше. . .

Мы показали шанхайцам наши корейские фотографии. Среди них было несколько снимков Цой Сен-хи с ее автографами. Цой Сен-хи — знаменитая балерина — месяц тому назад перешла 38-ю параллель, и мы несколько раз встречались с ней в Пхеньяне.

Глаза Нины Георгиевны заблестели.

— О, — сказала она, — я была на ее концерте в Шанхае. У нее такая слава, такой успех...

На минуту, на одну коротенькую минуту, Нина Георгиевна помолодела.

Такой была она, вероятно, когда занималась в балетной студии и могла еще мечтать со своими подругами о сцене, о славе и — как говорят за рубежами нашей страны — о карьере.

Муж не обратил ни малейшего внимания на снимки балерины. Зато он по крайней мере пять минут не выпускал из рук фотографию Ким Ир-сена.

В хорошо охраняемом дворце

Эдгар Сноу пишет: «Наш контакт с корейским революционным движением за годы войны проходил через группу состарившихся эмигрантов, которая возглавлялась откровенным противником Советской России, проживавшим в Америке больше двадцати лет, Ли Сенманом. После изгнания японцев Ли Сен-ман вылетел из Вашингтона на специальном самолете и создал свою штаб-квартиру в хорошо охраняемом дворце».

Секретарь Национального демократического фронта Южной Кореи господин Ли Кан-гук, вынужденный из-за угрозы ареста бежать на Север, рассказал нам некоторые подробности о приезде и деятельности Ли Сен-мана.

Когда самолет, на котором летел Ли Сен-ман, приземлился на токийском аэродроме, «председателя правительства» посадили в машину и повезли в радиостудию. Он должен был выступить с обращением к народу Кореи. Ли Сен-ман действительно выступил с речью, где главное место занимали злобные и клеветнические выпады против Советского Союза. Эту речь он произнес дважды: второго и шестого ноября 1945 года.

Ли Сен-мана плохо знали в Корее. Он был известен лишь небольшому кругу людей своими патриотическими выступлениями тридцатилетней давности. Но этот «патриот» ехал в Корею с твердым намерением

вести непримиримую борьбу против демократических сил возрождающейся Кореи.

По случаю приезда Ли Сен-мана реакционные газеты, выполняя приказ хозяев, писали, что он «единственный, кто в состоянии понять дух нации и кому можно доверить ее судьбу». Американцы официально объявили его «отцом корейского народа». В Сеуле Ли Сен-ману и его жене — американке — была организована торжественная и пышная встреча. Состоялся грандиозный банкет в лучшем отеле города.

Однако на следующий день многие газеты опубликовали весьма язвительные сообщения. Оказывается, жена Ли Сен-мана не сняла обуви перед тем, как войти в корейскую гостиницу. «Хорошо, — писали газеты, — допустим, что Ли Сен-ман — отец корейского народа. Значит, его жена — мать корейского народа. Почему же она не исполняет святых обычаев своей страны?».

Надо хоть немного знать Корею, чтобы понять силу впечатления, произведенного этим сообщением. Но Ли Сен-ман так давно потерял все связи со своей родиной, что как раз ему-то это было непонятно. Возможно, что он ничего и не желал понимать. На банкете Ли Сен-ман сказал тем, кто пришел его приветствовать:

Я рад вас видеть. Я доволен, что меня так встречают. В этом я усматриваю выражение доверия ко мне. Однако мне мало вашей почтительности, мне нужна ваша решимость и готовность идти за мной. Вы должны помочь мне покончить с мятежными элементами, создать твердую власть и восстановить порядок.

Слова Ли Сен-мана стали широко известны. Корейцы отлично разобрались в том, кого их «отец» назвал «мятежными элементами». Этими «мятежными элементами» был сам народ Кореи. И народ вовсе не хотел восстановления «порядка», существовавшего при японцах.

После этого Ли Сен-ману действительно пришлось переехать в «хорошо охраняемый дворец».

Песенка о трех разбойниках

С господином Син Пуль-чулем, знаменитым корейским актером, мы познакомились через три дня после того, как он перешел 38-ю параллель.

В юности он писал патриотические стихи, которые в списках расходились по рукам, потому что никто их не печатал. Син Пуль-чуль написал роман — издателя для него не нашлось. Он написал две пьесы, но и они при японцах не увидели света.

Син Пуль-чуль стал актером. Он сам писал свой репертуар — политическую сатиру, злободневные песенки, юмористические стихи. Он использовал могущественный арсенал фольклора. Он беседовал с нищими, извозчиками, ремесленниками, крестьянами. Он многому научился и стал говорить с народом языком народа. Он стал самым популярным, поистине народным артистом Кореи. Народ не знал его фамилии, актера называли просто по имени: Пуль-чуль. Он и на афишах именовал себя так.

Син Пуль-чуль обманывал японскую цензуру. Он говорит, что японцев не трудно было ввести в заблуждение, — они, по его словам, не отличались чувством юмора и плохо знали народный корейский язык.

Син Пуль-чуль пользовался намеками и аллегориями, понятными его народу и непонятными цензорам. Он пел песню «Второе солнце» — это обозначало Октябрьскую революцию. Он пел песню о Великом Волшебнике — покровителе угнетенных народов, — корейцы понимали, что речь идет о Сталине.

Конечно, после очередного выступления Син Пуль-чуля японцы обнаруживали свою очередную оплошность. Но песни, исполненные на концерте, уже распевались на улицах Сеула.

Японцы не сажали Син Пуль-чуля в тюрьму, не отдавали его под суд. Он был слишком популярен в народе, — полиция опасалась неприятных последствий. Японцы поступали проще: после каждого концерта артиста увозили в участок и там избивали до потери сознания. По крайней мере на месяц его выводили из строя. Син Пуль-чуль говорит, что его избивали больше

ста раз. Однажды ему переломали руки, ноги переламывали дважды. Таким образом, он действительно не мог выступать часто — этого японцы добились. Но, как говорится, палка была о двух концах: каждое выступление Син Пуль-чуля превращалось в политическое событие и политическую демонстрацию.

Всю Корею облетел мотив старинной национальной песни «Ариран» с новыми словами Син Пуль-чуля. Он призывал корейцев не терять веры в освобождение, веры в победу и в грядущие светлые дни.

После изгнания японцев Син Пуль-чуль остался в Сеуле. Борьба, однако, продолжалась.

10 мая 1946 года отмечалась одна из дат национально-освободительного движения в Корее. Тысячная аудитория собралась в громадном зале сеульского Международного театра. Син Пуль-чуль спел песенку про трех разбойников, заливших мир огнем и кровью. Два разбойника — Гитлер и Муссолини — осуждены судом народов. Спрашивается — где же третий? Третий — император Японии. Он почему-то признан неприкосновенной особой. Но не является ли эта неприкосновенность оскорблением для народов Азии, имеющих некоторые претензии к Японии и к личности японского императора?

Затем Син Пуль-чуль спел вторую песенку. В ней говорилось о странном устройстве порядков в Южной Корее: здесь каждый человек в страхе ожидает, не обрушится ли на него гнев тех, кто возвышается над ним. В самом деле, Ли Сен-ман, возведенный американцами в чин «отца корейского народа», гнет спину перед генералом Ходжем. Чан Те-ксан, начальник полиции, трепещет перед Ли Сен-маном. Тысячи полицейских как огня боятся Чан Те-ксана. А над головой каждого обыкновенного корейца висят полицейские дубинки, готовые исколотить его в любую минуту.

Справедливость последних слов была немедленно подтверждена на глазах у зрителей. Переодетые полицейские, изображавшие «возмущенную публику», бросились на сцену и сбили Син Пуль-чуля с ног. Занавес был опущен, представление окончилось. Актера тут же арестовали.

Син Пуль-чуля судил американский военный суд. Ему было предъявлено два обвинения: во-первых, он своими выступлениями «позорит корейский национальный флаг», во-вторых, «клевещет на американцев». Впрочем, американские судьи, так же как в свое время японцы, не решились засадить в тюрьму знаменитого актера. «За ваши выступления, — сказал ему судья, — по закону полагается два года тюремного заключения. Однако, во имя милосердия, мы заменяем эту меру наказания штрафом в двадцать тысяч иен».

— Вы их заплатили? — спрашиваем мы Син Пуль-чуля.

— Заплатил, — говорит он и добавляет с великолепной своей усмешкой: — может быть, как раз этой суммы нехватало генералу Ходжу для успешной торговли в Корее.

Син Пуль-чуль помолчал. Лицо его стало серьезным.

— Работу актера, который служит корейскому народу, — говорит он, — можно сравнить с путешествием по горным дорогам. Чтобы прийти к цели, нужно иметь хорошие ботинки, иначе они порвутся в пути.

— А где вы переходили 38-ю параллель?

— По горным тропинкам.

— Ботинки у вас были хорошие или плохие? — поинтересовались мы.

— Плохие, — говорит Син Пуль-чуль, — не на что было купить хорошие. — Он опять улыбается. — Но у моего искусства вполне доброкачественная обувь.

Похороны завода

У нас в блокноте записан рассказ инженера Ли Инчена. Он работает на одной из горных электростанций, дающих энергию гигантскому химическому комбинату в Канане. До этого он работал на Юге и был уволен, потому что завод, где он прослужил несколько лет, перестал существовать.

В город, где находился этот завод, приехала американская техническая комиссия. В ее составе, очевидно, были весьма опытные инженеры. Во всяком случае,

осмотр большого завода был произведен исключительно быстро. Он продолжался всего один день. Вечером состоялось заседание, на утро следующего дня корейцам объявили заключение комиссии. Оно было предельно кратким: «Станки устарели и подлежат снятию».

Сотни рабочих пришли в молчаливые цеха. Жаль было разорять завод, на котором они работали столько лет. Но приказ — есть приказ. Пришлось ломать и снимать станки. Затем было отдано приказание вырыть на территории завода громадную яму и снятые станки закопать в землю. Яма походила на чудовищную могилу. Все это походило на циничные и мрачные похороны, да так оно и было на самом деле.

На следующий день в газетах появилась статья, где говорилось, что скоро американцы привезут новые станки и завод начнет работать. Кое-кто поверил этому сообщению. Но прошло несколько недель, и американцы сказали корейцам: «Зачем вам нужны станки? Зачем вам нужен завод? Вам невыгодно иметь свою промышленность. Гораздо выгоднее покупать готовые американские товары, которые несравненно лучше и дешевле корейских».

Корейцы великолепно поняли, что это означает. Все же они стали ждать американских товаров.

Товары, действительно, появились. Их теперь немало на рынках Южной Кореи. Американцы привезли одеколон, духи, виски. Привезли кофе, какао, консервы. Привезли все то, в чем корейский народ не испытывает ни малейшей нужды. Корейскому рабочему нужна сперва работа, а потом кофе. Корейский крестьянин требует землю, а не одеколон.

Человек, вернувшийся на Север

Господин Хан Гир-су переходил 38-ю параллель дважды. После освобождения Кореи он занимал ответственный пост в Народном комитете провинции, но затем, не сумев разобраться в тех политических событиях, которые происходили в северной части его родины, он ушел на Юг. Через несколько месяцев он вернулся и произнес по радио речь. Хан Гир-су сказал, что теперь

он кое-что начал понимать в политике. Он научился различать друзей свободы от ее врагов. Он просит народ простить ему ошибки — он был совершенно слепым человеком.

Мы встретили господина Хан Гир-су в городском комитете Новой народной партии. Худощавый человек, в белом европейском костюме и в мягкой шляпе. Знакомясь, он протянул каждому из нас по визитной карточке. Виски у него были совсем седые.

Мы недолго разговаривали с Хан Гир-су, — он торопился на поезд, уходящий в Пхеньян. Мы до сих пор жалеем, что нам не пришлось встретиться вторично. Он поистине любопытно и, мы бы сказали, поучительно рассказывает о своем путешествии на Юг.

Конечно, он совершил непростительный промах. Нехорошо на старости лет человеку, казалось бы, умудренному опытом борьбы, оказаться в таком положении. Оно послужит уроком не только ему одному. Хан Гир-су не понимал правды Севера — теперь он ее понимает. Больше того, он понимает неправду Юга.

В Сеуле у него была возможность встречаться с политическими деятелями Южной Кореи. Он не отказывался от знакомств, наоборот, он искал их. Однажды он познакомился с одним из крупнейших врачей Сеула господином Ку Бай-реном. Этот доктор только что вернулся из Америки. Он был членом «правительственной делегации», побывавшей в «великой дружественной стране».

— Как вам понравилось в Америке? — спросил Хан Гир-су.

Ответ был неожиданным.

— Видите ли,—сказал доктор,—мне трудно говорить об Америке, я еще не разобрался в своих впечатлениях. Я думаю о другом, — эта поездка, в сущности, меня разорила. Посудите сами: я известный врач, у меня великолепная частная практика. Я принимаю 60 человек в день. Я беру 10 иен с каждого пациента. Моя поездка продолжалась два с половиной месяца. Теперь вы можете подсчитать мои убытки. Я не против того, чтобы часть своего времени отдавать политической деятельности. Но я хочу пользы не только для общего дела, но

и для самого себя. Получилось не так. Я заботился о государственных интересах, а обо мне не позаботился никто.

Хан Гир-су был крайне озадачен откровенностью доктора. Впрочем, быть может, этот делец случайно попал в состав политической делегации? Хан Гир-су навел справки. Оказалось, каждый делегат утверждался многими инстанциями по корейской и американской линии. Выяснилось также, что доктор и при японцах не был чужд политики. Он неоднократно выступал в печати с пространными статьями на политические темы. Японские редакторы платили ему весьма высокие гонорары. Конечно, теперь он забыл о японцах, — теперь у него другие покровители. Он охотно служит им, но огорчается, если занятие политикой не приносит доходов.

— Вы, наверное, думаете, что этот доктор один из самых грязных политиканов южной реакции? — сказал нам на прощанье Хан Гир-су. — Вы сделаете ошибку, если будете так думать. Вы не знаете Ким Гу и Ли Сен-мана.

„Ненастоящий американец"

Через Кайсен несколько раз в месяц проходят американские машины с продуктами для воинской части, стоящей у 38-й параллели. Шоссе, ведущее в расположение части, километров 40 или 50 идет по территории Севера, и американцам разрешено один раз в неделю проезжать по этому участку.

Мы сидели с младшим лейтенантом Михайловым и начальником уездной полиции господином Чой Я на крылечке пограничной комендатуры. Американский «студебеккер» остановился недалеко от нас. Шофер вылез из кабины с домкратом в руке. У машины разом спустили оба задние колеса.

— Теперь ему на полчаса хватит работы, — сказал Михайлов.

Шофер, однако, не торопился. Он поставил домкрат на землю и достал из кармана трубку и кисет с табаком. Вслед за ним вышел из кабины солдат и занялся тем же: то есть табаком и трубкой.

Взглянув в нашу сторону, американцы бодро откозыряли. Потом они набили трубки. Шофер достал зажигалку, но никак не мог закурить: то ли зажигалка отказывала, то ли огонь сразу же потухал на ветру.

Михайлов вынул коробку спичек.

— Если ваша американская техника не в порядке, — сказал он, подмигнув почему-то начальнику полиции, — могу предложить корейские безопасные спички.

Солдат подошел и взял спички.

— Спасибо, — сказал он на вполне удовлетворительном русском языке, — когда ветер, всегда лучше пользоваться спичками. — Он говорил с легким акцентом, но это был не американский и не английский акцент.

Солдат дал прикурить шоферу, и тот пошел к машине. Солдат остался с нами.

Господин Чой Я любил пошутить не меньше нашего младшего лейтенанта.

— Вы, наверное, очень хорошо себя чувствуете? — спросил он у американца.

Солдат внимательно посмотрел на Чой Я, потом на нас.

— Почему я должен себя хорошо чувствовать? — сказал он не улыбаясь, но совершенно вежливо.

— Как же, — ухмыльнулся Чой Я, — говорят, что Америка самая богатая страна в мире, что она ни в чем не нуждается и любит помогать другим. Если это так, — приятно быть американцем.

— Видите ли, — сказал солдат, — я не настоящий американец. Заметьте также, что я об этом нисколько не сожалею. Мне это помогает лучше узнать настоящих американцев. Некоторые из них плохо знают самих себя.

— Кто же вы? — спросил Чой Я. Он был несколько озадачен словами солдата. Разговор становился интересным.

Солдат выбил трубку о каблук башмака.

— Мои родители действительно были американцами. Вскоре после женитьбы они переехали в Польшу, где им по наследству досталась текстильная фабрика. Я родился в Польше, учился в польской школе и не верил польским учителям. Польша тогда была не настоящим государством, и все вокруг было не настоящее. У меня

был дом и не было родины. Но родители у меня были хорошими людьми, — они многому меня научили. Осенью 1939 года я добровольцем вступил в польскую армию. Я хотел драться с фашистами, и я честно воевал. Ну, вы знаете, тогда долго воевать не пришлось. Потом больше двух лет я жил в России как солдат польской армии. Я люблю справедливость, и русские показались мне справедливым народом. Из-за отношения к русским я поссорился с польским офицером. Пользуясь своим американским происхождением, я настоял на переводе в американскую армию. Одно время мне показалось, что я нашел отечество. Ради чего бьют немцев и японцев, — мне было понятным. Но теперь, пройдя через две войны, я снова не вижу правды и справедливости. Вокруг все стало напоминать мне довоенную Польшу. Там любили говорить, что Россия хочет войны. В некоторых газетах я опять читаю об этом. Зачем мне лгут? Наши офицеры смотрят на корейцев, как на низшую расу. Я спросил у одного лейтенанта: если есть высшие и низшие расы — за что тогда били фашистов? Вместо ответа мне было сказано, что у меня только фамилия американская, а кровь неизвестно чья, может быть, даже русская. Я плохо понял, при чем тут моя кровь, а вот на кого похож наш лейтенант — это я хорошо понял. Он, наверное, думает, что и у Рузвельта была не американская кровь, вот он что думает...

— Хэлло, Гарри! — закричал шофер. Он уже сменил оба колеса.

Солдат попрощался с нами. Мы пожали ему руку, и он пошел к машине.

— Не знаю, настоящий ли он американец, — сказал Чой Я, — но человек он, по-моему, настоящий. Что вы скажете по этому поводу?

Прогулка на лодке

— Спросите у Чой Я про настоящих американцев, — сказал Михайлов, — спросите, как он выручал у них своего полицейского, сладко ли ему было...

— Подумаешь, — сказал Чой Я, — сладко или горько. Выручили, вот что важно.

История, как выяснилось, заключалась вот в чем. Один из полицейских после работы отправился на берег моря. Он решил прокатиться на лодке и поудить рыбу. Все, казалось, было в полном порядке. Но через полчаса полицейский уже проклинал свою рыбную ловлю. Через полчаса его захватил американский морской патруль как нарушителя границы.

Местный Народный комитет обратился к американскому командованию с просьбой освободить полицейского. Американцы ничего не ответили на это обращение. Русскому командованию они официально сообщили, что не вступают ни в какие переговоры с корейскими властями.

Тогда русские выступили посредниками. Начались долгие дипломатические переговоры, которые в конце концов завершились вполне успешно. В назначенный день и час в открытом море встретились два катера. На одном из них были американцы и весьма похудевший полицейский, а на другом — секретарь местного Народного комитета, начальник уездной полиции Чой Я и представитель советского командования наш друг младший лейтенант Михайлов.

На первый взгляд казалось, что все обстоит замечательно. Американцы смеялись, курили и были в высшей степени любезны с русским офицером. Они представились, предложили папиросу, зажгли спичку. Однако на корейцев они не обратили никакого внимания. Когда Михайлов попытался представить своих спутников, то американцы сделали вид, что они ничего не слышат.

Началась процедура передачи пленника. Американцы попросили расписку. Секретарь Народного комитета достал из портфеля блокнот и вечное перо. Американцы сказали, что им не нужна корейская расписка, — они имеют дело с представителем русского командования. Расписки, написанные иероглифами справа налево и сверху вниз, не годятся для белого человека.

Михайлов написал несколько слов на листке бумаги и отдал его американцам.

— А кое-кто еще спрашивает, почему корейцы бегут с Юга, — сказал младший лейтенант. — Ни один народ не хочет быть низшей расой. Уверяю вас, что это так.

Свобода печати

15 августа 1946 года нам довелось увидеть грандиозную демонстрацию в Пхеньяне. Народ праздновал годовщину своей свободы. Портреты Сталина и Ким Ир-сена украшали каждое здание города, будь то правительственное учреждение или частный дом. Над портретами развевались национальные флаги Кореи и Советского Союза. На площади перед зданием Временного народного комитета проходили колонны мощной демонстрации. Беспощадное августовское солнце сияло в темно-синем небе, и под этим солнцем шагали рабочие и шахтеры, служащие и студенты. Поровнявшись с балконом здания, где стояли члены Народного комитета во главе с Ким Ир-сеном, руководители общественных организаций и представители Советского командования, демонстранты трижды подымали руки над головой, и троекратное «мансе» гремело на площади. Этот лес поднятых рук и гром приветственных возгласов в течение семи часов заполняли огромную площадь. Казалось бы, такая стихия народного торжества и неподкупного энтузиазма должна была тронуть сердце самого черствого, самого равнодушного к людям человека.

На площади возле проходящих колонн стояли два американца — офицеры связи при Советском командовании. Надо отдать должное их выдержке: семь часов на августовском солнце в Корее — серьезное испытание даже для военного человека. Американцы доблестно выдержали испытание, — они не ушли до окончания демонстрации. Больше того, они неустанно щелкали лейками, фотографируя буквально каждую колонну. Может быть, их увлекало это воистину увлекательное зрелище?

Мы вспомнили об этих американцах, когда в Кайсене нам показали номер одной из газет, выходящих на юге Кореи с благословения американского командования.

Там было написано буквально следующее: «15 августа в Пхеньяне произошел семичасовой бой между демонстрантами и войсками советского гарнизона». В сообщении указывалось «точное» количество убитых и раненых с обеих сторон.

Еще через некоторое время мы были свидетелями разговора между советским дипломатом и американским подполковником, тем самым, что фотографировал демонстрацию в Пхеньяне.

Речь шла об этой демонстрации и о заметке в южной газете.

— Нам очень жаль, что на Юге появляется неправильная информация, — сказал американец. — Однако мы бессильны что-либо предпринять. У нас, как вы знаете, свобода печати, и мы не можем посягать на эту свободу.

„Ура, СССР!“

Дальше ехать нельзя. За поворотом дороги начинается Южная Корея. Тропинка, поднимающаяся на бугор, ведет в пограничную деревню Намчандон. Оставив машину, мы пошли вверх по тропинке.

С бугра хорошо видны северные склоны сопок, поросшие кустарником, несколько фанз, окруженных деревьями, и неширокая белая дорога, где на самом повороте стоит полосатая будка американского часового. Солдата этого, впрочем, мы так и не увидели. Американская застава расположена километрах в пяти отсюда. Днем американцы не выходят на пост, днем жарко, и солдатам лень нести свою караульную службу. Собственно говоря, они и в остальное время суток не особенно стараются. Солдаты томятся от жары, от тоски и полного безделья. Обо всем этом нам рассказывал младший лейтенант Михайлов, —мы уже упоминали про него в предыдущей главе. Михайлов несколько раз по делам службы бывал на заставе у американцев, и каждый раз начальник заставы приглашал его сыграть с ним в шахматы. Американец всегда проигрывал и никогда не обижался. На вопрос Михайлова, как нравится американскому офицеру жить в Корее, тот ответил: «Точно так же, как вам». Американец имел в виду, что Корея — это не место для белого человека.

Деревня Намчандон лежит в долине между двумя невысокими сопками. Фанзы разбросаны в беспорядке,

укрывшись от дождей и солнца под кронами могучих деревьев. Ветер шумит между деревьев и хлещет ветвями по крышам фанз, по тыквам, которые растут на крышах. Лощина вся изрезана ручьями. Когда стихает ветер, слышно, как они шумят на десятки голосов. В ручьях лежат длинные плоские камни. Стоя на них, собаки пьют воду.

Мы выходим на южную окраину деревни. Фанзы, расположенные здесь, еще два с половиной месяца тому назад стояли на территории Южной Кореи. В июле линия 38-й параллели была уточнена, и южную окраину Намчандона признали частью территории Севера.

Мы присели на камни в тени дерева у одиноко стоящей фанзы. На ее стене написано по-русски:

*„Отец Кан Цан-хи, сын Кан Иен-бак.
Ура, СССР!"*

Две бедно одетые женщины выходят из фанзы. Мужчин никого нет. Все они ушли на базар в ближайший городок. Мы разговариваем с женщинами. Женщины кормят детей грудью и, пересмеиваясь между собой, рассказывают нам, что еще в июне они были жителями Южной Кореи.

Вплоть до июля их сосед был как бы жителем другого государства. Первого Мая они увидели национальный флаг над крышей его фанзы. Хозяин, одетый в праздничный костюм, помахал им рукой, затем позвал к себе в гости. Надо было только перейти ручей, чтобы прийти к соседу. Курица могла бы перейти такой ручей, но им нельзя было этого сделать. Тут же, на берегу ручья, слонялись полицейские, их японские винтовки блестели на солнце.

А в фанзе соседа пировали гости. Там праздновали большой праздник, там собрались люди, получившие землю, ели рис и пили сури, пели песни и смеялись от всего сердца, как смеются свободные люди.

Здесь же, по эту сторону ручья, земля принадлежала помещику, здесь было не до веселья, не до пиров и не до песен. И семья Кан Цан-хи никак не могла понять, за что им выпала такая доля. Почему счастье

пришло только к тем корейцам, которые живут на другом берегу ручья? Почему узкая полоска воды разделяет людей на свободных и подневольных, на счастливых и несчастных, на сытых и голодных?

И когда в июле их фанза оказалась на территории Севера, семья Кан Цан-хи получила землю, согласно законам Народного комитета, и жизнь открылась перед ними, как дверь в светлое будущее, — старик Кан Цан-хи сказал:

— Как же теперь завидуют нам те, кто волей судьбы живет немного южнее нас!

И старик позвал к себе в гости молодого Мун Ира, проживавшего несколько лет в Харбине и знавшего русский язык и русскую грамоту. Старик угостил его жареной курицей и лапшой, он достал заветную бутылочку сури, прибереґавшуюся для особо торжественного случая, и попросил написать на стене фанзы по-русски свое имя и имя сына и те слова, которые уже давно были написаны на фанзе соседа:

„Ура, СССР!“

Вера в завтрашний день

Пока мы разговаривали с женщинами, из соседней фанзы пришел старый крестьянин по имени Нон Сек-сон. Он поздоровался с нами, сел на землю и закурил трубку. Трубка была не меньше метра длиной, с крохотным чубуком, куда едва бы поместился табак от одной папиросы. Нон Сек-сон послушал, о чем мы разговариваем, а разговор к этому времени зашел о том, трудолюбив ли корейский крестьянин.

Нон Сек-сон сказал:

— Десять лет назад я был в Сеуле. Там было еще несколько человек из нашей деревни. Мы пришли туда на заработки, — своим, крестьянским трудом невозможно было тогда прожить. Случилось так, что нам предложили работу в Советском консульстве. Надо было скосить участок травы. Стали договариваться. Русские предложили нам хорошую плату за всю работу. А мы

сказали, что хотим получать поденно. Тогда русские спросили, сколько дней мы будем работать и сколько хотим получать за каждый день. Мы назвали и ту и другую цифру. И выходило, что при поденной оплате мы получим вдвое меньше. Русские очень много смеялись и удивлялись нашей нерасчетливости. Они просили нас объяснить, почему мы сами себя хотим обидеть. Объяснить мы не сумели, и русские опять очень много смеялись. Мы пять дней работали у русских и каждый день разговаривали с ними. Один из русских хорошо говорил по-корейски. Наконец, нам стало ясно: мы живем только сегодняшним днем и боимся даже думать о том, что с нами будет завтра. Впереди не могло быть ничего хорошего, и мы не решались даже на пять дней заглянуть вперед. Русские, помню, говорили, что в работу надо вкладывать душу. Но душа-то у нас была своя, а работали мы всю жизнь на чужих. Да простит мне бог, жалко было души на такое дело... А вот теперь, когда земля у нас своя и работаем мы для себя и для своих детей, — тут нетрудно душу вложить. Что берет с нас новая наша власть? Четверть урожая. Мы ей больше дадим, если нужно будет. С ней договориться можно. Это все равно, как сыновья с отцом, — всегда договорятся...

Фанзы переходят параллель

Старик Нон Сек-сон был словоохотлив. Он рассказал нам еще об одной деревне, разрезанной пополам 38-й параллелью. Деревня эта называется Кецен и находится недалеко от Намчандона. В Кецене 22 фанзы, и ровно половина из них оказалась в Южной Корее.

Когда жители северной стороны после земельной реформы получили землю, — южане нашли весьма своеобразный выход из положения. В одну из темных ночей они обезоружили и связали единственного бывшего в деревне полицейского, затем они разобрали легкие свои жилища и перенесли их на северную сторону параллели. Южане стали гражданами Севера, получили землю, а слава об их остроумии и решительности прогремела по всему уезду.

Нон Сек-сон помолчал. Потом он долго глядел на юг, темные глаза старика стали печальными. Он сказал нам:

— Смотрите туда, куда смотрю я...

Мы посмотрели и увидели узкую полоску воды. Она стекала с вершины далекого холма и падала в лощину. Холм был частью Южной Кореи, лощина принадлежала Северу.

Нон Сек-сон сказал:

— Хорошо быть водой. Она течет с Юга на Север и никто, даже полиция, не останавливает ее на пути...

.. Конечно, жителям южной половины Кецена посчастливилось. Нам известны другие, трагические события в пограничных районах Юга. Там крестьяне решили собственными силами провести земельную реформу. Они выгнали помещиков и поделили между собой помещичьи земли. Недолго, однако, продолжалось торжество крестьянской справедливости. Крупные отряды полицейских были брошены в «мятежные» районы. Крестьян избили точно так же, как это было при японцах. Главарей «мятежа» арестовали и увезли в город. Многие из них до сих пор не вернулись из тюрьмы.

Отряды самообороны

Мы попросили Нон Сек-сона провести нас к самой параллели. Мы спустились по тропинке, проложенной сквозь густой кустарник, вниз, к широкому и светлому ручью. Внезапно из кустов появился молодой, лет семнадцати, парень. Он был бос, в коротких, до колен, штанах. Круглая, совсем еще ребячья голова была острижена наголо. В руках он держал дубинку весьма внушительных размеров. На правом рукаве у него была белая повязка с красной надписью на корейском и на русском языках. По-русски было написано: «Отряд самообороны. Ура, СССР!»

Десять дней назад этот парень вступил в Союз демократической молодежи и теперь вместе с товарищами

наблюдает за 38-й параллелью. У него свой участок, за который он отвечает с одним из своих друзей. Собственно говоря, положено только ночью следить за своим участком, но молодой патриот и днем выходит на пост.

Союз демократической молодежи здесь, на границе, выполняет задачу большой государственной важности. С Юга на Север реакция нередко перебрасывает диверсионные группы. Одно время особенно активно действовала террористическая организация «Чельхельдан», то есть «Железо и кровь». На Севере она вербовала в свои ряды помещичьих сынков, которым неплохо жилось при японцах. Диверсанты, когда им удается незамеченными пробраться через 38-ю параллель, действительно проливают кровь при помощи железа. Они убивают наиболее активных сторонников и деятелей корейской демократии. Так были убиты члены Союза демократической молодежи Ким Ду-о и Ли Кван-со. Тогда молодежь организовала свои «отряды самообороны». Бдительность молодых демократов с каждым днем возрастает, с каждым днем их отряды становятся все опасней и грозней для диверсантов Юга. Говорят, что террористы сложили поговорку: «Северная молодежь страшней северной полиции». Эта поговорка — одна из лучших похвал для корейской демократической молодежи, которая во многих отношениях заслуживает того, чтобы ее хвалили.

Мы побродили еще немного вдоль «границы», потом попрощались с корейцами и пошли к машине. Пора было ехать в Пхеньян, завтра мы должны были встретиться с Ким Ду-боном.

Мы ехали мимо рисовых полей, мимо скалистых холмов и сопок. Чудесная природа Кореи сияла под вечерним солнцем. Но у нас было очень невесело на душе. Мы ехали и вспоминали слова старого Кан Цан-хи: «Как же теперь завидуют нам те, кто живет южнее нас».

КИМ ДУ-БОН

Как-то мы беседовали с группой корейских литераторов. Темой нашей беседы был корейский язык. Нам сказали, что образованный кореец обычно знает около 3 тысяч иероглифов. Словарь крупнейшего корейского писателя Хан Сель-я насчитывает 6 тысяч иероглифов. Мы поинтересовались, есть ли в Корее человек, словарь которого богаче словаря Хан Сель-я. И нам сказали на это:

— Есть. Ким Ду-бон. Он знает 12 тысяч иероглифов.

Председатель трудовой партии Ким Ду-бон принял нас в своем кабинете — просторной и светлой комнате. На столе стояло чучело цапли.

— Цапля, — сказал Ким Ду-бон, — есть символ вечности и радости. Я поставил ее у себя на столе для того, чтобы она напоминала мне и о той радости, которую сейчас переживает наш народ, и о непрерывности и вечности прогресса, на путь которого он вступил.

Рассказывая о себе, Ким Ду-бон время от времени поглаживал своей маленькой рукой перья мертвой птицы.

Таким и запомнился нам этот тихий человек, очень много сделавший для своей обездоленной родины.

В 1905 году 16-летним юношей Ким Ду-бон принял участие в организации антияпонской демонстрации учащихся города Сеула.

В 1909 году Ким Ду-бон вступил в партию корейской молодежи.

Эта партия была чисто патриотической организацией. Она не ставила перед собой никаких иных задач, кроме сопротивления японцам.

Партия издавала журнал «Кван-Мун» — «Светлое слово». Журнал призывал корейцев развивать у своих детей национальное самосознание и ненависть к японцам. Журнал агитировал за то, чтобы не покупать японских товаров и обходиться тем, что производится в самой Корее. Например, в статье «Платье из дерева» рассказывалось о том, как из кленовой древесины делать ткань. В Корее ощущался острый недостаток в тканях.

Ким Ду-бон был активным сотрудником журнала «Кван-Мун». Он редактировал словарь корейского языка, печатавшийся на страницах журнала, и писал статьи на исторические темы. Он преподавал историю Кореи в частной гимназии в Сеуле.

1 марта 1919 года в Корее поднялось всеобщее восстание против японцев. Восставшие потерпели поражение. Они были слабо подготовлены к борьбе, хотя готовились к ней десять лет.

Ким Ду-бон эмигрировал из Кореи в Китай. Период с 1919 по 1932 год он называет «периодом исканий и странствий».

За эти 13 лет Ким Ду-бон был редактором трех газет, последовательно сменивших одна другую: «Свобода», «Правда», «Независимость Кореи». Не успев собрать вокруг себя читателей, каждая из названных газет вскоре прекращала свое существование.

В конце 1931 года японцы оккупировали Маньчжурию. Это событие ошеломляюще подействовало на корейцев, проживавших в Маньчжурии и Китае. С новой силой вставал вопрос, что делать? О возвращении в Корею теперь нечего было и думать. Жить в бездействии на чужбине становилось все тяжелее.

Ким Ду-бон обратился к изучению истории мирового национально-освободительного и революционного движения. В 1932 году он организовал в Шанхае политшколу для корейцев и вскоре выступил перед своими слушателями с лекцией о причинах поражения первомартовского восстания. Ким Ду-бон видел эти причины прежде всего в отсутствии единого, сильного и авторитетного центра. Тогда же Ким Ду-бону стало известно имя Ким Ир-сена. Успешные действия молодого вождя корейских партизан на территории Маньчжурии были прак-

тическим ответом на вопрос — как бороться за независимость Кореи, находясь на чужбине.

Начался второй период эмигрантской жизни Ким Ду-бона. Этот период, как и первый, продолжался 13 лет — с 1932 по 1945 год. Ким Ду-бон называет его «периодом борьбы с оружием в руках». От горы Пяктусан, что возвышается на границе Маньчжурии и Кореи, до берегов Желтой реки, протекающей в Южном Китае, корейцы-эмигранты выступали против японцев единым фронтом с китайскими патриотами.

На территории Маньчжурии вела беспрерывную войну с японцами партизанская армия Ким Ир-сена. На территории Центрального Китая развернули свою деятельность политические организации «Независимость Кореи», «Корейская революция» и «Общество высокого духа». Ким Ду-бон в течение многих лет прилагал все усилия к тому, чтобы создать объединенный центр по руководству антияпонским движением. Но этой цели ему так и не удалось достичь в полной мере.

Из Шанхая Ким Ду-бон едет в Чунцин. Его избирают на руководящий пост в корейской добровольческой армии. Из Чунцина, спустя год, Ким Ду-бон едет в Янвань. Он пробирается по лесам и горам, прячась от японцев. Лишь через месяц он достиг пункта назначения. В районе Янваня располагалась 8-я китайская народно-революционная армия. В ее рядах было много корейцев; Ким Ду-бон в течение четырех лет, вплоть до августа 1945 года, работал среди них и одновременно руководил организацией «Союз независимости Кореи».

В ноябре 1945 года Ким Ду-бон вернулся в освобожденную Корею. Корейская политическая эмиграция съезжалась в Пхеньян. Каждая группа привозила своего руководителя. Вышли из подполья антияпонские организации, работавшие на территории самой Кореи. У них тоже были свои руководители.

В конце 1945 года и в начале 1946 года в Северной Корее, наряду со старейшей партией «Чёндогьо», были организованы три политических партии: коммунистическая, Новая народная, демократическая. Коммунистическую партию возглавлял Ким Ир-сен. Ядром для новой

народной партии явилась группа Ким Ду-бона «Лига борьбы за независимость Кореи». Демократическая партия составилась из самых разнообразных элементов.

Партии вырабатывали принципы совместного сотрудничества. Между коммунистической и Новой народной партией обнаружилось явное и близкое родство. Их программы совпадали в своих основных пунктах. Они решили объединиться в одну партию, дав ей новое название «Трудовая партия». Коммунистическая партия объединяла преимущественно передовых рабочих и крестьян, Новая народная — прогрессивную интеллигенцию. Вновь созданная трудовая партия стала авангардом всех трудовых слоев населения. Она стала быстро расти численно. В момент объединения в обеих партиях насчитывалось сто шестьдесят тысяч членов. Через три месяца, к середине ноября 1946 года трудовая партия выросла до пятисот тысяч членов.

Ким Ду-бон стал одним из лидеров трудовой партии.

В первое время ходили разговоры о том, что трудовая партия «задавит» остальные политические партии даже одним численным превосходством. Ничего подобного не случилось. Дружба и слаженность работы между всеми тремя партиями возрастают. Во время выборов в Народные комитеты они выступали единым фронтом. Победа была общей — всех партий и всего народа.

— Я сорок лет жизни отдал политической борьбе, — говорит Ким Ду-бон, — и я счастлив видеть успех дела, которому служил и продолжаю служить.

КАН НАН-УК

Мы были на корейской свадьбе.

Среднего роста, полный и широкоплечий человек в роговых очках пел песню о горе Моранбон. Пел он великолепно.

Нам сказали, что это священник протестантской церкви Кан Нан-ук. Потом добавили: — И секретарь Народного комитета Северной Кореи. — И еще раз добавили: — И заместитель председателя демократической партии.

Потом нам рассказали о трагедии, постигшей этого человека. Несколько месяцев назад на его дом в Пхеньяне было совершено вооруженное нападение. Нападавшие убили сына и дочь Кан Нан-ука. Жена была тяжело ранена. Самого Кан Нан-ука легко ранили в руку.

Мы много раз встречались с Кан Нан-уком. Нас удивляла его жизнерадостность. На дружеских встречах он всегда пел свою любимую песенку о горе Моранбон.

Кан Нан-ук родился в крестьянской семье. Он учился в сельской школе, затем в гимназии. Гимназию он не окончил. У родителей не было средств. Он был отдан в духовную семинарию. Семинария находилась в ведении американского общества миссионеров-протестантов. Обучение было бесплатное. Питание — тоже. Но в этом духовном заведении, где проповедовалось всеобщее братство людей, корейские юноши вовсе не чувствовали этого братства. Директором был американец. Преподавателями — американцы и европейцы. Корейцев они считали дикарями, а себя — людьми, которые должны были вывести Корею из одичания.

Горек был даровой хлеб в семинарии. Горька была и духовная пища.

Кан Нан-ук оставил семинарию. Он мог бы, конечно, вернуться в деревню и пахать землю по примеру своего отца и деда. К тяжелому труду он привык с детства. Но он думал теперь не только об устройстве личной жизни. Его занимала судьба народа.

Корейский народ нуждался в образованных людях — и не в пришельцах, а в своих соотечественниках. Кан Нан-ук достаточно наслушался в семинарии американских «духовных пастырей». Надо было продолжать образование, и Кан Нан-ук отправляется в Японию. Два года он учился в токийском университете. Не окончив его, возвратился в Корею. В Японии не на что стало жить. Вечерняя работа, дававшая ему средства, была потеряна.

Кан Нан-ук поступил работать учителем в начальную школу деревни Чильгор близ Пхеньяна. Он познакомился с родителями Ким Ир-сена. Ким Ир-сен был его учеником. Учитель и ученик, расставшись в школе, встретились через 18 лет на многотысячном митинге бурной осенью 1945 года.

В деревенской школе Кан Нан-ук работал недолго. Его пригласили в частную гимназию в Пхеньяне. Здесь он преподавал 10 лет, пока в частных гимназиях не так сильно ощущалась зависимость от японцев. Вечерами он занимался в духовной семинарии. В праздничные дни аккуратно посещал церковь.

В церкви всегда бывало много народу. Народ был измучен тяжелой жизнью. Он приходил в церковь услышать слова утешения и надежды.

Церковь была протестантской. Ее настоятелем был воспитанник американской духовной семинарии. Он говорил проповеди о терпении как основной добродетели христианина.

Когда в одной из протестантских церквей оказалось вакантное место, Кан Нан-ук занял его. Он стал священником.

Уже первые проповеди его имели громадный успех у верующих. О нем пошла слава. Скоро она дошла

и до японской полиции. Как-то во время богослужения ему незаметно была подброшена записка. В записке сообщалось о присутствии в церкви переодетых полицейских. По окончании богослужения Кан Нан-ук был арестован. Затем аресты повторялись довольно часто.

Кан Нан-ук говорил в своих проповедях об учении Христа, который завещал людям жить, как братья. К этому полиция не могла придраться. Он говорил об искажении учения Христа, о насилии, посредством которого сильный подчиняет себе слабого. На эту тему молодому священнику посоветовали не распространяться. В некоторых своих проповедях он говорил о том, что человеку от рождения присуще — богом дано — стремление к свободе и независимости. После таких проповедей священника почти всегда поджидал полицейский автомобиль.

Кан Нан-ук считал, что в условиях жестокого колониального режима богослужение может стать одним из средств духовного объединения народа.

В годы второй мировой войны японцы открыто контролировали проповеди. Приходилось прибегать к намекам и недомолвкам. Верующие отлично их понимали. За долгие годы установился контакт между слушателями и проповедником. В военное время неотъемлемым элементом проповеди стала информация о положении на фронтах: на Востоке и на Западе. Каждый успех русских вызывал бурную радость в народе. По ночам священник слушал радио. Приемник был установлен в подполье. Так тысячи людей понесли из церкви великую весть о начале войны между Россией и Японией.

В сентябре 1945 года встретились ученик и учитель — Кан Нан-ук и Ким Ир-сен.

— Был митинг у подножия Моранбон, — рассказывает Кан Нан-ук. — Выступал оратор. Он говорил страстно и сильно. Я узнал Ким Ир-сена. Были тот же голос и те же глаза, что 18 лет назад, хотя человек казался совсем незнакомым.

В ноябре Кан Нан-ук вступил в только что организованную демократическую партию.

Из всех политических партий Северной Кореи демократическая партия наиболее разнородна по своему социальному составу. Среди ее членов встречаются и рабочие, и крестьяне (сравнительно зажиточная часть), и интеллигенция, и торговцы. Последние составляют весьма значительный процент.

На демократическую партию сильное влияние оказывала вначале протестантская церковь. Влияние это, заметно ослабленное, сказывается и по сей день. Протестантская церковь ориентируется на американский курс в Корее. Американцы, как известно, ищут себе опоры в реакционных кругах Юга. Так, от демократической партии на севере Кореи уходили нити в южную часть страны. Из-за борьбы представителей различных тенденций положение внутри партии в течение длительного времени было напряженным. Но в конце концов победа была одержана истинно демократическими элементами. Съезд избрал новый ЦК. Председателем партии был утвержден Цо Ен-ген, его заместителем — Кан Нан-ук.

Реакционные круги Юга пришли в бешенство. Они перебросили террористические группы через 38-ю параллель. 14 марта 1946 года террористы совершили вооруженное нападение на дом Кан Нан-ука. В тот день вся семья Кан Нан-ука была в сборе. Помимо того, у него гостили два священника протестантской церкви Ким Ды-хо и Кан Пен-со. Они приехали из соседнего города и беседовали с хозяином до 11 часов. Потом гости ушли в отведенную для них комнату.

В 12 часов ночи, когда в доме уснули, по окнам была открыта стрельба из пистолетов. В комнату гостей была брошена граната. Сын и дочь Кан Нан-ука и священник Ким Ды-хо были убиты, все остальные получили ранения. Террористы решили, что с Кан Нан-уком покончено. На следующий день даже некоторые друзья Кан Нан-ука советовали ему «сойти со сцены». Кан Нан-ук молчал. Он стоял между двумя гробами, в которых лежали его дети. На могиле сына и дочери он дал ответ своим друзьям и врагам. Он поклялся идти до конца по избранному пути. Нам сказали в Народном комитете, что Кан Нан-ук не пропустил ни одного дня на службе, за исключением дня похорон.

Борьба различных тенденций внутри демократической партии еще продолжается. Но верх берут истинно демократические тенденции, так как преимущества нового строя в Северной Корее становятся для всех очевидными. Реакция терпит поражение. Южные газеты одно время подняли шумиху вокруг имени Те Ман-сика, бывшего председателя демократической партии. На Юге писали, что Те Ман-сик арестован и выслан чуть ли не в Сибирь. Между тем его никто не трогал. Он жил в свое удовольствие в одной из гостиниц Пхеньяна. Из окна кабинета Кан Нан-ука было видно, как Те Ман-сик, сопровождаемый одной из красивейших гейш города, выходил на прогулку. Потом, когда вышел закон, наделивший корейскую женщину равными правами с мужчиной и институт гейш был ликвидирован, престарелый Те Ман-сик остался в одиночестве. Гейша, развлекавшая его, вышла замуж. Вдобавок, он перестал быть героем южной печати, которая вынуждена была в конце концов признать, что Те Ман-сик находится на свободе, никем не притесняемый.

„ЧЁНДОГЬО“

В 1860 году в небольшом уездном городе Кенджу, недалеко от Гензана, знаменитый корейский ученый Цой Де-у выступил с проповедью, в которой изложил сущность новой религии. Религия эта получила наименование «Чёндогьо», что означает: «Учение о небесном пути».

Новая религия с невиданной быстротой распространилась по Корее и в течение первых лет нашла миллионы сторонников в корейском народе.

Она стала угрозой для всех ранее существовавших религий и больше всего для самого государственного строя Кореи.

Основатель «Чёндогьо» Цой Де-у по приказу короля Кореи был арестован в начале 1864 года и через несколько месяцев повешен.

В чем же состоит сущность этой религии?

Религиозное учение «Чёндогьо» изложено Цой Де-у в небольшой книжечке, состоящей из двух частей. Первая часть называется «Жизнь человека», вторая — «Жизнь государства».

Внутренние и внешние качества человека Цой Де-у делит на две категории: положительные и отрицательные. Так было всегда, но так не должно быть, говорит Цой Де-у. Надо, чтобы человек обладал только одними положительными качествами. Надо, чтобы он был умным, а не глупым; красивым, а не безобразным; добрым, а не злым; богатым, а не бедным; трудолюбивым, а не праздным. Такой человек и есть бог. Иного бога, кроме человека, нет.

Когда люди будут наделены одними положительными качествами, между ними не будет никаких раз-

личий. Все люди будут равны в своих правах и обязанностях перед государством. Не станет классов и сословий. Это будет небесное государство, населенное богами.

Учение «Чёндогьо» было прямой реакцией на буддизм — одну из самых распространенных религий Востока. Буддизм, получивший в Корее даже более классическое выражение, чем у себя на родине — Индии и Китае, — призывал к смирению, к обращению всех помыслов к грядущему небытию, отказу от всех земных страстей.

Учение «Чёндогьо» провозглашало создание идеального небесного государства на земле во имя земного счастья всех людей.

У религиозной общины «Чёндогьо» есть свой флаг — красное полотнище с изображением на нем зубчатого колеса. Зубьев пять. Они соответствуют пяти самым большим звездам на небе. Вверху, над колесом, изображен иероглиф, означающий «человек», внизу, под колесом — другой иероглиф, означающий «бесконечное число». «Чёндогьо» ставит перед собой цель собрать под свои флаги весь род человеческий, живущий под пятью большими звездами.

У общины «Чёндогьо» есть свои церкви, вернее — места сборищ. Верующие собираются каждое воскресенье на 2 часа — с 11 до 1 часу дня слушать проповедника.

Преемником Цой Де-у был крестьянин Цой Си-хенг. Его называют корейским Пугачевым. Отвлеченные тезисы религиозно-философского трактата своего учителя, выраженные в мистическом духе, он перевел на язык, доступный каждому неграмотному корейцу. Цой Си-хенг разработал политическую программу. Она состояла из трех пунктов: земля отбирается у тех, для кого она стала средством наживы, и передается тем, кто, обрабатывая ее своими руками, добывает себе средства пропитания; богатства, которыми располагает государство, распределяются поровну среди всего населения. Государство должно быть бессословное, где будет полное равенство между всеми людьми, в том числе между мужчинами и женщинами.

В 1894 году Цой Си-хенг поднял крестьянское восстание в Корее. Он тридцать лет готовил его. Восстание достигло таких размеров и такой силы, что слабая корейская армия оказалась не в состоянии победить восставших. Корейский король обратился за военной помощью сразу к двум государствам — к Китаю и к Японии.

Восстание было подавлено. В одном из боев Цой Си-хенг был захвачен в плен. Четыре года он сидел в тюрьме и ожидал суда. Корейское правительство боялось, что расправа с ним возбудит новые волнения.

В 1898 году состоялся суд над Цой Си-хенгом. Его приговорили к смертной казни через повешение. Казнь состоялась в Сеуле на самой большой площади корейской столицы. Тысячи людей, подавленных и бессильных, окружали площадь. В центре возвышался белый помост. Когда Цой Си-хенг поднялся на помост и ему накинули петлю на шею, сотрудник русского дипломатического представительства в Сеуле сфотографировал его. У корейцев тогда еще не было фотоаппаратов. В 1905 году этот единственный снимок замечательного корейского революционера был подарен русским посольством ученику и последователю Цой Си-хенга. Снимок человека с петлей на шее помещен в книге, рассказывающей историю религии «Чёндогьо». Летом 1946 года нам подарили эту книгу.

После подавления восстания «Чёндогьо» занялась исключительно просветительной работой среди народных масс.

Однако, работая в гуще народа, община «Чёндогьо» как бы растворялась в ней. Лишь после 1-го марта 1919 года «Чёндогьо» организовала «Партию молодых друзей» как передовой отряд общины. Партия и поныне существует. Она является старейшей среди политических партий Северной Кореи. Ее принято называть, как и религию, партией «Чёндогьо». В годы японского владычества партия была подпольной. Значительная часть ее состава находилась в эмиграции. Японцы преследовали ее и за пределами Кореи.

Религиозную общину и партию «Чёндогьо» возглавляет Ким Тар-кен. Мы несколько раз видели его. Это

невысокий, старый, но очень живой человек. Нам, к сожалению, ни разу не довелось побеседовать с ним. Но мы знаем из рассказов его учеников и соратников, что за время своей революционной деятельности он был 77 раз арестован и в общей сложности 40 лет своей жизни провел в горах, скрываясь сначала от королевской власти, а потом от японцев.

Мы заходили в центральное управление партии. Руководящие работники «Чёндогьо» — редактор газеты «Кайбенсинмун» Ким До-хен и заведующий отделом пропаганды Ким Юн-чен — познакомили нас с историей религии и партии. Они рассказали нам о том, как проходила земельная реформа и какое участие принимала в ней «Чёндогьо», на 95% состоящая из крестьян. Редактор прочел нам ряд писем из деревни, напечатанных в газете. Дело было в конце лета. Крестьяне писали о том, какой урожай они соберут. Плоды земельной реформы были уже налицо.

Мы хорошо помним беседу с руководящими работниками «Чёндогьо».

— Мы хотим, — говорят они, — чтобы Корея была в первом ряду самых демократических стран мира.

Человек в соломенной шляпе

Судя по всему, что нам пришлось услышать о корейских поэтах, — самым известным и подлинно народным из них до сих пор остается поэт Ким Сака. Ким Сака — в приблизительном переводе «Человек в соломенной шляпе» — автор огромного количества сатирических стихотворений. Он жил двумя столетиями позже Ли Сюн-сина. Ким Сака первый из корейских поэтов стал писать на живом разговорном языке. Ким Сака высмеивал помещиков, чиновников, бюрократов. Он не стеснялся употреблять самые сильные выражения.

Бродяга и бессребренник, Ким Сака странствовал по дорогам своей страны, а стихи его повторялись на рынках, в харчевнях, везде, где собирались простые люди Кореи.

Советскому читателю он, вероятно, сразу бы напомнил знаменитого муллу Насреддина. И действительно, между ними существует несомненное сходство.

„Сон девяти облаков“

Первый роман на корейском языке был написан двести лет тому назад. Автор его Ли Гу-мен был мелким чиновником в Сеуле. По роду службы он все свое время проводил в разъездах. Долгие годы он не мог навестить свою мать, жившую далеко от столицы. Тогда Ли Гу-мен решил написать роман. Написать и напечатать роман, чтобы мать узнала: ее сын жив, здоров и, больше того, — знаменит.

Но мать Ли Гу-мена не знала китайского языка и не разбиралась в иероглифах. Она умела читать только по-корейски. К тому времени корейская письменность насчитывала 300 лет своего существования. Ее иногда называли «женской письменностью». Считалось, что корейский алфавит придуман для женщин, которых трудно обучить китайским иероглифам.

Ли Гу-мен написал роман на корейском языке. Роман назывался «Сон девяти облаков» — символ счастливой встречи после долгих лет разлуки. Он имел выдающийся успех. С тех пор Ли Гу-мен справедливо почитается основоположником корейской прозы.

Ли Ги-ен

Нам трудно судить об уровне современной корейской литературы в целом, — мы, в сущности, знаем ее со слов авторов, критиков или читателей. Одно для нас несомненно: среди корейских литераторов, со многими из которых мы связаны сейчас искренней дружбой, есть люди большого таланта и культуры, способные с честью выполнить задачи, поставленные перед ними освобожденным народом.

Навсегда останутся у нас в памяти встречи и беседы с виднейшими корейскими писателями Ли Ги-еном и Хан Сель-я.

Ли Ги-ену 54 года. Более 30 лет он занимается литературной деятельностью. Его двухтомный роман «Родина» — одно из наиболее известных произведений корейской литературы. Ли Ги-ен рассказывает, что он обдумывал роман 10 лет и написал за 40 дней. Ли Ги-ен писал, удалившись от мира, в буддийском монастыре. Питаясь одной ячменной кашей, которую ему приносил два раза в сутки монах, он днем и ночью работал над книгой о жизни корейского крестьянства, о его борьбе с помещиками и японцами. Монастырь, в котором работал Ли Ги-ен, один из древнейших в Корее. Он построен 2 тысячи лет назад. Неподалеку от монастыря лежит каменная глыба со слабо намеченным лицом Будды. Предание гласит, что над этим лицом трудился аист,

но не успел закончить своего труда — проходивший мимо злой человек спугнул его. Так лицо Будды и осталось незаконченным.

Рукопись была сдана в ежедневную корейскую газету «Чосен Иль-бо», но автор смог увидать напечатанными только первые главы своего романа. Вскоре он был арестован и осужден японским судом. В тюрьме он просидел почти 3 года. Однако, арестовав Ли Ги-ена, японцы, по явному недосмотру, не запретили печатание романа. И он печатался, когда автор сидел в тюрьме, печатался, правда, с изъятием цензурой больших кусков и целых глав.

Освободившись из тюрьмы, Ли Ги-ен оказался под наблюдением специального полицейского органа. В общей сложности полиция 10 лет контролировала каждый его шаг. От него, как и от других бывших политических заключенных, требовалось посещение японского храма «Синто», выступление с публичными лекциями о «Стране Восходящего Солнца», о ее притязаниях и правах на мировое господство. Ли Ги-ен категорически отказался и от посещения храма «Синто», и от публичных выступлений, ссылаясь на незнание японского языка. Тогда ему приказали представлять свои лекции в письменном виде на корейском языке. Ли Ги-ен сказался больным и тайно покинул Сеул. Он поселился на Севере в провинции Когендо, у подножья Алмазных гор (Кым Ган-Сан). Новое местожительство опять погружало писателя в глубины истории. Старожилы рассказывали, что холм, на котором стоит деревня, — это могила, где погребена тысяча корейских солдат. Они погибли во время нашествия японцев в XVI веке. Друзья подобрали тела бойцов и унесли в тихие, безлюдные места, куда не ступала нога ненавистного японца.

Ли Ги-ен облюбовал и занял одинокий домик. Крестьяне вначале относились к нему недоверчиво, — им казалось, что он с недобрым намерением приехал из Сеула. Открыто высказывались предположения, что он подослан японцами. Труд явился первым поводом к сближению. Ли Ги-ена с утра до ночи видели работающим на поле. Присмотревшись, отметили, что работает он умело. Хороший работник всегда вызывает симпатию.

Как-то один из крестьян поздоровался и заговорил с Ли Ги-еном. В результате последовало приглашение на деревенскую свадьбу. В Ли Ги-ене увидели своего человека и в нем не ошиблись.

Два года Ли Ги-ен прожил в деревне. Полюбившие его крестьяне приходили к нему с самыми различными вопросами, но больше всего их беспокоил завтрашний день. Ли Ги-ен считал своим долгом рассеивать мрачные настроения и укреплять веру в будущее. Делать это было нелегко, но работа писателя приносила свои плоды. Люди тянулись к нему, число его друзей росло с каждым днем.

Крестьянам было дано задание сдавать определенное количество виноградной лозы, которая использовалась японцами для каких-то технических надобностей. Кореянки носили лозу на головах в уездный город. 16 августа 1945 года рано утром они вышли из деревни, а к обеду вернулись, принеся обратно свои ноши. Японцам было уже не до виноградной лозы, — они капитулировали перед Красной Армией.

Узнав об этом, Ли Ги-ен немедленно отправился в город. Здесь он увидел и услышал то, о чем мечтал 35 лет: корейский национальный флаг и корейскую национальную песню. Он выступил с речью на митинге, и эта речь была началом его политической деятельности в освобожденной Корее. Ныне Ли Ги-ен является членом Временного народного комитета и председателем Общества культурной связи с СССР. Занимая крупный политический пост, писатель не оставляет творческого труда. Он пишет начатый несколько лет тому назад роман «Родовые муки» и в ближайшее время собирается приступить к работе над новым романом — «Туманган».

Туманган — река на стыке трех границ: Кореи, Маньчжурии и Советского Союза. Туманган — река горя и слез корейского народа. В течение последних десятилетий многие честные корейцы вынуждены были жить в изгнании. Они уходили в Маньчжурию и, уходя, плакали на берегах Тумангана. Они смотрели на гору Пяктусан, возвышающуюся на последней черте родной земли, и вспоминали жизнь, полную обид и унижений. А впереди лежали темные сопки Маньчжурии, там на-

чинались новые опасности и тревоги. И только взгляд в сторону Советского Союза приносил надежду и успокоение.

«Туманган» — роман о политических эмигрантах и корейских партизанах, об их борьбе и возвращении на родину.

Хан Сель-я

Биография второго крупнейшего писателя Кореи Хан Сель-я во многом схожа с биографией Ли Ги-ена. Оба они — несгибаемые борцы за освобождение своего народа. Оба в 1934 году были брошены японцами в тюрьму, как организаторы Союза корейских писателей. Союз принял программу, в которой признавалось необходимым изучение национальной истории, изучение классической русской и современной советской литературы, изучение трудов Маркса, Ленина и Сталина. По этому делу японская полиция арестовала 80 писателей, из которых 23 были присуждены к различным срокам тюремного заключения.

Нам посчастливилось иметь Хан Сель-я своим спутником в путешествии по провинции Канко.

И тут мы могли убедиться и своими глазами увидеть, как велика популярность Хан Се́ль-я в народе. Как только становилось известным, что приехал Хан Сель-я, крестьяне (если это было в деревне) или рабочие (если это было на заводе) приходили приветствовать своего писателя. Они именно приходили приветствовать — поклониться (если это были крестьяне) или пожать ему руку (если это были рабочие). С чисто восточной вежливостью они не считали возможным отнимать время у Хан Сель-я разговорами и расспросами, пока писатель сам не пожелает поговорить с ними.

Хан Сель-я — превосходный знаток восточной культуры — в то же время совершенно свободно чувствует себя, говоря о западной литературе. По его словам, на корейских писателей наибольшее влияние оказала французская и в особенности русская проза. При этом Хан Сель-я добавил, что во французской литературе правда

Хан Сель-я (слева) и Тен Юр.

имеет свои пределы, русская же литература правдива беспредельно.

Так же как у Ли Ги-ена, у Хан Сель-я огромное количество времени отнимает политическая работа. Руководя отделом интеллигенции ЦК трудовой партии, он одновременно возглавляет Ассоциацию работников литературы и искусств Северной Кореи, председателем которой он избран с начала ее существования.

Из романов Хан Сель-я наибольшей известностью пользуются две части неоконченной трилогии—«Пагода» и «Горячие ветры». Тема трилогии — формирование характера юноши Пак Сан-до, ставшего профессиональным революционером. Первая часть потому и получила свое название, что так же как в китайском здании несколько крыш, как бы наслоенных друг на друга, образуют единую крышу — пагоду, так и у юноши черты характера, наслаиваясь одна на другую, образуют в результате единый человеческий характер. Во второй части—«Горячие ветры» — речь идет о великих идеях, прорывающихся в Корею из Советского Союза и помогающих борцам за свободу не впадать в уныние даже после жесточайшего разгрома первомартовского движения. Эти горя-

чие ветры, врываясь в сознание человека, вселяют несокрушимую веру в будущее, напоминая о могущественных силах дружбы трудящихся.

Третья часть трилогии, над которой работает автор, называется «Подсолнечник» и повествует о крушении японского владычества на Востоке. Теперь корейский народ обратился лицом к солнцу — к свободе, демократии и счастью.

Помимо работы над окончанием трилогии, Хан Сель-я написал книгу о народном герое, вожде корейских партизан, ныне главе Народного комитета — Ким Ир-сене.

Два поэта

Из корейских поэтов наиболее популярны сейчас Ли Чан, написавший сборник стихов о поездке в Советский Союз, и Пак Си-ен, первая книга которого «Лесные ласточки» вышла еще в 1937 г. Любопытно, что критика в свое время отметила в этой книге сильное влияние Крылова. Совсем недавно вышел сборник Пак Си-ена «Август». Следует напомнить читателю, что август — особый месяц для корейцев. Он был страшен и зловещ в 1910 г., когда японцы оккупировали страну, и он стал всенародным праздником через 35 лет, когда 15 августа 1945 г. Советская Армия принесла освобождение Корее.

Человек с Юга

В Пхеньяне (Хейдзио) мы дважды встречались с известным писателем Ли Тхя-дюном. Он недавно приехал из Южной Кореи, где, по его словам, реакция с благословения американского командования отнюдь не способствует свободе писательского труда. Проще говоря, он перешел 38-ю параллель для того, чтобы иметь возможность закончить и напечатать роман «Бессмертная птица», где речь идет о корейских студентах, насильно мобилизованных во время войны в японскую армию. Патриотическая тема романа, очевидно, не устраивает издателей на юге Кореи.

Встречи

На первой же большой встрече с писателями и работниками искусств нас засыпали вопросами. Интерес к советской культуре огромен. Одни просят перечислить основные признаки, отличающие современную советскую литературу от литературы классической. Другие — рассказать о структуре Союза советских писателей. Третьи спрашивают, на какие средства живут русские литераторы. Четвертые — о задачах критики в Советском Союзе и т. д. и т. д.

Корейцы были буквально потрясены, узнав, что 943 советских писателя работали на фронтах Великой Отечественной войны в качестве военных корреспондентов. Тут же с нас — ленинградцев — взяли слово написать статью о работе наших писателей в годы блокады Ленинграда. Эта статья была напечатана в одной из крупнейших газет Пхеньяна.

Доктор тибетской медицины

Сейчас и сами корейские писатели принимают непосредственное участие в политической жизни страны. Они идут в газету, на радио, встречаются с читателем. Все это было невозможно при японцах. Тогда одним из способов борьбы было молчание писателей. Теперь все хотят высказаться. Надо отметить, что в Корее сейчас вообще много и охотно говорят. Люди получили возможность говорить то, что они думают. Пишется огромное количество стихов. Редактор пхеньянской газеты рассказывал о 73-летнем докторе тибетской медицины Ли Дя-ене. Старик пришел в редакцию с рукописью стихотворения. Это было вскоре после освобождения Кореи. Ли Дя-ен сказал редактору: «Я старый человек, я беден, но моя душа торжествует в дряхлом теле, и я хочу принести народу свою первую и последнюю песню, которая состоит из слов любви и ликования». Стихотворение называлось «Гора Освобождения» (новое название одного из холмов Пхеньяна). Оно было напечатано в газете, и вот его дословный перевод, сделанный одним из наших корейских друзей поэтом Те Ги-ченом.

«Гора Освобождения, ты лежала как тигр, окруженная синими волнами реки Дракона. 35 лет корейский народ был узником. Его положение можно было сравнить с положением человека, брошенного в логово тигра или в змеиную нору. Он встал, светлый день, над землей, когда корейцы услышали трубный голос, провозгласивший свободу. Это был голос богатырской Красной Армии, поднявшейся на гору Освобождения и уничтожившей логово тигра и змеиную нору. О гора, лежавшая как тигр, ты воистину стала горой Освобождения!»

★

Корейская литература живет новой, напряженной творческой жизнью. Она переживает период бурных исканий. Она стремится, возродив национальные традиции, подавлявшиеся японцами, соединить их с влиянием лучших произведений классической и современной мировой литературы и, в первую очередь, литературы Советского Союза. Сюда, к Стране Советов, обращены взгляды писателей и поэтов Кореи. Отсюда ожидают они помощи и поддержки. Корейцы неплохо знакомы с классической русской литературой. Они знают Пушкина, Гоголя, Крылова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова. Они знают и советскую литературу — Горького, А. Толстого, Шолохова, Фадеева, Эренбурга, Панферова, но знание советской литературы обрывается где-то на рубеже конца 20-х и начала 30-х годов.

Взаимные переводы советских авторов на корейский язык и корейских на русский несомненно помогут духовному общению двух дружественных народов.

ВЕЛИКАЯ БАЛЕРИНА КОРЕИ

На приеме в честь возвращения на родину знаменитой корейской балерины Цой Сен-хи поэт Пак Си-ен сказал:

— Сейчас в Корее обсуждается закон о равноправии женщин и мужчин. Я горжусь тем, что буду обладать одинаковыми правами с такой женщиной, как наша Цой Сен-хи. . .

Нас познакомили с балериной. Мы бывали в гостях у нее и ее мужа, известного в Корее литературного критика Ан Мака. Нам довелось присутствовать на репетициях актрисы, готовившейся после многолетнего перерыва к своему первому выступлению в Пхеньяне. Мы были и на самом концерте. Это был шефский концерт для воинов Советской Армии, на котором присутствовали также представители корейской общественности и члены Временного народного комитета во главе с Ким Ир-сеном.

Цой Сен-хи называют великой балериной Кореи. Это безусловно правильное определение. Однако, возродив давно пришедшее в упадок искусство танца в Корее, она силой своего огромного дарования положила начало новой эпохе всего восточного балета.

Цой Сен-хи родилась в Сеуле. Отец ее был поэтом, брат — одаренным романистом. В условиях жестокого гнета японцев они свято берегли традиции национального искусства. Четырнадцати лет Цой Сен-хи поступила в балетную школу, где в течение ряда лет изучала европейский, в особенности русский балет. В совершенстве овладев техникой современного танца, Цой Сен-хи, верная патриотическому духу своего народа, приступила

к работе, которая определила ее судьбу как судьбу национальной актрисы.

Свыше трех лет она собирала еще сохранившиеся кое-где элементы старинных танцев своей страны. Эти элементы послужили основой для тех совершенных произведений, которые восхищенные зрители увидели на ее первом концерте 20 сентября 1933 года. Но немногие, быть может, знали о том, какую нужду испытывала актриса во время своей трехлетней напряженной работы. Самая дорогая для нее вещь — обручальное кольцо — было продано. На следующий день после ее концерта вся левая печать поместила восторженные статьи о первом выступлении молодой актрисы, справедливо увидев в ее искусстве неумирающий дух Кореи. Японцы, которые, очевидно, придерживались того же мнения, начали беспрерывное преследование Цой Сен-хи. К тому же они не могли ей простить неизмеримого превосходства над японскими танцовщицами, слепо подражавшими европейским балеринам.

В 1937—1939 гг. Цой Сен-хи предприняла турнэ по Европе и Америке. Она имела шумный успех во многих столицах мира. Газеты и журналы помещали сенсационные статьи. Грандиозный успех ее концертов далеко вышел за рамки чисто художественного успеха. Выступления Цой Сен-хи имели несомненно политическое значение. Одному из иностранных журналистов принадлежала крылатая фраза: «Японцам удалось поработить Корею, но не удалось поработить Цой Сен-хи».

В конце 1939 года Цой Сен-хи возвратилась в Сеул. Японцы запретили ей выступать с национальными танцами и в национальных корейских костюмах. Под предлогом изучения китайских танцев она уезжает в Пекин.

Весной 1946 года она вместе с большой группой корейцев прибыла в Сеул. Американская военная администрация, узнав о ее приезде, предложила ей выступить с концертом перед американскими офицерами и солдатами. Цой Сен-хи сказала, что это не входит в ее планы.

— Мне хотелось, — рассказывала она нам, — чтобы в освобожденной Корее первыми увидели мое искусство те люди, которые принесли действительную свободу корейскому народу.

Оркестр корейской национальной музыки.

Она просила разрешить ей переезд через 38-ю параллель. Американцы отказали актрисе в просьбе. Никакие доводы не действовали на них.

Цой Сен-хи поступила, как поступают многие корейские интеллигенты: она бежала из Сеула. Загримированная и переодетая крестьянкой, она вместе со своей ученицей Пек Пон пошла к рыбакам, и те на своей шхуне увезли ее по Желтому морю к берегам Северной Кореи.

На первом концерте балерина исполнила двенадцать танцев. За исключением одного буддийского и одного китайского, все остальные были национальными корейскими танцами. В выборе и в исполнении танцев Цой Сен-хи обнаружила диапазон, свойственный только очень большому художнику. И трагические переживания девушки («Чун Ян в темнице»), и беспечное веселье корейского юноши («Жених в соломенной шляпе») переданы балериной с одинаковой выразительностью, силой и свободой. В Цой Сен-хи нельзя видеть только исполнительницу — у нее нет ни режиссера, ни композитора, ни художника. И постановка, и музыка, и эскизы ее безупречных по вкусу костюмов принадлежат ей самой. В отличие от современного западного балета, давно ставшего пустой забавой для буржуазного зрителя, кровно связанное с народом искусство Цой Сен-хи полно подлинной и глубокой мысли. Это искусство поднимается до величия гимна в великолепном танце «Родина», посвященном героическим партизанам Ким Ир-сена.

Концерт Цой Сен-хи был справедливо оценен зрителями как национальный праздник корейского искусства. Безусловный успех имела также ученица Цой Сен-хи — молодая одаренная балерина Ким Пек-пон.

В первые же дни после приезда в Пхеньян Цой Сен-хи опубликовала в печати заявление, в котором заверяет свой народ в том, что отдаст все силы и весь талант делу строительства демократической Кореи.

Актриса верна слову. Она выступает с многочисленными концертами в городах Северной Кореи. В городе Пхеньяне, впервые в истории Кореи, создана государственная балетная студия под руководством Цой Сен-хи.

ДИРЕКТОРА, ИНЖЕНЕРЫ, РАБОЧИЕ

Директор департамента промышленности

Однажды, входя в кабинет заместителя начальника Советской гражданской администрации в Корее полковника Игнатьева, мы столкнулись с человеком, наружность которого сразу же привлекла наше внимание. Это был моложавый, но уже совсем седой кореец, с красивым лицом, одетый в очень хороший европейский костюм. Как только кореец вышел, полковник Игнатьев сказал нам:

— Жаль, что вы не пришли на 15 минут раньше. Вы услышали бы кое-что интересное. Это директор департамента промышленности — Ли Мун-хван. У нас с ним зашел теоретический спор по одному вопросу. Я сослался на книгу Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и посоветовал ему прочесть ее. Он улыбнулся, поблагодарил меня и стал цитировать на память сочинения Ленина, которые читал несколько лет тому назад. И что самое удивительное — читал он их тогда по-английски, а цитировал мне по-русски. Этот человек не может пожаловаться на свою память.

Мы опять вспомнили статью Эдгара Сноу. Там имеются такие строки: «Корейцы, разговаривающие на английском языке, одетые в хорошие костюмы заграничного покроя, или понимающие язык бизнеса, или, по всей вероятности, являющиеся состоятельными людьми, невольно вызывают к себе уважение со стороны американцев как люди, которые достойны доверия по службе.

Эти же личности вызывают подозрение у русских, которые не доверяют им и видят в них, по меньшей мере, фашиста в потенции».

Казалось бы, что господину Ли Мун-хвану было обеспечено полное уважение американцев на Юге. Тем не менее из Сеула он перебрался в Пхеньян, не боясь, что здесь увидят в нем «фашиста в потенции». В Сеуле этот крупнейший инженер и патриот не нашел себе дела, а одно уважение за джентльменскую внешность его не устраивало.

Мы еще раз виделись с господином Ли Мун-хваном. Как-то вечером писатель Хан Сель-я повёз нас в гости к одному из своих многочисленных друзей. Хан Сель-я знал, что мы хотим познакомиться с Ли Мун-хваном. Едва мы вошли в дом и познакомились с хозяином, приехал Ли Мун-хван. Он был другом хозяина и другом Хан Сель-я. Он оказался превосходным собеседником, и мы великолепно провели вечер. Ли Мун-хван предпочитал говорить о промышленности, а это было именно то, что нам хотелось от него услышать. В конце концов Хан Сель-я испугался, что нас утомит это. Он сказал:

— Мой друг Ли Мун-хван — невеселый человек. Я редко у него бываю. Невозможно все время говорить об инженерах и техниках.

Ли Мун-хван ответил:

«Инженеры, действительно, интересуют меня сейчас больше всего на свете. Мне еще очень нравятся машины. Если бы они умели ходить, я стал бы приглашать их в гости. В Корее не было никогда своей промышленности. Японские заводы и фабрики были ярмом для корейцев. Угнетая народ, они ровно ничего ему не давали.

Промышленность страны должна обладать хотя бы минимальной независимостью от промышленности других стран и способностью к самостоятельному развитию. Заводы, построенные японцами в Корее, находились в полной зависимости от японской промышленности. В Корее не было ни одного ремонтного завода. Ни один завод не выпускал запасных частей. Всякая мелочь, вплоть до батарей к телефонам, привозилась из Японии.

И самое, конечно, главное — промышленность пред-

полагает наличие технических кадров в стране. Корея не имела их. На заводах в Корее работало 20.800 специалистов, но это были японские специалисты. Среди корейцев не было даже ни одного паровозного машиниста. Японцы не доверяли корейцам вождение поездов.

Корея вечно будет помнить, кому она обязана своим освобождением. Она вечно будет помнить не только мужество русских солдат, но и бескорыстие советского народа. Первым важнейшим шагом в деле создания национальной промышленности в Корее было распоряжение Генералиссимуса Сталина о передаче всех японских заводов и фабрик в руки корейцев. Этот акт мы все восприняли как свидетельство небывалого в истории великодушия и благородства. Стоимость японских заводов определяется суммой в 4 миллиарда 700 миллионов иен. Предприятия Кореи принадлежали японцам, в борьбе с которыми русские пролили свою кровь. Таким образом, любая страна на месте Советского Союза считала бы эти заводы своими военными трофеями. Распоряжение Сталина доказывает то, что мы и раньше предполагали: в мире есть только одна страна, являющаяся истинным другом угнетенных народов. Сталин знал, что японские заводы в Корее созданы трудом самих корейцев, и он отдал эти заводы их подлинным строителям.

Вторым шагом является закон Временного народного комитета о национализации предприятий, принадлежавших японцам. Перейдя в руки государства, они действительно становятся важнейшей отраслью народного хозяйства. Отныне они должны служить делу благосостояния, независимости и культуры народа.

Одной из самых трудных задач, которые решает корейский народ, является подготовка квалифицированных кадров. Только для предприятий Северной Кореи требуется 16 тысяч специалистов. У нас имеется 547 человек. 80% из них работало не по своей специальности. Кроме того, 960 японских инженеров и техников остались на работе в Корее. Если сложить две цифры, 547 и 960, и вычесть получившуюся сумму из 16 тысяч, то окажется, что в Северной Корее нехватает сегодня четырнадцати с половиной тысяч специалистов. Вот вам цифры».

Господин Ли Мун-хван подробно знакомит нас со своим планом подготовки кадров:

«Созданные теперь вузы в Северной Корее будут ежегодно давать промышленности одну тысячу специалистов, правда, начиная лишь с 1950 года. Двенадцать техникумов уже в 1947 году выпустят тысячу специалистов средней технической квалификации. Полторы тысячи техников будут ежегодно готовить краткосрочные курсы.

Через 3—4 года мы будем иметь около 10 тысяч своих инженеров и техников. Все это, разумеется, кадры скороспелые. В японских технических вузах обучение продолжалось 6 лет. Однако на прямую специальность в них отводилось всего 2 040 часов. Все остальное время уходило на военную и так называемую «нравственную» подготовку. Учащиеся наших техникумов прямой специальностью будут заниматься 1800 часов, на вечерних курсах — несколько меньше, но зато туда мы набираем опытных квалифицированных рабочих».

Мы разговаривали с Ли Мун-хваном не меньше двух часов. В результате мы не согласились с Хан Сель-я, что начальник департамента промышленности «невеселый человек». Мы сказали Хан Сель-я об этом. Оба они — «невеселый» Ли Мун-хван и «веселый» Хан Сель-я — весьма веселились по этому поводу.

— Сегодня у меня свободный вечер, — сказал Ли Мун-хван, — это бывает очень редко. Надо выжать из него все, что можно.

Мы вышли, и он заставил нас поехать к нему.

Дома он познакомил нас со своим сыном, девятилетним мальчиком, недавно приехавшим из Сеула.

— Скажи гостям, какой город тебе больше нравится, Сеул или Пхеньян? — сказал отец, хлопая мальчика по плечу.

— Сеул, — ответил тот, нимало не смутившись.

— Почему?

— Мух меньше, — сказал, ухмыляясь, мальчишка.

— А кто тебе больше нравится — русские или американцы?

— Русские, — сказал мальчуган. Теперь он улыбался во весь рот. — Американцы очень уж задаются.

— Определение наивное, но правильное по существу, — заметил Ли Мун-хван. Он налил в стаканы вино и снова заговорил о промышленности.

В гостях у рабочего

Нас позвал к себе в гости старый корейский рабочий — 62-летний Чен Ен-ги. Мы познакомились с ним на крахмало-паточном заводе в Пхеньяне.

Вместе с нами в гости к старику поехал директор завода Ким Ен-дин. В 1930 году он окончил политехникум в Порт-Артуре. На его курсе училось 100 человек: 90 японцев, 9 китайцев и 1 кореец. Ким Ен-дин учился блестяще. Будь это иначе, его немедленно выгнали бы из техникума. Великим упорством корейцы пробивались к культуре. Ким Ен-дин, окончив техникум, получил хороший диплом и был принят американцами на крахмало-паточный завод в Пхеньяне цеховым инженером. Когда завод перешел в руки японцев, он, как это ни странно, получил повышение. Его назначили на пост главного инженера — это был исключительный случай, но у японцев не было своих хороших специалистов по крахмалу.

Однако, какой бы высокий пост ни занимал кореец, все равно его положение оставалось жалким. Ким Ен-дин, будучи главным инженером, получал зарплату втрое меньшую, чем его заместитель — японец. По рассказам Ким Ен-дина, он никогда не мог по-человечески пообедать. Он приносил из дому плоскую жестяную банку с холодным рисом, и это был весь его обед. Японцы настойчиво внушали корейцам, что завод — не ресторан и сюда приходят не обедать, а работать. Кстати, работу корейских инженеров и рабочих часто оценивали по внешнему виду их: если у человека изможденное лицо — вероятно, добросовестно работает; если же, избави бог, кореец выглядит неплохо, — значит, он заведомо негодный работник.

Чен Ен-ги живет в деревне Чильпули, в двух километрах от завода.

Едва мы остановились около его фанзы, нашу машину окружила толпа ребят. Сюда прибежало и взрослое население деревни. Чен Ен-ги и его жена Чен Ен-су вышли нас встречать. Оба они принарядились. Старик был одет в черную пару, старуха — в белый национальный костюм. Старик здоровается с нами по-европейски, каждому пожимая руку. Старуха, от волнения видимо, забыла, чему учил ее старик, и подает нам то правую, то левую руку.

Фанза Чен Ен-ги состоит из двух комнат, в которых мы едва умещаемся. Хозяин извиняется за плохое угощение. Нам принесли сушеную рыбу, яйца и яблоки.

— В будущем году, если придете в гости, я угощу вас получше, — говорит хозяин.

Это весьма знаменательная фраза. Мы уже не первый раз слышали ее в Корее. Все верят в хорошее будущее, верят впервые за долгие годы. Притом верят, что хорошее будущее скоро придет.

Чен Ен-ги — уроженец Сеула. 10 лет, с 1900 по 1910 год, он служил в армии. Японцы, захватив Корею, объявили корейскую армию плененной. Несколько месяцев Чен Ен-ги находился в японском концлагере. Потом, когда его выпустили, приехал в Пхеньян и поступил кочегаром на электростанцию.

— Но, — говорит Чен Ен-ги, — где бы мы, корейцы, ни находились, что бы мы ни делали, все мы до августа 1945 года были у себя дома пленниками японцев.

Самый квалифицированный корейский рабочий получал не более одной иены в сутки. Но корейцу трудно было приобрести хорошую квалификацию. Корейцам категорически запрещалось присутствовать в чертежных или проектных мастерских. Все мало-мальски интересное на производстве держалось в секрете от корейцев. Японцы откровенно говорили:

— Если вы всему научитесь, то перестанете уважать и бояться нас. Зачем это нужно?

Чен Ен-ги говорит:

— Из дому я уходил в 7 часов утра. Возвращался домой в 10 часов вечера. Поесть за весь день некогда было. Перерыва на обед не полагалось. Начнешь есть во время работы — недолго до беды. Глядишь, что-нибудь

сломалось. Значит, тебя побьют, а то и оштрафуют. Так было из года в год, так во тьме тянулась вся жизнь. И только на старости лет довелось увидеть свет. Сейчас я ухожу в 9 часов утра на работу и в 6 часов вечера прихожу домой.

— Больше всех, вероятно, довольна ваша жена, — засмеялся наш переводчик.

Старик в ответ процитировал стихи старинного корейского поэта:

> Узнав, что приближается старость,
> Я взял в руки палку,
> Но старости было уже известно,
> Что я собираюсь обороняться,
> И она внезапно овладела мною.

Улыбаясь и посматривая на жену, Чен Ен-ги сказал:

— Будь я молодым, она, конечно, радовалась бы моему позднему уходу и раннему приходу. Но я старик. Зачем я ей нужен?

Старуха внезапно смутилась, как девушка, и это очень развеселило Чен Ен-ги.

— Мы живем дружно, — сказал он. — И старуха моя очень довольна тем, что я вечерами бываю дома. Я что-нибудь читаю ей или рассказываю. Это большое удовольствие для нас обоих. Мы теперь чувствуем себя живыми, хоть и старыми людьми. А это куда приятнее, чем быть молодым и думать, что ты мертв. До начала войны России с Японией я считал себя мертвым человеком. Когда мне сказали, что Россия выступила против Японии, — я словно воскрес. Да и не я один, а вся Корея. В тот день я увидел двух рабочих, о чем-то шептавшихся в углу цеха. Я догадался, что произошло что-то очень важное, хорошее для нас и плохое для японцев. Иначе бы корейцы не осмелились шептаться на работе.

— В годы войны между Японией и Америкой, — продолжает Чен Ен-ги, — жить стало совершенно невыносимо. Одолевали обыски. Обыскивали всюду — и дома, и на работе, и по дороге на завод и с завода. С первого же дня войны специальным приказом было

запрещено корейцам есть рис. Весь корейский рис увозили в Японию. Мы знали, что в море на японские корабли, груженные корейским рисом, нападали американские подводные лодки и топили их. Редкий корабль доходил по назначению. Это служило нам некоторым утешением. В пищу корейцам давали кукурузный жмых, который, однако, не разрешалось так называть.

— Жмых — это еда для скота, — разъясняли японцы. — Когда же его употребляют себе в пищу люди, он называется «бобовой едой».

У корейцев отобрали не только рис, но и национальную посуду, из которой его едят, — большие чашки, сделанные из красной меди. Только в одной деревне Чильпули было собрано несколько возов таких чаш. За укрытие посуды грозились тюрьмой, и все же многие прятали ее, зарывая в землю. У нашего хозяина тоже сохранилась одна такая чаша. Недавно он вырыл ее из земли и теперь показывает как музейную редкость.

На старика Чен Ен-ги очень приятно смотреть. Приятно слушать, как он почтительно и в то же время с достоинством разговаривает с директором завода. Еще приятнее видеть, с каким уважением относится директор к старому рабочему. Нам, советским людям, как говорится, не привыкать к этому. А ведь для корейцев все это — великие новости.

У стариков — приемная дочь 13 лет. Они взяли ее к себе, когда их единственная родная дочь вышла замуж — 12 лет тому назад. Девочка сидит у порога открытой двери и слушает во все уши, о чем идет разговор. Нетрудно заметить, что она очень гордится стариком. В самом деле, не к каждому человеку в деревне Чильпули приезжает в гости директор завода. Девочка сидит чрезвычайно чинно, как и полагается дочери столь почтенного человека.

Когда мы уезжали от старика, нас вышла провожать чуть не вся деревня. Все махали нам вслед, дети долго бежали за нашей машиной. Но дальше всех бежала и громче всех кричала приемная дочь старого Чен Ен-ги.

В Канане

Хан Сель-я и Тен Юр привезли нас в Канан. Здесь расположен один из пяти заводов, входящих в состав огромного химического комбината.

Сначала мы хотели поговорить с начальником производственного отдела инженером Дю Дён-ни. Но его не было в кабинете. В поисках его мы переезжали от цеха к цеху на своем видавшем виды «виллисе». Расстояние между отдельными цехами измерялось километрами. Одно это может дать некоторое представление о величине завода.

В одном цехе лежала гора белого, как мука, вещества. Нам сказали, что это — химическое удобрение для полей. В другом цехе, при ярко вспыхнувшем электрическом свете, мы увидели розовые глыбы туалетного мыла. Когда мы спросили, сколько его производится здесь, начальник цеха ответил, что если у него будет достаточно сырья, то его мылом сможет умываться вся Восточная Азия. Здание одного из цехов стоит на прибрежной сопке. Мы поднялись на нее, и перед нами открылся вид на весь завод и весь город. Громадные заводские корпуса, покрытые грязно-серой копотью, выстроились у самой воды, полукольцом огибая бухту Японского моря. Позади завода раскинулся город — масса серых домиков. Город почти весь вместился на пространстве между заводом и сопками, лишь на немногие сотни метров отступившими от моря.

Надвигались сумерки. Нам сказали, что инженер Дю Дён-ни прошел к себе. Подъехав к зданию заводского управления, мы поднялись во второй этаж. Быстро стемнело, но свет почему-то не зажигали. Мы сидели в темной комнате, освещаемые только красными огоньками папирос.

— Кто не видит великих перемен в жизни народа Северной Кореи, пусть приедет к нам на Кананский завод, — сказал Дю Дён-ни. — Кто не верит в наши силы и способность самостоятельно жить, пусть хоть вкратце ознакомится с тем, что сделали мы на заводе с помощью советских инженеров всего за один год, кото-

рый был для нас пробой сил. Если он приедет и ничего не увидит, тогда он или слеп, или закрывает глаза, чтоб не видеть правды.

Эти слова были как бы предисловием к нашей беседе. Мы уже немного узнали корейцев. Эта талантливая, живая и чуткая нация болезненно переживает историю своего долголетнего рабства. Теперь она хочет доказать свою жизнеспособность и, на наш взгляд, делает это с несомненным успехом.

Около тридцати лет тому назад японцы приступили к строительству крупной промышленности в Корее. За короткое время ими было построено много заводов. Из них самый крупный — Кананский химический комбинат. В последние годы, во время войны, на нем работало восемьдесят тысяч человек. Одних только инженеров и техников было более тысячи. Инженеров-корейцев было всего три человека. Такое положение было на всех японских заводах в Корее.

Японцы — народ в высшей степени самонадеянный. Они не заметили в свое время, что на них надвигается неминуемая катастрофа. Даже когда она произошла на глазах у всего мира, японцы не хотели поверить в это. Они считали, что Восток станет мертвым, лишившись верховного руководства Японии.

Прошло десять дней после капитуляции японской армии. Кананский комбинат продолжал работать. Японцы аккуратно выходили на службу. Они, конечно, были уже совсем не те, что раньше, но все же держали себя так, будто ничего не случилось и все остается по-старому. Они говорили корейцам:

— Все равно без нас вы не обойдетесь. Завод был и будет нашим.

Корейцам в самом деле трудно было брать в свои руки такую сложную и громоздкую махину, как Кананский химический комбинат. Они были совершенно не подготовлены к управлению им. И японцы понимали это. Они только не понимали того, что их игра безнадежно проиграна. На завод были приглашены советские инженеры, оказавшие огромную помощь корейцам. Дело постепенно налаживалось. Были приняты на работу корейские инженеры и техники, ранее не работавшие в про-

мышленности. Сейчас на Кананском химическом комбинате насчитывается 22 тысячи рабочих, 160 инженеров и техников. Продолжают работать 80 японских инженеров.

Люди сейчас работают так, как они раньше никогда не работали. В ночь после митинга по случаю национализации промышленности производительность труда на Кананском комбинате увеличилась в два раза, а через некоторое время, к октябрю 1946 г., она поднялась в полтора раза против той памятной ночи.

Инженер Дю Дён-ни повел нас в клуб. Нам показали большую техническую библиотеку. Она собрана из книг, оставшихся в квартирах японцев, которые уехали к себе в Японию.

Даже в то время, когда еще продолжались военные действия, когда не было твердой и уверенной в себе власти, сами корейские рабочие позаботились о сбережении оставленных японцами книг. Тысячи аналогичных фактов, прошедших перед нашими глазами, характеризуют корейцев как народ, который, несмотря на жестокий режим длительной оккупации, сохранил в себе силы, позволяющие ему возродить свою страну и сделать ее самостоятельным и независимым государством.

В клубе работают вечерние курсы по повышению квалификации техников. Преподают на них корейские и японские инженеры. Мы разговаривали с молодым корейцем Чен Ду-фан. При японцах он был рядовым рабочим. Сейчас он начальник отдела моторизации. По вечерам Чен Ду-фан преподает на упомянутых курсах. Недавно он награжден грамотой Временного народного комитета Северной Кореи за крупное техническое изобретение. Он рассказал нам о том, с каким рвением учатся на курсах молодые и старые корейцы, как они совершенствуются в своей специальности, как расширяются их интересы.

В одной из аудиторий клуба рабочие слушали лекцию о национальной корейской архитектуре. Лекцию читал молодой корейский архитектор Юн Чан-соп. В перерыве мы побеседовали с ним.

Десять лет назад он окончил архитектурное отделение техникума. Два года работал архитектором

в Маньчжурии. В Гирине по его проекту построено большое здание больницы. Потом он был уволен с должности архитектора и занимался чем придется, лишь бы заработать себе на пропитание. Сейчас работает в плановом отделе комбината. Мечтает об архитектуре, которой, по его словам, предстоит большое будущее в демократической Корее.

— Судьба здания, — сказал Юн Чан-соп, — как судьба человека: оно рождается, живет, стареет и умирает. Искусство архитектора состоит не только в том, чтобы здание построить красиво, но и в том, чтобы как можно дольше сохранять его красоту и молодость. Во времена господства японцев корейские архитекторы больше думали о чашке риса, нежели об архитектуре, к которой, кстати заметить, их почти и не допускали. Японские архитекторы намеренно портили корейские города и жилища. Вы уже видели наш убогий городок, спрятавшийся за спиной у завода. В нем можно задохнуться. Задача наша — воскресить красоту древней национальной архитектуры и сочетать ее с удобствами нового времени...

На следующий день мы вновь были на заводе. В котельном отделении мы познакомились с молодым корейцем Цой Ден-ханом. Нам хочется рассказать о нем более подробно.

Поступив на завод, Цой Ден-хан два года работал чернорабочим. Потом он был принят на курсы по повышению квалификации. Из 200 корейцев, изъявивших желание поступить на эти курсы, было принято только 6 человек. Отбор производила экзаменационная комиссия. Цой Ден-хан выдержал экзамен. Несколько дней он считал себя «счастливчиком». «Что ж, — думал он, — способности у меня хорошие, я грамотен, настойчив, может быть, и выбьюсь в люди». Жизнь быстро стряхнула с 17-летнего юноши эту наивность.

Курсы были вечерние. Днем Цой Ден-хан работал. Он зарабатывал 10 иен в месяц. За учебу отдавал половину заработка. На жизнь оставалось 17 сен[1] в день. Учиться было трудно после дневной работы и почти на

---

[1] Сена равна приблизительно копейке.

пустой желудок. Рядом с шестью корейцами обучалось 29 японцев. Они были приняты на курсы без экзаменов. Для них был установлен сокращенный рабочий день. За учебу они не платили.

Прошло два года. Цой Ден-хан опять держал экзамен, на этот раз выпускной. Ему был выдан диплом об окончании курсов по подготовке квалифицированных рабочих. На работе он получил прибавку жалованья. Вместо 45 сен в день ему стали платить 71 сену. Японцы, учившиеся рядом с ним, получали в три с половиной раза больше.

Прибавка жалованья не улучшила материального положения Цой Ден-хана. В расчете на лучший заработок он женился, но чувствовал себя виноватым перед женой и перед будущим ребенком. Он стал жаловаться товарищам на свою судьбу, — раньше этого с ним не бывало. Он чаще стал встречаться с товарищами. Через некоторое время он вступил в подпольную организацию.

— Мне, — вспоминает Цой Ден-хан, — нравилось бывать на тайных заседаниях потому, что там открыто говорили против японцев. Впрочем, я понимал тогда еще очень мало. Я молчал и слушал, что говорят старшие, делал, что мне прикажут. К чему я стремился? Ни к чему. За одиннадцать лет работы на заводе я не прочел ни одной книжки. Газет тоже не читал. Книжки и газеты были японские — я им не верил. Я вообще ничему не верил. Я думал только об одном — как бы прокормить семью.

Судьба Цой Ден-хана, которому недавно исполнилось 28 лет, — это судьба целого поколения корейцев, которые родились и выросли во времена господства японцев в Корее. Это — поколение, лишенное надежд и поглощенное одной заботой — не умереть с голоду.

За время, прошедшее со дня освобождения Северной Кореи, Цой Ден-хан преобразился. Теперь он видный специалист на заводе — заместитель начальника котельного отделения. Совсем недавно его приняли в члены трудовой партии.

Еще накануне в мыловаренном цехе мы обратили

внимание на молодую кореянку, руководившую группой работниц. Вечером мы рассказали о ней Дю Дён-ни.

— Действительно, эта девушка заслуживает внимания, — сказал нам инженер. — Она не только хорошая производственница. Она возглавляет в своем цехе женщин и девушек — членов Женского демократического союза. А между тем еще год назад она не умела даже читать.

Теперь нас познакомили с этой девушкой, которую зовут Ким Ди-ё.

Мы ожидали ее в кабинете инженера Дю Дён-ни. Хан Сель-я рассказывал нам о положении корейской женщины в прежние, совсем недавние времена. Нередки были случаи, когда 18- или 20-летняя девушка выходила замуж за 13-летнего мальчика. Став женой почти что младенца, она работала за двоих: за себя и за него. Быстро старилась и опускалась. Муж брал себе вторую, молодую жену. Между двумя женщинами обычно возникала вражда, от которой им обеим было не сладко.

Новый закон о женщине кладет конец всему этому. Он является основой здоровых человеческих отношений. Миллионы кореянок воспрянули духом.

Недавно в небольшом городке, недалеко от Канко, был такой случай. К председателю Народного комитета приходит молодая женщина с жалобой на мужа, который несколько лет тому назад взял ее в качестве второй жены. Она пошла за него без любви. Ее принудили. Теперь она хочет развестись с ним.

Председатель обещал помочь ей.

На следующий день его посетила преждевременно состарившаяся женщина — первая жена того человека, на которого вчера поступила жалоба. Женщина не знала этого и просила председателя избавить ее от «незаконной молодой соперницы».

На третий день в Народный комитет явился моложавый кореец — муж этих двух женщин. Он долго выражал свое восхищение новым законом о женщине, а затем, изложив свое дело, не подозревая того, что оно уже известно председателю, заявил ему, что хочет оставить у себя только одну из своих жен — разумеется, молодую...

Мы так и не знаем, чем кончилась эта история. Вошла Ким Ди-ё, и рассказ Хан Сель-я был прерван.

Инженер Дю Дён-ни, рассказывая о Ким Ди-ё, забыл упомянуть, что она была первой женщиной на заводе. До нее ни одна кореянка не работала в цехе. С тех пор положение сильно изменилось. Только в одном мыловаренном цехе работает 68 девушек. Год назад все они были неграмотны. Лишь из рассказов мужчин они узнавали о том, что делается в стране. То, что они сами не могли прочесть газету, тяготило их. Им даже казалось, что мужчины, приходившие беседовать с ними, свысока смотрели на них. И они решили научиться читать и писать. Ким Ди-ё пошла в Женский союз и рассказала обо всем. Женский союз поручил учительнице Хан Ю-сун организовать в мыловаренном цехе химического комбината кружок по ликвидации неграмотности. Все грамотные женщины включились в эту работу и отдают ей много сил.

Молодая учительница Хан Ю-сун, отработав свое время в школе, шла вечером на завод. Каждый день ей приходилось проделывать путь в несколько километров. Она сильно уставала, но трудолюбие и прилежание учениц были так велики, что она всячески старалась скрыть от них свою усталость. Многие из ее учениц за год научились читать и писать. Наибольших успехов добилась Ким Ди-ё. Она заменила учительницу и вместо нее занимается с неграмотными.

— Вот знаний только у меня очень мало, — жалуется Ким Ди-ё.

— А кто на это не жалуется? — спросил нас Дю Дён-ни, когда мы зашли к нему проститься перед отъездом. — Была бы эта девушка более грамотна, уверяю вас, она бы другой пост занимала на заводе. Сейчас в Корее такое положение, когда каждый кореец должен делать больше, чем он может. И надо сказать, люди стараются изо всех сил. И результат налицо: некоторые цехи нашего комбината по выпуску продукции близки к довоенному уровню и скоро достигнут его. Цех, производящий серу, осенью 1945 года давал всего 900 тонн продукции в месяц, а сейчас дает 13 тысяч

тонн. Максимальный выпуск при японцах составлял 15 тысяч тонн. А народу теперь на заводе в четыре раза меньше. . .

Горная электростанция

Электростанция «Хадичен» построена в начале 30-х годов. Она дает энергию не только громадному химическому комбинату в Канане, но и далеко на юг Кореи. Ее строили три года. Это было одно из самых больших и трудных строительств Кореи. Зимой и летом работали тысячи людей, пробивая сквозь кремнистые горы туннель, соединивший горное озеро с электростанцией.

Здание электростанции расположено у подножия сопки. На вершине сопки сооружено мощное водохранилище. Туда поступает вода из озера. Потом, с высоты трехсот метров, она падает по трем трубам на турбины электростанции.

До войны электростанцию обслуживало 535 инженеров, техников и рабочих. Японец получал вдвое больше корейца, выполнявшего ту же самую работу. Директор электростанции объяснял корейцам:

«Ваша — вода, наши — машины. Ваши — руки, наша — голова. Что важнее? — Миллионы лет существует вода, а пахать землю или перевозить тяжести способен и бык. Будьте довольны тем, что мы приводим в порядок вашу дикую землю, и отбросьте глупую затею стать такими же, как мы».

Японцы и корейцы жили рядом, но это были два совсем различных мира. Правда, их соединял мост, переброшенный через ручей, который образован водой, вышедшей из-под турбин электростанции. Но корейцу не разрешалось переходить через мост на ту сторону, где жили японцы. Он только с другого берега мог смотреть на японский поселок — ряды аккуратных серых домиков, так тесно прижавшихся один к другому, как будто им было страшно в Корее.

В маленьком японском поселке было две школы, а в большом корейском — ни одной. Из трехсот корейских ребят школьного возраста учились меньше половины, и большинство из них ходило в школы, располо-

жённые в соседних деревнях. До одной было десять, до другой — двадцать пять километров.

15 августа 1945 года жители поселка Хадичен узнали о капитуляции Японии. Вечером было созвано собрание жителей, которые избрали комиссию по приему электростанции от японцев. Председателем комиссии был избран Ким Дин-ель. Он был самым грамотным из корейцев и лучше всех знал электростанцию.

17 августа сбежал один из японских инженеров и унес с собой некоторые очень важные чертежи. Узнав об этом, 25 молодых корейцев разоружили японскую полицию. Был создан молодежный вооруженный отряд, взявший на себя охрану электростанции.

12 дней продолжалось двоевластие, когда японцы и корейцы считали себя хозяевами. 28 августа состоялось совместное заседание японской дирекции и корейской комиссии. Оно происходило в кабинете директора за большим столом. По одну сторону сидели японцы, по другую — корейцы. Между ними был стол, который и тем и другим напоминал мост, всегда разделявший их. Но японцы последний раз сидели за этим столом.

Беря в свои руки электростанцию, корейцы не могли рассчитывать на помощь русских инженеров. Советская Армия прошла далеко стороной. До мая месяца 1946 года на станции не было главного инженера. В мае пришел из Сеула Сон Тай-сик, совсем еще молодой человек. В 1944 году он окончил электротехнический факультет и два года работал в тресте электропромышленности на канцелярской должности. Над его столом горела лампочка, получавшая ток с электростанции «Хадичен». Глядя на лампочку, он думал о том, что хорошо бы работать инженером, а не писарем. И он пришел на Север, где, как ему говорили, большая нужда в специалистах. Здесь он был назначен главным инженером электростанции «Хадичен». Доверие тронуло его сердце, он никогда не был избалован доверием. Никогда не думавший над политическими вопросами, он теперь впервые задумался над ними. Люди, стоявшие у власти на Юге, предстали перед ним в новом

свете. Раньше их не с кем было сравнивать, разве что с японцами, а это была совсем небольшая разница. Придя на Север, он увидел здесь других людей. Он понял, что такое реакционеры Юга. Именно таких честных инженеров, как он, реакционеры обрекли на унижение и безработицу.

Энергия «Хадичен» и сейчас идет на Юг. Это огорчает Сон Тай-сика. Мы были свидетелями его разговора с Ким Дин-елем, ныне директором электростанции.

— Пойми, — спокойно говорил ему Ким Дин-ель, — кроме реакционеров на Юге есть честные, простые и хорошие люди. Пойми, что их огромное большинство. Ты им даешь свет, а не чиновникам Ли Сен-мана.

Но Сон Тай-сик настроен совершенно беспощадно. Его не устраивают рассуждения Ким Дин-еля.

— Если на Юге хороших людей большинство, — говорит он, — почему они не прогонят реакционеров? Почему это сделали на Севере?

Теперь начинает горячиться Ким Дин-ель.

— Ты рассуждаешь, как десятилетний школьник, — говорит он. — Почему мы не могли в свое время прогнать японцев? Почему ты сам, когда был на Юге, не выгнал реакционеров? Ты знаешь, что такое Красная Армия? — Знаешь. Ты знаешь, что такое американская армия? — Знаешь. Может быть, рассказать тебе, кто такой Сталин и кто такой Трумэн? Если бы ты понимал в политике хоть сотую долю того, что ты понимаешь в электротехнике, ты бы не задавал таких детских вопросов... Хотя ты сейчас уже кое-что научился правильно понимать. Со временем все поймешь... А теперь пойдемте обедать.

...Мы идем по поселку. Гудок электростанции возвещает об окончании работ утренней смены. Рабочие, не заходя домой, направляются на стройку новой школы, чтобы добровольно отработать свои два часа. Школа строится рядом с лучшим в поселке домом, принадлежавшим японскому директору электростанции. Сейчас в нем детсад. Мы обедали в этом доме. Из его окон видна широкая каменная лестница, ведущая на вершину сопки, где находился японский храм «Синто». Он сломан, и на его месте предполагается разбить парк.

Завод на берегу Желтого моря

Шоссе — как гигантской длины аллея. Десятки километров оно бежит между двух рядов высоких и ветвистых акаций. Стоит ослепительно жаркий полдень. В канавах, разрезающих рисовые поля, ползают одинокие люди. Головы их повязаны тряпками, спины — голые, коричневые. Они ловят жалких маленьких рыбок.

На шоссе, как на улице, — шумно и людно. Буйволы медленно тянут тяжелые двухколесные повозки; скрипя, катятся старые, ржавые велосипеды с громоздким багажом. Кстати, в Корее мы ни разу не видели нового велосипеда. Иногда к велосипеду привязана двухэтажная корзинка, и оба этажа набиты курами, обалдевшими от жары и пыли. Их везут продавать на рынок в Пхеньян. Среди пешеходов преобладают женщины. Они одеты в широкие штаны и узенькие, не застегнутые на груди, кофточки. На головах у них громадные узлы, корзины или ящики. Женщины держатся прямо и шагают твердым шагом, размахивая на ходу руками. Изредка попадаются молодые кореянки, разодетые в шелка, с ребятами, привязанными к спине цветными одеялами. Под ветвями акаций сидят торговки фруктами и восточными сладостями.

И так все 70 километров.

Чем ближе к морю, тем выше сопки. Растительность на них более редкая. Меж низкорослых деревьев, карабкающихся по крутизне вверх, то и дело появляются плешины: белесые, красные и черные. Сопки поднимаются все выше и выше. По сопкам бегут стальные фермы электрической высоковольтной линии. Они взбираются на самые вершины сопок и, как чудовищные скелеты, торчат на фоне голубого неба.

На горизонте возникает грандиозная заводская труба. Завода еще не видно, — он по ту сторону сопки. Труба поднимается из-за сопки, как штык из-за спины солдата. Позже мы узнали, что по своим размерам она занимает второе место в мире. Высота ее — 135 метров, диаметр у основания — 23 метра. Это труба завода цветных металлов.

Территория завода вплотную примыкает к берегу Желтого моря.

Рядом с заводом небольшая сопка. На ее вершине чернеет фигура памятника первому японскому генерал-губернатору в Корее — Кухара. Он сидит спиной к Корее и лицом к Японии. Его поза выжидательна. Его взгляд устремлен в морскую даль, откуда раньше появлялись японские корабли, приходившие в Цинампо за корейским золотом, медью, цинком, свинцом и т. д. Теперь они больше не показываются, и напрасно бывший генерал-губернатор ожидает их.

Завод цветных металлов в Цинампо японцы называли «пристанищем для несчастных». Действительно, только беспросветная нищета могла пригнать сюда человека. Мы разговаривали со старыми рабочими Хам Ган-гос и Кан Сун-мо. Они пришли к Цинампо, оставшись круглыми сиротами. 30 лет они работали при японцах, живя в бараках без окон, без воды, без света.

Рабочему Син Ен-ку 47 лет. Он был безроден и одинок. Он хотел жениться, но за невесту надо было внести выкуп 200 иен. Денег у Син Ен-ку не было. Он поступил рабочим на завод цветных металлов. Ему платили 8 иен в месяц. Он смог откладывать только по 10 иен в год. Проработав 20 лет, он женился.

Завод был, в сущности, тюрьмой. Люди были так подавлены, что не смели даже протестовать. Лишь в 1934 году произошла первая и единственная забастовка. Управляющему заводом была подана петиция, состоявшая из 14 пунктов. Корейские рабочие просили открыть бани и медицинские пункты, провести электричество в бараки, установить одинаковую зарплату с японскими рабочими. Корейцы, по сути дела, просили о том, чтобы с ними обращались, как с людьми.

Управляющий не выполнил ни одной просьбы корейцев. На глазах у делегатов он порвал петицию, а делегатов приказал арестовать. Всего было арестовано 14 рабочих — за каждый пункт по одному человеку. Главные организаторы забастовки Пен Ки-су и Кан Чин-му были осуждены и посажены в тюрьму. Спустя два года оба они умерли от туберкулеза в одиночных камерах.

Жизнь корейского интеллигента была полна превратностей. Он был вечным скитальцем и по своей и по чужим землям. Нынешний директор завода цветных металлов Ким Си-хван, крупный сорокалетний мужчина, с большой курчавой головой, происходит из состоятельной крестьянской семьи. Он окончил гимназию в Канко, а затем работал учителем в сельской школе в уезде Ченпен. Начиная с 1925 года, в этом уезде часто вспыхивали крестьянские восстания. Ими руководил старый крестьянин Ли Ди-ен. Ким Си-хван был его первым помощником. В 1928 году Ли Ди-ен был арестован японцами, а Ким Си-хвану удалось бежать.

Два года он бродяжничал, переходя из уезда в уезд, из провинции в провинцию, а затем, достав фальшивые документы, уехал в Японию. Как это ни странно, там легче было скрываться от японцев. В Токио он поступил на вечернее отделение физико-механического института. Днем он работал в типографии, по вечерам занимался в институте, по ночам готовился к занятиям.

Ким Си-хван 10 лет провел в столице Японии. Он жил во враждебном государстве, его окружали враждебные люди.

Живя в Японии, Ким Си-хван наблюдал, как отправлялись полки для захвата Маньчжурии и Китая. Опьянение легкими победами охватило страну и армию. Газеты писали, что перед «самурайским духом» не устоят никакие преграды. Открыто говорилось о предстоящей войне с Советским Союзом. Назревали события, от которых зависела дальнейшая судьба государств и народов. Перед корейцем, жившим в те годы в Японии, лежало три пути: или поступить в японскую армию, или быть арестованным, или, пока есть хоть малейшая возможность, вернуться в Корею. Ким Си-хван избрал последний путь. Он вернулся в Корею и некоторое время жил на Юге, в городе Ингене, работая мастером доменного цеха на металлургическом заводе. В это время у него уже был диплом об окончании института.

Из Ингена Ким Си-хван пешком пришел в Цинампо. Оставаться дальше в Ингене было опасно. За ним была установлена слежка. Завод цветных металлов

нуждался в кадрах, и его приняли на работу. Это было в 1943 году.

14 августа 1945 года Ким Си-хван был арестован. Японцы обвиняли его в том, что он не симпатизирует им. В этом, конечно, они могли обвинить почти каждого корейца.

16 августа, просидев двое суток, Ким Си-хван вышел из тюрьмы. Через неделю его назначили директором завода цветных металлов. До сих пор между рабочим классом Кореи и интеллигенцией почти не было никакого сотрудничества. Теперь они должны были решать единую, общую задачу. Вначале не обходилось без недоразумений. Дух нетерпимости корейского народа ко всему японскому и прояпонскому не нуждается в объяснениях. Многие интеллигенты годами жили в Японии, и это иногда служило основанием для настороженного отношения к ним со стороны отдельных рабочих.

— Теперь, — замечает Ким Си-хван, — наш коллектив стал дружной семьей. Мы сами стали лучше, чем вчера. Завод наш растет и тоже становится лучше. Мы не только сохранили все прежние цехи, имевшиеся при японцах, но открыли два новых цеха, один из которых вырабатывает удобрения для сельского хозяйства. Завод оказывает помощь деревне. Деревня заботится о заводе. В жизни нашего народа происходят великие сдвиги.

ХОЛЕРА

„Холера страшнее тигра“

Возвращаясь из Цинампо в Пхеньян, мы остановились в деревне Кийе. Заглох мотор. Шофер занялся своим делом, а мы тем временем пошли потихоньку вперед. Около одной фанзы, у выезда из деревни, мы увидели палатку. Внутри палатки, между четырьмя шестами, стоял стол. Вокруг стола сидело несколько молодых корейцев. На столе лежал красный флажок.

Вслед за нами маленькая лохматая лошадка везла повозку. Рядом с лошадкой шел ее хозяин, кореец лет 45—50, с черным от зноя лицом, с реденькой бородкой, с белой тряпкой на голове, босой. Из палатки вышел молодой парень с красным флажком в руке и остановил повозку. Между парнем и хозяином повозки завязался оживленный разговор. Похоже было на то, что они о чем-то спорили. Потом подошла еще одна повозка, а вслед за нею несколько корейцев и кореянок. Все они были остановлены.

В палатке помещался контрольный пункт по проверке документов о противохолерной прививке. Тех, кто таких документов не имел, не выпускали за пределы района, пораженного холерой. У контрольного пункта набралось много народу. Никому не хотелось возвращаться обратно, не сделав своего дела. Кое-кто пускался на хитрость. Больше других шумела старуха с узлом тряпья на голове. Она делала вид, что справка у нее есть, но где-то затерялась. Она всюду искала ее: в карманах, за пазухой, даже снимала с ног башмаки и заглядывала в них. Парень с флажком был неумолим. Он понимающе улыбался: «Все ясно, и напрасно вы стараетесь меня обмануть».

На камешках, лежавших между палаткой и фанзой, сидели старики. Перед ними стояла жаровня с углями, покрытыми пеплом. Старики курили свои трубки с длинными мундштуками и молчали. Они словно не замечали того, что происходит вокруг.

Подошла наша машина, и мы уехали.

О том, что в Северной Корее началась эпидемия холеры, мы уже знали. Но все же не верилось, что холера где-то рядом с нами. Так далеки были наши представления о ней.

Вспоминается то утро, когда мы увидели вооруженных полицейских, стоявших на углах одной из центральных улиц Пхеньяна. Через улицу был протянут канат. Несколько кварталов в центре города были опоясаны канатом и охранялись полицией. Кое-где висели плакаты, с которых на проходящих смотрел разъяренный тигр. На плакате было написано: *„Холера страшнее тигра“*.

Впоследствии этот плакат мы видели всюду, куда бы ни поехали. А мы все время были в разъездах. Однажды мы зашли в департамент здравоохранения Народного комитета Северной Кореи. Вот что мы узнали там.

Богач, умерший с голоду

При японцах медицинская помощь была совершенно недоступна громадному большинству корейцев. На Юге и сейчас такое же положение. На весь Сеул, население которого в июне 1946 года составляло 1 миллион 200 тысяч человек, имеется всего одна казенная больница, где берут сравнительно невысокую плату за лечение. Остальные больницы частные. Даже средне оплачиваемым интеллигентам, не говоря уже о рабочих, они не по средствам.

Был в Сеуле случай, когда богатый кореец, владевший в центре города большим универсальным магазином, женился на японке. Он считал себя счастливчиком, потому что за 35 лет японской оккупации Кореи не более 150 японок согласились вступить в брак с корей-

цами. Вскоре, однако, жена этого «счастливчика» заболела. Он стал возить ее к лучшим врачам. Три года он лечил ее и пролечил все свое состояние. В конце концов он разорился, стал нищим и умер с горя и с голоду. В связи с его смертью японские газеты поместили небольшую заметку, в которой об этом случае говорилось как о примере безграничной любви корейцев к японцам.

Несколько цифр

Как только появились первые признаки эпидемии холеры летом 1946 года, Советское командование в Корее предложило свою помощь корейским властям. Предложение было принято. В Северную Корею приехала большая группа советских медицинских работников. В Гензане и Цинампо были открыты советские госпитали. В корейских госпиталях работали советские эпидемиологи-консультанты.

В результате профилактической работы, проведенной советскими врачами, в Северной Корее заболевших холерой было гораздо меньше, нежели в Южной. По данным газеты «Чу Ве Синбо», издающейся в Сеуле, на 7 августа 1946 года на Юге заболело холерой 8149 человек и умерло 5297 человек. На Севере к концу августа заболевших было немногим больше 2000. В советских госпиталях смертность была снижена до 35%, в корейских — до 50%.

По свидетельству многих корейцев, пришедших с Юга, американцы никакой медицинской помощи корейцам не оказали. Они ушли из городов в леса и сопки. Корейцы были предоставлены самим себе. У них было очень мало врачей и совсем не было самых необходимых медикаментов. В американские воинские части поступил пенициллин. Американские офицеры продавали его корейским спекулянтам, а те перепродавали врачам. Флакон пенициллина в Америке стоит 1 доллар 40 центов. В Сеуле он стоил более чем в сто раз дороже — 150 американских долларов. Для корейца такая сумма — целое состояние.

На Юге никакого организованного противодействия холере не было оказано.

На Севере все население было поднято на борьбу с холерой.

В октябре мы проезжали по провинциям Гензан и Канко. Ехать надо было очень осторожно. У въездов и выездов из деревень, на перекрестках дорог и перед мостами были вырыты квадратные ямки. Они были наполнены белым известковым раствором и имели двойное назначение: во-первых, облегчали работникам контрольных пунктов останавливать автотранспорт с целью проверки у едущих документов о противохолерной прививке, во-вторых, известка дезинфицировала колеса машин.

На Севере тысячи людей работали на дорогах, в больницах и госпиталях, несли дежурства у контрольных пунктов.

В Гензане мы встретились с группой советских медицинских работников. Возглавлял группу один подполковник медицинской службы. Мы приводим его рассказ:

«В Северной Корее по борьбе с холерой работает 25 советских врачей-эпидемиологов, 63 фельдшера и 24 санитара-дезинфектора. Весь медицинский персонал разбит на пять бригад. Каждая бригада отвечает за определенный район.

Приехав сюда, мы прежде всего точно установили, откуда занесена холера в Северную Корею. Затем мы обследовали на выбор несколько холерных очагов.

Работать в первое время было очень трудно. Население не помогало нам. Наоборот, оно затрудняло нашу работу. Боясь, что русские врачи будут поступать так же, как японские, то есть сжигать целые деревни, в которых обнаружат холеру, корейцы укрывали больных. Умерших они прятали под крышу или в подполье, а потом хоронили тайком. Приходилось останавливать похоронные процессии и в гробу вскрывать покойника. Учтите, что это происходило ночью, и тогда вы можете представить, что картина получалась довольно-таки мрачная. Но мы ни от чего не отступали. Корейские

власти всячески поддерживали нас и помогали нам. Особенно мы благодарны молодежным организациям.

Мы установили, что холера занесена с Юга. Ее занесли рыбаки, плавающие на своих шхунах по Желтому морю.

В холерных очагах мы обнаружили вопиющую антисанитарию. Покойники лежали по три и по пять дней непохороненными. Поминки устраивались в помещении, где только что лежал труп. Вещи умерших продавались на базаре.

Мы рекомендовали корейским властям проведение ряда жестких мер. В частности, по нашему предложению рыбакам было запрещено выходить в море; в городах и районах, пораженных холерой, были закрыты базары. На отдельных участках было временно приостановлено железнодорожное движение, всему населению Северной Кореи сделаны противохолерные прививки и т. д.

Это дало свои результаты. Корейское население и корейские врачи, так недружелюбно встретившие нас, теперь не знают, как выразить свою благодарность. Недавно был устроен большой прием в Пхеньяне в честь советских врачей. Народный комитет от имени всего населения отправил благодарственную телеграмму советскому командующему в Корее.

Наша работа убедила корейцев в том, что с холерой можно бороться, может быть, даже более успешно, чем с тигром, с которым они сравнивают ее».

ДВА УНИВЕРСИТЕТА

I

В Пхеньяне, в только что открывшемся университете, мы познакомились с профессором Хван До-еном. Он прибыл из Сеула два дня тому назад. Больше часа он рассказывал нам о Сеульском университете. Рассказывая, профессор бил кулаком по столу от ярости и негодования. Вот что он рассказал.

Взрыв в Чаньчуне

Господин Хван До-ен учился в японском университете в городе Киото. Вместе с ним училось несколько китайцев. По окончании университета китайцы были направлены на преподавательскую работу в Чаньчуньский университет. Годом позже туда поехал и Хван До-ен.

Университет в Чаньчуне — столице Маньчжурии — не был университетом в полном смысле этого слова. Он был организован командованием Квантунской армии как орудие колониальной политики. Китай и Корея входили в состав так называемой «сферы восточно-азиатского совместного процветания».

Японцы пытались ассимилировать китайцев и корейцев, лишив их национального облика.

В университете было семьдесят пять преподавателей: 70 японцев, четыре китайца и один кореец. Значительный процент студентов составляли японские солдаты, из них готовили шпионов. Господину Хван До-ену и его китайским коллегам трудно было работать в таких

условиях. Студенты каждый день писали на них доносы. Ежемесячно на квартиру Хван До-ена приходила японская полиция. Хван До-ен давал полный отчет полицейским за истекший месяц: о книгах, которые прочел, о людях, с которыми он встречался, о том, что он делал по вечерам, приходя из университета домой, о чем думал (!), когда не нужно было думать о своих непосредственных служебных обязанностях.

Хван До-ен не раз собирался бежать из Чаньчуня. Но бежать было некуда. Он дождался часа, когда бежали японцы. 10 августа 1945 года университет покинули крупные «ученые чины», 11-го — средние, 12-го — помельче, 13-го — совсем маленькие.

В ночь на 14 августа университет был взорван, а университетский город сожжен.

На следующий день профессор Хван До-ен выехал из Чаньчуня.

Возвращение на родину

В октябре 1945 года профессор Хван До-ен прибыл в Сеул.

В Сеуле была пора митингов и демонстраций. Отовсюду приходили люди. Изгнанники возвращались на родину.

Университет переживал период самоуправления. Все вопросы решались на собраниях профессоров и студенческих сходках. Университет стал центром единения научных сил Кореи. Здесь развернуло свою деятельность Общество научных работников, которое со временем должно было перерасти в Корейскую Академию наук. Во главе общества стоял виднейший экономист Кореи Пак Ки-че.

Профессор Хван До-ен пришел в Сеульский университет. Он встретился с Пак Ки-че. Они были связаны узами старой дружбы. Днем они преподавали в университете, ночью строили планы развития корейской национальной науки. То было время, полное надежд и увлечений.

Человек с американским образованием

Однажды утром все студенты и преподаватели были приглашены в актовый зал университета. Никому не известный кореец, сказавший, что он выполняет поручение американской военной администрации, прочел перед собравшимися приказ о назначении Пек Нак-чуна деканом юридического и филологического факультетов.

Пек Нак-чун был хорошо известен в университете. Он 35 лет состоял на службе у японцев, служа им верно и преданно.

Преподаватели и студенты избрали делегацию, которую уполномочили заявить американской военной администрации протест против назначения Пек Нак-чуна. Протест не был принят во внимание. Было указано на то, что Пек Нак-чун — человек с американским образованием. Он, дескать, легко сработается с американцами. Ну, а что касается его хороших отношений с японцами в недавнем прошлом, то это не может быть причиной отвода. Служба есть служба.

Все понимали: если произошла смена господ, а слуги остались те же, то все будет по-старому.

Вечером того же дня состоялось второе собрание преподавателей и студентов. Пек Нак-чун произнес речь:

— Мы переживаем такое время, — сказал он, — когда стране необходима самая суровая диктатура. Это относится и к университету...

Пек Нак-чун провозгласил себя диктатором университета. Волей диктатора Общество научных работников было ликвидировано.

— Всякое добровольное общество, — сказал Пек Нак-чун, — есть демократия, пробуждающая дух хаоса и разрухи. Мы стоим за порядок, который может дать только сильная власть.

Пек Нак-чун объявил для всеобщего сведения и неуклонного исполнения «Правила поведения преподавателей».

Поскольку всякий преподаватель, говорилось в «Правилах поведения», является в той или иной степени воспитателем молодого поколения, над всей его деятель-

ностью устанавливается строжайший контроль. Преподаватель не может принадлежать ни к какой политической партии. Всякая партия заражает человека пристрастием. Преподаватель должен быть объективен, как сама наука.

В целях сохранения беспристрастия преподавателю запрещается выступать в печати или по радио, за исключением тех случаев, когда это найдет нужным руководство университета.

Преподаватель, говорилось далее в «Правилах поведения», должен сторониться чуждой ему среды. Для него нет ничего ближе и родней университетской атмосферы. Поэтому он обязан ежедневно девять часов проводить в университете, с 8 утра до 5 вечера, независимо от того, есть у него лекции или нет.

Профессор Хван До-ен говорит, что этого не было даже в Чаньчуне. Это было хуже, чем в Чаньчуне.

„Время истекло...“

Многие студенты и преподаватели перестали посещать университет. В университете царило запустение.

В январе 1946 года американская военная администрация отдала приказ в течение суток освободить один из основных корпусов университета. В этом корпусе размещался ряд лабораторий и университетская фундаментальная библиотека — одна из лучших на Востоке.

Пек Нак-чуна не было в тот день в Сеуле. Может быть, его заранее поставили в известность, и он выехал, чтобы снять с себя всякую ответственность за то, что произойдет. За целый день из библиотеки не было вынесено ни одной книги. Некому было этим делом заняться. К вечеру в университете собралось несколько сот студентов, каким-то образом узнавших о приказе американцев. Студенты шумели и не хотели ничему верить. Так, пошумев, они и разошлись, ничего не сделав.

Утром к университету подошли американские машины с солдатами и военным имуществом. Они подошли точно в тот час и в ту минуту, которые были указаны

в приказе. На машинах приехала авиационная часть, которой было приказано разместиться в университетском здании.

Когда пришли студенты, у ворот университета стоял американский часовой. Студенты подняли шум. К ним вышел офицер. Они стали просить его дать им время, необходимое для того, чтобы вынести хотя бы наиболее ценные книги. Американец посмотрел на часы и ответил:

— Время истекло...

Пока студенты разговаривали с офицером, солдаты устраивали себе постели в лабораториях. Открыв окна, солдаты выбрасывали наружу все, что им мешало. Ценное лабораторное оборудование было выброшено, поломано и побито. Внутри здания было оставлено только то, что можно было сжечь. Стало холодно, и солдаты затопили печи. Книги горели великолепно.

Студентов просили разойтись по домам.

В течение нескольких дней американские солдаты грелись у огня, на котором сгорала богатейшая библиотека Востока с редчайшими изданиями и древнейшими рукописями Кореи и Китая.

„Тронная" речь господина Пак Ен-хва

Число высших учебных заведений в Сеуле сокращено с 11 до 8. Закрыты все гуманитарные факультеты. Зато вновь открыт торговый институт. Американцы убеждают корейцев:

— Вы должны учиться торговать. Товаров у нас хватит.

К руководству народным просвещением в Южной Корее привлекаются безвестные лица, нередко с темным прошлым. Директором вновь открытого торгового института назначен Пак Ен-хва, служивший у японцев управляющим заводом. Когда японцы ушли, он присвоил себе завод и стал капиталистом.

В день открытия института Пак Ен-хва произнес «тронную» речь. Она была закончена такими словами:

— Многие меня называют предателем. Это клевета Я заслужил уважение у представителей той страны, которая покровительствует нашему народу. Это очень важно. Скромная должность директора института, если умело ею воспользоваться, скрывает великие возможности. Не посчитайте это за бахвальство, но, может быть, мне суждено стать для Кореи таким человеком, каким был для Америки Вудро Вильсон. Известно, что он тоже начал свою карьеру педагогической деятельностью...

Когда Пак Ен-хва держал эту речь, здание института охранялось крупным полицейским отрядом численностью до пятидесяти человек. Храбростью, так же как и скромностью, Пак Ен-хва не отличается. Даже в машине он не рискует выезжать один. Его всегда сопровождает полицейский.

Забастовка

Летом 1946 года конференция преподавателей Сеула обсудила политику народного просвещения, проводимую в Южной Корее. Политика эта была названа колониальной политикой. Конференция обратилась с письмом к американскому командованию в Корее и к правительству США с просьбой сохранить все высшие учебные заведения и отстранить от руководства ими лиц, ранее сотрудничавших с японцами.

Ответ не был получен.

Конференция, избрав Комитет сопротивления колониальной политике народного просвещения в Южной Корее, прекратила свою работу.

В конце августа южные газеты объявили новые правила приема в университет и другие высшие учебные заведения. Фактически экзамены отменялись. Для поступления в университет не требовалось даже свидетельства об окончании гимназии. Достаточно было иметь рекомендацию «благонадежного человека», то есть реакционера.

270 профессоров и преподавателей заявили протест против новых правил приема в вузы. Студенты присое-

динились к преподавателям. Они отказались регистрироваться в связи с началом нового учебного года. Так началась забастовка. Центром ее стал университет.

В ранний час 14 сентября 1946 года — первый день регистрации вновь поступающих — к университетским корпусам подошло около 500 студентов. Они загородили все ворота и проходы. Ни один из вновь поступающих не сумел проникнуть в университет. Некоторые из них присоединились к бастующим, предварительно изорвав свои рекомендации. Второй день регистрации начался так же, как и первый. Отряд забастовщиков умножался. Но во второй половине дня положение изменилось. К университету подошла американская машина. Сквозь шумную толпу она пробилась в главные университетские ворота. В машине сидело несколько молодых корейцев и американских солдат. До вечера машина сделала еще два или три рейса.

На третий день, 16 сентября, на студентов, оберегавших честь своего университета, напала конная полиция. Несколько человек было избито и арестовано. Комитет сопротивления, руководивший забастовкой, дал указание студентам зарегистрироваться и приступить к занятиям. Новых студентов было зачислено всего 50 человек из 200, имевших рекомендации. Остальные 150 человек отказались въезжать в университет на американской машине под охраной американских солдат.

Встреча „старых друзей“

Сеульский университет остался без преподавателей. Одни были уволены диктатором Пек Нак-чуном, другие ушли сами.

Кафедры опустели. Пек Нак-чуна это не смутило. Он придумал выход. В городе болталось несколько десятков молодых людей, ранее учившихся в университете, но не окончивших его. В годы войны, откликнувшись на призыв императора Японии «защищать Восток от натиска Запада», они покинули университет и ушли добровольцами в японскую армию. Япония была разгромлена, и молодые люди вернулись в Сеул. Как ста-

рые друзья, они встретились с Пек Нак-чуном. Пек Нак-чун пригласил их, не имеющих даже университетского диплома, на преподавательскую работу в университете.

Недоучки заняли места известных в Корее профессоров. Университет стал рассадником невежества.

II

Мы провели почти целый день в Пхеньянском университете. Мы разговаривали с преподавателями и студентами. Вот что они рассказали.

Имени Ким Ир-сена

Собственно говоря, Сеульский университет, основанный при японцах, никогда не был очагом национальной культуры. Ректором его был японец, во главе кафедр стояли японцы, они же составляли большинство преподавателей и даже студентов. Среди многочисленной группы ассистентов насчитывалось всего пять корейцев.

В Пхеньяне, впервые за всю историю Кореи, создавался подлинно национальный университет. 15 сентября 1946 года мы были на его торжественном открытии. Большой зал был заполнен студентами, преподавателями и представителями общественных организаций. Девушки (их 162 на весь университет), не смешиваясь с мужчинами, сидели отдельной группой, занимая небольшой сектор зала. Они все были одеты в темносиние жакеты.

Зал был увешан лозунгами. Над головами студентов колыхались маленькие флажки, вырезанные из разноцветной бумаги. По бокам сцены висели, скрепленные на подобие стенного календаря, узкие и длинные, как полотенце, полосы бумаги. Это «повестка дня». Фамилия каждого оратора записана на отдельном листке. Как только он подходил к кафедре, листок с его фамилией срывали, на новом листке была фамилия следующего оратора.

Выступающие говорили о той роли, которую должен сыграть университет в возрождении и развитии национальной корейской культуры, о тех трудностях, которые стоят на его пути.

За столом президиума сидели руководители Временного народного комитета Северной Кореи, лидеры партий, ученые, представители Советского командования. Перед открытием собрания зал горячо приветствовал Ким Ир-сена и ректора университета Ким Ду-бона. Со дня нашествия японцев и до изгнания их с корейской земли Ким Ду-бон в своих научных трудах, в печати и в устных выступлениях боролся за чистоту корейской национальной культуры, ограждая ее от японского влияния. С именем Ким Ир-сена связаны самые героические страницы борьбы корейского народа за свою национальную независимость. Ныне эти два человека избраны народом руководителями освобожденной страны. Не только прошлое, но и будущее Кореи связано с именем этих двух людей. По их инициативе открыт университет в Пхеньяне. Университету присвоено имя Ким Ир-сена, а Ким Ду-бон назначен его ректором.

Необыкновенный случай

Популярность Пхеньянского университета среди молодежи Северной Кореи громадна. Набор студентов был закончен к 15 сентября. Последний раз мы были в университете во второй половине ноября. Господин Хач Пин — проректор университета — показал нам пачку писем, только что доставленных почтой. Он сказал нам, что канцелярия ежедневно регистрирует от трехсот до пятисот заявлений от лиц, желающих поступить в университет. Они обвиняют почту, которая с большим опозданием доставила газеты, где была напечатана статья об открытии в Пхеньяне университета и о наборе студентов.

Таких заявлений в университете накопилось уже несколько десятков тысяч. Некоторые настойчивые молодые люди пишут каждую неделю. Еще более настой-

чивые приезжают сами в Пхеньян, проделывая путь в несколько сот километров. А путешествие по Корее в поезде — это весьма относительное удовольствие. Пути в отвратительном состоянии, их не успели еще привести в порядок после японских разрушений. В туннелях, также сильно поврежденных японцами, нередко происходят обвалы. А туннели составляют едва ли не треть железнодорожных путей Северной Кореи. Вагоны, как правило, без стекол. Почти весь подвижной состав был угнан японцами на Юг. Вагоны, в которых теперь ездят по Северной Корее, или подняты со свалок или переделаны из товарных. Иногда сравнительно небольшое расстояние в 200—300 километров поезд идет несколько суток. И все-таки молодые корейцы или кореянки, желающие поступить в университет, приезжают в Пхеньян, зная, что все сроки пропущены и что надежды очень мало. Трудно отказывать таким людям, и тем не менее им почти всегда приходится отказывать.

Впрочем, Хан Пин рассказал нам о человеке, которому удалось добиться своего. Но это совершенно необыкновенный случай, возможный, наверное, только на Востоке.

Тридцать писем написал он в университет и ни на одно не получил ответа. Если бы университет стал отвечать на письма, он ничем другим не мог бы заниматься. Университет ежедневно печатал в газетах объявления о том, что прием закончен. Не получив ответа на свои тридцать писем, молодой человек приехал в Пхеньян. Он пришел в университет и оставил заявление в канцелярии. На следующий день он узнал, что ему отказали. Семь раз он подавал заявления и семь раз получал отказ. Восьмое заявление было написано кровью. И все-таки в приеме было отказано. Тогда приехавший написал кровью второе заявление крупным, размашистым почерком. В заявлении говорилось: «Если меня не примут в университет, я расстанусь с жизнью — брошусь с горы Моранбон в реку Теданган».

И его приняли.

Подвижники

В 1946 году в Пхеньянский университет, с подготовительным отделением и фармацевтическим техникумом при нем, было принято 2003 человека. В университете учатся 162 девушки. На экзаменах к ним пришлось применить несколько пониженные требования.

Среди студентов 460 членов трудовой партии, 16 членов партии «Чёндогьо», 19 членов демократической партии, 737 членов Союза демократической молодежи, остальные 771 человек — беспартийные.

В университете обучаются представители всех социальных слоев населения Северной Кореи. 87 студентов принадлежат к семьям капиталистов, 71 — к семьям помещиков. Остальные происходят из среды рабочих, крестьян, служащих и торговцев.

Стипендию получают только учащиеся подготовительного отделения. Студенты сами добывают себе средства на пропитание. Больше сотни студентов выполняют роль сторожей и уборщиков в самом университете. Человек двести работают по вечерам в учреждениях Пхеньяна переписчиками. Случается и так, что учреждению не нужен переписчик, но приходит студент, и, чтобы только помочь ему, его зачисляют переписчиком. Некоторые студенты периодически уходят в краткосрочный отпуск, зарабатывают немного денег и снова возвращаются в университет.

Проректор университета господин Хан Пин рассказал нам:

— Нынешний корейский студент — подвижник. Он недоедает, недосыпает, работает 16 часов в сутки, у него нет приличного платья. И все же он ни на что не жалуется. Он счастлив. Надо, конечно, понять душу этого человека. Я говорю о каждом из двух тысяч студентов Пхеньянского университета: перед ним лежал унылый и тяжкий жизненный путь. А теперь он учится в университете, — перед ним открываются самые светлые перспективы. И всякий, кто стал студентом, конечно считает себя счастливчиком, а материальными трудностями корейцев не испугаешь.

В последнее время, по словам Хан Пина, усилилась

помощь студентам со стороны различных организаций. Рабочие, если представитель их завода учится в университете, собирают ежемесячно деньги и посылают их своему товарищу. Крестьяне, служащие, кустари — поступают так же. Одному из студентов больше сорока лет. Когда-то он окончил гимназию, но не мог при японцах найти подходящей работы, потому что однажды участвовал в гимназической забастовке, и это ему не забыли. Он стал «холодным сапожником». Днем он чинил обувь на одной из улиц Пхеньяна, по ночам читал книги и учился. Теперь он поступил в университет, блестяще сдав экзамены. Его друзья всячески ему помогают и даже приносят ему в университет обеды.

Прошлое и будущее

Преподаватели и студенты Пхеньянского университета говорят:

— Сеульский университет — это прошлое нашей страны, а наш Пхеньянский — ее будущее. Пхеньянский университет возник ради удовлетворения нужд государства и народа в квалифицированных кадрах.

Размах его работы уже сейчас очень велик. В нем имеется 7 факультетов и в том числе такие, как агрономический, промышленный, железнодорожный.

Сеульский университет не имел своего научного лица. Он не написал ни одного своего учебника. Пхеньянский университет уже приступил к работе над созданием «Истории Кореи», «Истории правовых институтов в Корее», «Истории корейской литературы». Книги эти нужны не только университету, но и всему народу.

Сейчас в Пхеньянском университете преподают 30 крупнейших ученых Кореи. Они пришли из Сеула. Из Сеульского университета в Пхеньянский перешел в полном составе юридический факультет.

ВЫБОРЫ

Исторический закон

По решению Временного народного комитета 3 ноября 1946 года должны были состояться выборы в уездные, городские и провинциальные Народные комитеты.

Из всех законов, принятых Народным комитетом, ни один (даже земельная реформа) не вызвал такого бурного ликования, как закон о выборах. Это станет понятным, если вспомнить, что корейский народ впервые получил возможность выразить свою волю путем свободного, прямого, равного и тайного голосования.

Партии и общественные организации стали энергично готовиться ко дню выборов. В Пхеньяне состоялось собрание руководителей организаций. Было решено создать во всех избирательных округах Единый демократический национальный фронт, который выдвинет своих кандидатов в депутаты. В Единый национальный демократический фронт вошли: трудовая партия, демократическая партия, партия «Чёндогьо», Крестьянский демократический союз, Женский демократический союз, Союз демократической молодежи и другие общественные организации.

Сопротивление реакции

Несмотря на то, что закон о выборах получил единодушную и горячую поддержку народа, реакция, хотя и весьма малочисленная на Севере, предприняла отчаянные попытки если не совсем сорвать выборы, то, во всяком случае, лишить народ единодушия и веры в справедливость нового закона.

Реакционеры отлично понимали, что успех Единого демократического фронта на выборах окончательно лишит их всяких надежд на продолжение борьбы против народа.

Особую активность проявила часть протестантских священников, которые, по вполне понятным причинам, больше чем кто-либо были связаны со своими американскими покровителями. Группа протестантских священников собралась в Пхеньяне на совещание. Священники обратились к верующим с призывом не участвовать в политической жизни, не посещать митингов и собраний. Священники потребовали перенести день выборов с воскресенья на рабочий день.

В уезде Дзюньсун (провинция Южный Пхеньян) двадцать помещиков в знак протеста против выборов отказались получать паспорта, призывая всех последовать их примеру.

Были предприняты попытки использовать экономические затруднения на некоторых заводах.

В районе Кайсен была задержана переброшенная из Сеула группа террористов. Их вожак признал, что в его задачу входило убийство кандидатов, выдвинутых демократическим фронтом.

Все же никакой широкой и открытой деятельности реакционеры не смогли развернуть. Их агитация сводилась не к прямому призыву голосовать против демократического фронта, а к увещеваниям отказаться от участия в выборах.

За народное дело

Однако вскоре даже те протестантские священники, которые участвовали в совещании в Пхеньяне, поняли, что не рассчитали ни своих сил, ни своего влияния на верующих. Больше того, тридцать шесть протестантских священников во главе с популярнейшим Кан Нан-уком выступили с обращением, призывая людей своей веры бороться за общенародное дело.

Делегация католических и протестантских священников посетила Ким Ир-сена и заверила его в полной поддержке закона о выборах.

Глава православной церкви Ким Ен-бон и глава буддистов Тен Чан-цон выпустили специальные обращения к верующим, где говорилось о справедливости избирательного закона.

В воскресенье 6 октября в церквах и храмах всех религий состоялись богослужения в честь предстоящих выборов.

Было очевидно, что ставка реакции на агитацию среди верующих полностью провалилась.

Единство

Тем временем бесчисленные агитаторы всех демократических партий и общественных организаций работали в самой гуще народных масс. Женщины и молодежь были в первых рядах агитаторов. Агитпункты демократического фронта были организованы даже в самых глухих деревнях Северной Кореи. Один агитпункт мы видели в Алмазных горах, в буддийском монастыре, около которого расположена крошечная деревушка.

Агитаторы разъясняли населению сущность избирательного закона, политику Народных комитетов, значение проведенных реформ. Объяснять это было нетрудно, потому что земельная реформа или закон о труде давно уже были поняты трудящимися Кореи.

Интеллигенция Кореи внесла огромный вклад в подготовку к выборам. Достаточно назвать несколько цифр.

Триста семьдесят писателей, поэтов и композиторов создали многочисленные произведения, посвященные выборам.

Художниками было выпущено 1395 плакатов, призывающих голосовать за демократический фронт.

Четыре тысячи актеров и актрис выступили на концертах, организованных для избирателей.

Девятьсот семь фотографов сделали 490 326 снимков, где были запечатлены достижения Северной Кореи под руководством Народных комитетов.

Все руководящие деятели партий и организаций и кандидаты демократического фронта непрерывно общались с широкими массами избирателей, выступая на митингах и предвыборных собраниях.

С обращением к народу выступил по радио Ким Ирсен. Он сказал:

«Народные комитеты, как форма народной власти, возникли сразу после освобождения Кореи. Они возникли в результате творческой инициативы самого корейского народа как на Севере, так и на Юге. Это свидетельствует о том, что они являются властью глубоко народной. Популярность Народных комитетов растет с каждым днем. Такая популярность — результат демократических преобразований, проведенных народной властью.

Задача Народных комитетов заключается в том, чтобы закреплять и развивать эти исторические преобразования. На их основе мы должны достигнуть резкого развития сельского хозяйства, промышленности и транспорта, неустанно заботясь о благосостоянии народа. Мы должны бережно охранять государственную и частную собственность. Мы должны всячески привлекать и поощрять местную инициативу в промышленности и торговле. Мы должны создать прочную экономическую базу для строящегося демократического государства. Мы должны уделить огромное внимание развитию просвещения, науки, литературы и искусства. Без просвещения народа прогресс невозможен.

Задачи, о которых я говорил, выполнимы. У нас имеется достаточная территория, неограниченный запас естественных ресурсов, многомиллионное население. Народ, освобожденный от японского рабства, обрел, наконец, свою Родину. Творческие силы народа освобождены для предстоящих усилий и благородного труда. Это главный залог успеха.

Представители некоторых религий говорят: «Народ не может самоуправляться. Бог посылает народам власть, или она назначается другим государством. Люди, управляющие народом, должны быть независимы от на-

рода. Власть избранная — неправильная власть. Кто может быть гарантирован от того, что его соседа не изберут и, значит, сосед будет управлять соседом?» — Я отвечаю: тот, кто отрицает справедливость избранной народом власти, тот хочет вернуть свою страну к прошлому, к позору чужеземного гнета.

Представители некоторых религий говорят: «Нельзя избирать священников в органы народной власти. Священники не должны принимать участия в политической жизни». Однако быть избранным,—значит оказаться на службе у народа. Я спрашиваю: есть ли такая религия, которая запрещает священникам и верующим служить своему народу?

Говорят, что женщина не должна быть избранной, что участие женщин в политической жизни разрушит семейные устои, что жена, избранная в Народный комитет, окажется выше по общественному положению, чем ее муж, и поэтому захочет быть главой семьи. Я отвечаю: женщины составляют половину народа. Без их участия невозможно создать подлинно народную власть. Я напоминаю о героизме корейских женщин, отдавших свою жизнь за свободу нашего народа. О женщинах партизанских отрядов, о замученных в тюрьмах героинях, об учительницах, воспитавших наших детей в духе патриотизма и преданности родине. Честь корейского народа никогда не позволит нам возвратиться к предрассудкам прошлого, варварского отношения к женщине.

Мы гордимся тем, что создаем народную власть, которой никогда не было в Корее за всю ее четырехтысячелетнюю историю. Такую власть, которой еше нет до сих пор во многих странах».

Четыре с половиной миллиона избирателей

Пятого сентября 1946 года Временный народный комитет утвердил Положение о выборах. Была утверждена также Центральная избирательная комиссия в составе одиннадцати человек. В комиссию вошли представители всех партий и общественных организаций Северной Кореи.

На заседаниях Народных комитетов провинций, городов и уездов были созданы местные избирательные комиссии.

Согласно Положению о выборах права голоса лишались прояпонские элементы (547 человек), лица, осужденные за уголовные преступления, и умалишенные. Право участия в выборах получили 4.516.120 человек.

3 ноября 1946 года

Если, как мы уже писали, Корея и в будничные дни производит праздничное впечатление, то этот солнечный, прохладный день 3 ноября стал таким всенародным праздником, какого, вероятно, никогда еще не было в Корее.

Одетые в лучшие свои костюмы, корейцы шли к избирательным участкам. Поскольку делом чести считалось проголосовать как можно раньше, — длинные очереди выстроились у дверей избирательных участков задолго до их открытия, то есть до семи часов утра. Корейцы шли на выборы семьями; тут же, пока взрослые ждали в очередях, дети устраивали шумные свои игры, и это отнюдь не лишало праздник его торжественности, а наоборот, как бы подчеркивало всенародный характер торжества.

Грузовые машины с актерами останавливались у избирательных участков. На грузовиках, как на маленьких эстрадах, актеры разыгрывали короткие сценки, танцовали национальные танцы, пели народные песни. Вместе с профессиональными артистами здесь широко была представлена художественная самодеятельность, в особенности самодеятельность школ и училищ.

Необыкновенная очередь

В половине седьмого мы приехали в сельский округ, где баллотировался Ким Ир-сен. Все избиратели давно уже стояли в очереди у дверей избирательного участка. Это была необыкновенная очередь. Каждый крестьянин

или крестьянка принесли с собой таз с водой, мыло и полотенце. Мы не поняли, в чем дело. Тогда старик крестьянин объяснил нам:

— За такого человека, как Ким Ир-сен, надо голосовать с чистым сердцем и с чистыми руками. Мы вымоем руки перед тем, как взять бюллетень с его именем!..

Прадед и правнук

У дверей избирательного участка первым в очереди сидел на крыльце и курил трубку глубокий старик. Нам сказали, что следующие двенадцать человек, стоящие вслед за ним в очереди, это его сыновья и внуки. Они всей семьей договорились проголосовать первыми.

Старик, глава рода, был болен, и его на руках принес сюда правнук. Правнуку восемнадцать лет, поэтому он еще не имеет права голосовать.

Мы подивились бы всему этому, если бы не знали уже, что на соседнем участке стошестилетний старик пришел на выборы сам и стоял в очереди пятым.

Старик, перепутавший урны

Голосование в Корее происходило так: избиратель получал бюллетень с фамилией кандидата Единого демократического фронта и проходил в особое, закрытое от посторонних глаз помещение, где находились две урны — белая и черная. Если избиратель опускал свой бюллетень в белую урну — значит, он голосует за кандидата. Если избиратель желает проголосовать против, — он опускает бюллетень в черную урну.

Старый крестьянин, очень волновавшийся в торжественную минуту голосования, перепутал от волнения урны — он вместо белой опустил свой бюллетень в черную урну. Тотчас же старик понял, что ошибся, и поднял шум. Пришли члены избирательной комиссии. Старик потребовал, чтобы они переложили его бюллетень в белую урну. Члены комиссии объяснили, что они не могут этого сделать. Урны запечатаны, и никто, согласно закону, не имеет права их распечатать раньше времени. Тогда старик сел на пол, стал рвать на себе седые свои

волосы и сказал, что он не уйдет отсюда до тех пор, пока не переложат его бюллетень. Члены комиссии не знали, что им делать.

В конце концов выход был найден. Связались по телефону с вышестоящей избирательной комиссией, и она разрешила при подсчете голосов считать один бюллетень из черной урны поданным за кандидата демократического фронта.

С таким решением старик согласился, он встал и вышел вполне удовлетворенный и довольный собой.

Два шофера

Мы возвращались в Пхеньян часам к двенадцати, когда в сельских участках, где мы побывали, проголосовали уже все избиратели.

По дороге мы увидели, как две корейские машины, идущие навстречу друг другу, остановились. Из одной вышел шофер и стал кричать на другого шофера. Наш переводчик решил выяснить, почему человек ругается и кричит в такой торжественный день. Переводчик вышел из машины и подошел к шоферам. Он вернулся очень веселый и рассказал, в чем дело.

Оказывается, один из шоферов ехал к своему избирательному участку, чтобы проголосовать. Другой, голосовавший уже на этом участке, встретил его и устроил скандал, потому что все уже давно на участке проголосовали, ждали только одного, последнего избирателя, именно этого самого шофера. Из-за него участок оказался в числе отстающих.

Мы видели, как шофер, которого столь бурно изругали, включил мотор и погнал свой грузовик со скоростью не меньшей, чем восемьдесят километров в час.

Последняя просьба умирающей

Эту историю нам рассказали в Пхеньяне в 26-м избирательном участке.

Две недели тому назад тяжело заболела двадцатитрехлетняя девушка Ким Цон-син, член Союза демократической молодежи. Она была единственной дочерью

своих родителей, убежденных протестантов. Родители очень любили свою дочь, но всячески старались обратить ее в «истинную веру». Было много тяжелых семейных сцен и объяснений, когда Ким Цон-син вступила в Союз молодежи. Были использованы все средства убеждения и угрозы, чтобы заставить девушку уйти из Союза. Еще задолго до дня выборов родители, верившие агитации своих реакционных священников, любыми способами уговаривали дочь отказаться от участия в выборах.

Потом Ким Цон-син тяжело заболела. В ночь на 3 ноября родители не отходили от ее постели. Было ясно, что девушка умирает. Утром Ким Цон-син спросила отца и мать, выполнят ли они ее последнюю просьбу.

— Конечно, дочка, — сказали родители, — мы сделаем все, что ты пожелаешь.

— Я прошу, — сказала Ким Цон-син, — чтобы мне принесли на дом урну, я хочу проголосовать так же, как все мои друзья.

И отец пошел на избирательный участок и передал просьбу дочери. Члены избирательной комиссии принесли урны на квартиру Ким Цон-син. Они поставили обе урны у постели девушки и вручили ей бюллетень. Затем, вместе с родителями, они вышли из комнаты и оставили девушку одну. И Ким Цон-син проголосовала так же, как и все ее друзья.

В полдень

К двенадцати часам в Пхеньяне было ясно, что демократический фронт одержал блистательную, огромную победу. Поскольку вся агитация реакционеров сводилась к тому, чтобы народ бойкотировал выборы, а не к тому, чтобы опускать бюллетени в черные урны, то к полудню, когда 87% избирателей проголосовало в Пхеньяне, всем было понятно, что огромное большинство из них проголосовало за Народные комитеты.

Помимо всего прочего, вовсе не надо было быть тонким наблюдателем, чтобы догадаться, на чьей стороне сердца и симпатии людей, которые мощными колоннами, неся портреты Ленина, Сталина и Ким Ир-сена, шли к избирательным участкам.

Ким Ир-сен 3 ноября на избирательном участке.

Согласно Положению о выборах, голосование прекращалось в 23 часа 59 минут.

В Пхеньяне, на берегу реки Тедонган, стоит громадный старинный колокол, окруженный деревянной решетчатой стеной. Когда-то, в древние времена, звон этого колокола возвещал о победе над врагом или о каком-либо другом национальном торжестве. Легенда гласит, что в первый раз звон колокола возвестил о великой победе Ли Сюн-сина. Потом короли Кореи приказывали звонить в колокол, чтобы известить народ о рождении королевского сына или о других столь же безразличных для народа событиях. Потом вообще забыли про колокол, — он уже не звонил больше шестидесяти лет. Его обнесли деревянной решеткой и сохранили как некую историческую ценность.

В 23 часа 45 минут мы были на торжественной церемонии на берегу Тедангана возле колокола, окруженного стеной. При свете уличных фонарей медь колокола тускло блестела сквозь деревянную решетку стены. Перед решеткой стоял стол, покрытый белой материей. Представители партий и общественных организаций, с национальными флагами в руках, выстроились широким полукругом. Мэр города Пхеньяна подошел к столу и произнес краткую речь. Затем, по его приказу, два корейца открыли дверь в стене, окружающей колокол. Один из корейцев был очень стар, другой совсем молод. Мэр города посмотрел на часы. Ровно без одной минуты двенадцать раздался мощный, глуховатый звон старинного колокола. На этот раз он действительно звонил для корейского народа, возвещая о великой победе демократии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обложка художника И. З. Копеляна

Редактор *П. П. Быстров*
Техн. редактор *Л. Г. Левоневская*
Корректор *Н. В. Гессе*

Подписано к печати 7 мая 1948 г.
Форм. бум. 82×110 1/32. Объем 9 1/4 п. л.
Уч.-изд. л. 8,3 Тип. зн. в 1 печ. л. 32800
Тираж 10.000. Изд. № 34.
Зак № 1231 М-01183

Типография № 2 Управления издательств и полиграфии Ленгорисполкома

5 р.